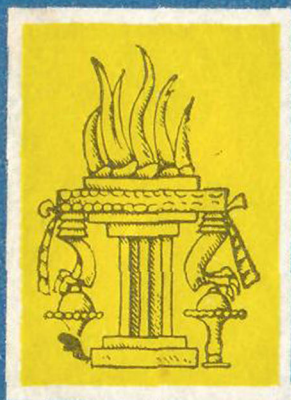

Е.А. ДОРОШЕНКО

Зороастрийцы в Иране

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Е.А.ДОРОШЕНКО

Зороастрийцы в Иране

(Историко-этнографический очерк)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1982

1Ф
Д69

Ответственный редактор
Э. А. ГРАНТОВСКИЙ

Дорошенко А. Р.

Д69 Зороастрийцы в Иране (Историко-этнографический очерк). М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1982.

133 с.

В книге кратко излагается история зороастризма. Рассматриваются обычаи, обряды, ритуальные церемонии и праздники иранских зороастрийцев, их исторические связи с живущими в Индии единоверцами (парсами). Показано положение иранских зороастрийцев и роль зороастрийской общины на протяжении XIX—XX вв., а также приспособление зороастрийцев к современным условиям жизни.

Д 0506000000-170
013(02)-82 КБ-5-31-82

1Ф

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1982.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Зороастризм возник в первых веках I тысячелетия до н. э. на территории Иранского нагорья, в его восточных областях, и получил широкое распространение в ряде стран Ближнего и Среднего Востока. Зороастризм был господствующей религией в древних иранских государствах, а с начала Сасанидской эпохи он становится государственной религией. После завоевания Ирана арабами и падения Сасанидов население приняло, хотя и не сразу, новую религию — ислам. Лишь незначительная часть сохранила свою старую веру, несмотря на гонения и репрессии со стороны властей и мусульманского духовенства.

В настоящее время в Иране проживает около 35 тыс. зороастрийцев¹. До революции 1978—1979 гг. большинство зороастрийцев проживало в городах: Тегеране, Исфahanе, Ширазе, Хорремшехре, Ахвазе, а также в Йезде, Кермане — и их окрестностях².

Тяжелая судьба, выпавшая на долю зороастрийцев после арабского завоевания, постепенно разбросала их по всему свету. Многие из них в VIII—X вв. переселились из Ирана в Индию, особенно в штат Гуджерат, там они стали называться парсами. В настоящее время в Индии их насчитывается около 100 тыс.³ В Пакистане проживает примерно 5 тыс. парсов, 3 тыс. — в Канаде, США, Англии, около 200 человек — в Австралии, 500 — в Шри Ланке. Сохранились небольшие общины зороастрийцев в Адене, Гонконге, Сингапуре, Шанхае и Гуанчжоу⁴.

По данным М. Бойс, в 1976 г. во всем мире проживало 129 тыс. зороастрийцев⁵.

О зороастризме, пророке Зороастре, священной книге зороастрийцев — Авесте существует обширная литература на многих языках мира, в том числе и на русском. Монографии, исследования и статьи русских, совет-

ских и зарубежных ученых охватывают широкий круг вопросов о пророке Зороастре, времени и месте его рождения, начале проповеди, проблеме локализации и датировки Авесты, становлении зороастризма как государственной религии и т. д. Большой интерес представляют также проблемы влияния зороастризма на религии других народов, в том числе и на ислам.

Философско-мировоззренческая система зороастризма, его догматика, содержание Авесты нашли отражение в трудах и исследованиях нескольких поколений крупных русских и советских ученых, таких, как К. А. Коссович, К. Г. Залеман, С. Ф. Ольденбург, В. В. Бартольд, В. В. Струве, А. А. Фрейман, Е. Э. Бертельс, И. С. Брагинский, М. М. Дьяконов, И. М. Дьяконов, В. И. Абаев, И. Алиев, И. М. Оранский, М. А. Дандамаев, В. А. Лившиц, А. О. Маковельский, В. Г. Луконин, Б. Г. Гафуров, Э. А. Грантовский и др.

Среди зарубежных специалистов, внесших большой вклад в изучение Авесты и зороастризма, можно отметить Анкетилля Дюперрона, Е. Бюрнуфа, Ф. Шпигеля, В. Гайгера, Ж. Дармстетера, Э. Бенвениста, Э. Герцфельда, У. Хеннинга, Г. Виденгрена, И. Маркварта, К. Гельднера, Ж. Дюшен-Гийемена, М. Моле, М. Бойс, Р. Фрая, С. Х. Таги-заде, М. Пур-Давуда.

Обращает на себя внимание скудость источников и литературы о положении зороастрийцев в Иране в разные исторические периоды. Почти полностью отсутствуют данные о положении, социальном составе, жизни и деятельности зороастрийского религиозного меньшинства в современном Иране, что, безусловно, осложняет работу исследователя этих проблем. Единственным исключением в этом смысле являются работы, принадлежащие перу известной английской ученой Мэри Бойс, которая в 60-х годах довольно долго жила в традиционных центрах зороастризма Ирана — Йезде и Кермане и подробнейшим образом описала сохранившиеся и действующие культовые сооружения зороастрийцев, их традиционные жилища в деревнях, прилегающих к Йезду и Керману, зороастрийские праздники, обычаи и обряды, беседовала с верующими и служителями культа.

Фактический материал, приводимый в статьях и книгах М. Бойс, а также несколько работ зороастрийских священнослужителей, ученых и общественных дея-

телей являются особо ценными для исследователя, интересующегося как прошлым, так и настоящим зороастрийцев Ирана.

Предлагаемая читателю книга не претендует на всеобъемлющий охват темы, а ставит перед собой более скромную задачу. В ней предпринята попытка рассмотреть ряд вопросов, связанных с зороастрийским вероисповеданием, проследить эволюцию зороастрийской общины в Иране в основном на протяжении последних веков, показать взаимоотношения иранских зороастрийцев со своими единоверцами-парсами, проживающими в Индии, наконец, познакомить читателей с формами приспособления и адаптации иранских зороастрийцев к современным условиям.

В предлагаемой работе учтены основные теории, предположения и гипотезы по проблемам зороастризма и Авесты, высказанные современными учеными. Автор выражает глубокую благодарность сотрудникам Отдела Ближнего и Среднего Востока ИВ АН СССР за ценные и полезные замечания по теме данной книги.

Глава I

КРАТКИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ ЗОРОАСТРИЗМА

Зороастрийская религия получила свое название от имени ее основателя пророка Заратуштры (Зороастра — в древнегреческом и современном произношении). В настоящее время ученые считают, что целый ряд вопросов, связанных с временем жизни пророка Зороастра, местом его рождения, началом проповеди нового вероучения и областью распространения зороастризма остается в сфере научных гипотез и предположений.

Главным источником для изучения зороастризма является Авеста — свод священных текстов зороастрийского вероучения. Впервые Европу познакомил с содержанием Авесты французский ученый Анкетиль Дюперрон в XVIII в. В 1755—1761 гг. он побывал в Индии, в штате Гуджерат у парсов, потомков иранских зороастрийцев. Он изучил их обряды, обычаи и научился читать древние религиозные тексты сохранившейся части Авесты, понимая их так, как их толковали сами парсы. Купив несколько рукописей текстов Авесты и вернувшись во Францию, Анкетиль Дюперрон сделал перевод Авесты в 1771 г., идя от парсийской традиции. Позднее акад. Бартольд назвал этот перевод важнейшим событием в изучении древнего Ирана¹.

Труд Анкетиля Дюперрона породил обширную литературу. В 1833 г. появился перевод Авесты на французский язык, сделанный Евгением Бюрнуфом, который для понимания языка Авесты применил этимологический метод с использованием сравнительных материалов родственных языков — древнеиндийского (санскрита) и др. С именем Е. Бюрнуфа связано основание так называемой «сравнительной школы» изучения древнеиранских памятников².

Во второй половине XIX в. появились переводы из Авесты, в том числе немецких ученых Ф. Шпигеля и К. Гельднера; последний подготовил издание критического текста Авесты на основании ряда ставших к тому времени известными рукописей Авесты. В 1892—1893 гг. Ж. Дармстетером был опубликован французский перевод Авесты с обширными комментариями, в том числе с учетом традиций парсийских жрецов. Хр. Бартоломе издал фундаментальный «Древнеиранский словарь», включающий в основном материалы Авесты, а также перевод Гат. На основе «Словаря» Бартоломе его ученик К. Вольф опубликовал в 1911 г. перевод Авесты, переизданный в 1924 г., который до сих пор остается последним полным переводом Авесты (кроме Гат Заратуштры, переведенных, как сказано выше, Хр. Бартоломе). Позднее Гаты переводились Ж. Дюшен-Гийеменом, Х. Хумбахом, С. Инслером³.

Дошедший до нас текст Авесты включает в себя следующие части: Ясна (жертвоприношение или молитва), Яшты (гимны божествам) и Видевдат (закон против дэвов, злых духов). В Ясну входят 17 Гат (песен или гимнов пророка Заратуштры), а также так называемая Ясна семи глав, примыкающая к Гатам по времени и характеру языка. Все остальные части Ясны, Яштов и Видевдата составляют так называемую Младшую Авесту, язык которой близок к западноиранским языкам, но имеет ряд восточноиранских особенностей, свойственных архаичному диалекту Гат⁴.

Несмотря на то что в античной литературе Зороастр представляется личностью легендарной и полумифической, судя по Гатам Авесты, Зороастр был реальным историческим лицом.

Само значение имени Заратуштра не выяснено, но оно этимологически может означать «[обладающий] золотистыми верблюдами»⁵. Советский исследователь В. И. Абаев переводит слово Заратуштра как «имеющий старых верблюдов», а американский ученый Р. Фрай разъясняет это слово как «тот, кто ведет верблюдов»⁶. Французский ученый Ж. Дюшен-Гийемен также считает, что слово Заратуштра означает лицо, которое обладало «ценным животным — верблюдом»⁷. Следовательно, Заратуштра — обычное имя, лишенное святости (вторая часть имени — «уштра» переводится как верблюд),

и весьма сомнительно, чтобы мифической и обожествляемой личности дали бы такое простое имя.

Сам Зороастр выступает в Гатах проповедником новой веры, профессиональным жрецом, борющимся и страдающим человеком. В более поздних частях Авесты говорится о том, что он происходил из небогатого рода Спитамы, его отца звали Поурушаспа, а мать Дугдова. Зороастр был женат и имел двух дочерей. Он был небогат. В Гатах упоминается обещание некоего лица подарить ему одного верблюда и десять лошадей.

В Гатах говорится также о том, что новое вероучение, проповедовавшееся Зороастром на его родине, не получило признания и не обрело последователей, вследствие чего он вынужден был бежать, найдя пристанище у Виштаспы — кави (правителя) одной из стран. Кави Виштаспа не только оказал покровительство Зороастру, но и принял его веру⁸.

В Гатах не сказано, где была родина Зороастра и как называлась страна кави Виштаспа, так как слушателям Гат она была хорошо известна. Со временем учение Зороастра передавалось из поколения в поколение, развивалось его последователями и получило более широкое распространение. Однако историческая традиция во многом была утрачена, а хронологии, как таковой, еще не существовало. В результате возникли различные мнения о времени жизни пророка, его родине и области первоначального распространения его учения.

Современные ученые во многом расходятся в вопросе о родине зороастризма и времени жизни Зороастра.

По одной из версий, Зороастр жил за 258 лет до Александра Македонского. Эта дата была известна при первых Сасанидах, а также мусульманскому ученому X—XI вв. н. э. аль-Бируни⁹. При исчислении времени жизни Зороастра пользуются следующими данными: начало правления Александра Македонского (336 г. до н. э.), завоевание Александром Македонским Ирана (333 г. до н. э.), смерть последнего Ахеменидского царя Дария III (330 г. до н. э.)¹⁰. Не исключено, что отсчет времени жизни пророка Зороастра идет от начала так называемой Селевкидской эры (312 г. до н. э.), когда после смерти Александра Македонского его наследниками на Востоке стали Селевкиды, захватившие основ-

ную часть бывших владений Александра в Азии. На основании подобных расчетов известный английский ученый В. Хеннинг счел возможным предложить несколько вариантов датировки жизни Зороастра: 630—553, 628—551, 618—541 гг. до н. э.¹¹ Следовательно, в этом случае Зороастр мог жить во второй половине VII в. — середине VI в. до н. э. На основании этой же традиции Ж. Дюшен-Гийемен определяет период жизни пророка не позднее 600 г. до н. э.¹², а немецкий ученый Ф. Альтхайм относит начало проповеди Зороастра к 569 г. до н. э.¹³ Американский ученый Р. Фрай, исходя из года смерти Дария III, считает, что предположительно период жизни Зороастра может быть около 558 г. до н. э. (330+228)¹⁴.

Но все эти расчеты и предположения не дают ответа на вопрос, какой период жизни Зороастра имеется в виду: начало его проповеди, принятие зороастризма в стране Виштаспы или смерть пророка (по преданию, Зороастр был осенен «истинной» верой в 30 лет, в 42 года обратил в свою веру кави Виштаспу и умер 77 лет)¹⁵.

Некоторые ученые, такие, как И. Гертель, Ф. Кеннинг, Э. Герцфельд, высказывали мнения, что Зороастр был современником царя Дария I, правившего в 522—488 гг. до н. э.¹⁶ Другие ученые полагали, что Зороастр был современником первых Ахеменидов. При этом придавалось значение тому, что отца Дария I звали Виштаспу, как и покровителя Зороастра. Существует предположение, что это одно и то же лицо. Однако другие исторические данные об Ахеменидах и конкретные свидетельства Гат и Авесты о родственниках и окружении Виштаспы и Зороастра противоречат этому мнению.

Версия о том, что Зороастр жил за 258 лет до Александра Македонского, скорее всего лишена реальной исторической основы, ибо при Сасанидах уже не имелось определенных хронологических представлений о древней истории страны и их место во многом занимала эпическая традиция¹⁷. К тому же даже при Ахеменидах отсутствовало реальное представление о времени жизни Зороастра.

Некоторые античные авторы (Ксанф Лидянин — V в. до н. э. и др.) писали, что Зороастр жил за 6 тыс.

лет до первых Ахеменидов. Но эта дата не имеет конкретных исторических оснований¹⁸. Она, очевидно, связана с иранскими представлениями о четырех трехтысячелетних циклах, составляющих содержание мирового процесса, начало одного из которых ознаменовано появлением «истинной» веры, возвещенной пророком¹⁹. Эта дата свидетельствует о том, что при Ахеменидах, видимо, не имелось истинного представления о времени жизни пророка. Вот почему многие ученые, как ранее, так и теперь, предпочитают не основываться на традиции о «конкретных» данных, а исходить из более общих положений, основанных на материалах Авесты и Гат.

Таким образом, Зороастр жил задолго до Ахеменидов. Но при этом разными учеными предлагаются различные даты.

М. Бойс считает возможным датировать жизнь Зороастра в пределах 1700—1500 гг. до н. э.²⁰. Э. Мейер полагает, что начало проповеди Зороастром своего учения можно предположительно отнести к началу первого тысячелетия до н. э. или к XI—X вв. до н. э.²¹. Г. Виденгрэн, Э. А. Грантовский определяют границы жизни Зороастра в пределах X—VII или X/IX—начала VI вв. до н. э.²². Б. Г. Гафуров считал, что Зороастр жил и проповедовал не позже конца VII—начала VI вв. до н. э.²³. По мнению В. И. Абаева, Зороастр жил и проповедовал свое учение в первой половине I тысячелетия до н. э.²⁴.

И. М. Дьяконсв предполагает, что Зороастр жил не позднее VII в. до н. э. В качестве доказательства ученый приводит следующие аргументы: в Авесте нет никаких реалий, свидетельствующих о том, что она сложилась в ахеменидский период. Авестийская материальная культура архаична, она не знает крупных государственных образований, городской жизни, денежных отношений²⁵.

Отсутствие в Авесте имен, связанных с ахеменидскими правителями, а также названий областей Западного Ирана, Персиды, Греции, Египта, Сирии, Месопотамии, Малой Азии дает основание полагать, что Гаты, как самая древняя часть Авесты, появились раньше VI в. до н. э., передавались устно жрецами и были записаны, наряду с другими частями Авесты, значительно позднее царствования Дария. По всей вероятности, Гаты были

созданы либо в Восточной Мидии между концом IX и началом VII в. до н. э., либо, что, пожалуй, более вероятно, в Средней Азии — в хорезмийских владениях, в Бактрии — не позже VI в. до н. э., наиболее вероятно около 700 г. до н. э.²⁶. Указывая на недостаточно точную определенность территории сложения Авесты, И. М. Дьяконов считает, что по месту своего происхождения язык Авесты относится «либо к Средней Азии и Востоку Ирана (нынешнему Хорасану и Афганистану), либо, если к Мидии, то только к крайнему ее востоку»²⁷. В более поздней работе он добавляет: «Большинство исследователей, вероятно, согласится с тем, что эта территория (сложения Авесты.— Е. Д.) должна находиться где-то в пределах полосы, стержневая линия которой может быть проведена между Ургенчем и Чарджуу и далее на Мерв, Герат и озеро Хамун»²⁸.

Ссылаясь на Авесту, и в первую очередь на Гаты, из которых можно почерпнуть данные о сущности совершенной Зороастром религиозной реформы, В. И. Абаев приходит к выводу, что Гаты и отдельные части Авесты создавались в Восточном Иране, у границ со среднеазиатским и скифосакским мирами, на стыке между мирными оседлыми и кочевыми племенами²⁹. Называя «прародиной иранцев» Хорезм, Согдиану, Маргиану, Бактрию, Абаев указывает на то, что они постоянно находились «под угрозой вторжения со стороны североиранских и скифских (сакских, массагетских) племен»³⁰. Он согласен с немецким ученым Ф. Альтхаймом, высказавшим догадку, что в Авесте под словом «тура» подразумеваются скифы. В. И. Абаев указывает на то, что использование в Гатах и Авесте местоимений «мы» и «они» означает, что «мы» — это «авестийские пастушеско-земледельческие племена, перешедшие на оседлость и называющие себя арийцами», а «они» — «их злейшие враги, или скифы-кочевники»³¹.

Как уже говорилось, в Гатах нет сведений о родине Зороастра и о том, где создавались Гаты. Хотя ученые высказывают по этому поводу разные предположения, надо исходить из тех данных, которые имеются в более поздних частях Авесты, в Младшей Авесте, в Ясне, Яштах и Видевдате. Принимая во внимание некоторые реалии, характер авестийских текстов, а также перечисляемые в Авесте области и территории, становится,

в известной мере, ясной географической областью и время распространения отдельных частей Авесты. Поэтому у большинства современных ученых (В. В. Струбе, Е. Э. Бертельс, М. М. Дьяконов, И. М. Дьяконов, В. И. Абаев, И. Алиев, Б. Г. Гафуров, Э. А. Грантовский, Х. Нюберг, В. Виденгрэн, Р. Фрай и др.) не вызывает сомнения тот факт, что родиной зороастризма был район расселения иранских племен на северо-востоке Ирана или в соседних областях Средней Азии и Афганистана, откуда он позднее распространился на запад Ирана. Среди стран, упоминаемых в Авесте, Хорезм, Согдиана, Маргиана, Бактрия (название приводится в Видевдате не в древней, а гораздо более поздней диалектной форме — Бахди)³². Арея — область современного Герата³³. Вместе с тем, судя по некоторым частям Яштов, страна правителя Виштаспы находилась на территории современного Систана. В Авесте это области у оз. Хамун, в низовьях р. Гильменд (авест. Хайтумант)³⁴. Однако некоторые исследователи, например Ж. Дюшен-Гийемен, считают, что это вторичная локализация³⁵. В любом случае эта традиция намного древнее, чем многие другие, более поздние, бытовавшие в средние века, когда считали, что родина Зороастра находилась в Западном Иране.

Большинство современных ученых считают, что родина зороастризма находилась в восточных областях Иранского нагорья или в Средней Азии. Однако, когда речь идет о конкретных областях, высказываются различные точки зрения: Х. Нюберг предполагал, что Гаты могли возникнуть в Согдиане или в соседних областях, Г. Виденгрэн — у берегов Аральского моря, Ж. Дюшен-Гийемен — в Маргиане, Согде и Хорезме, М. М. Дьяконов относил возникновение Гат к Бактрии, И. Алиев — к пограничной полосе между Средней Азией и Восточной Мидией.

На основании вышеприведенных гипотез можно сделать вывод, что зороастризм как религиозное учение возник и первоначально развивался в первой половине I тысячелетия до н. э. на северо-востоке Ирана, в соседних с ним областях Средней Азии и Афганистана³⁶. Новая религия возникла на основе религиозных верований и мифологических представлений древнеиранских племен.

Задолго до начала проповеди нового вероучения, открытого Зороастру якобы самим верховным богом Ахура-Маздой, у иранских племен почитались бог Митра, олицетворение договора, богиня воды и плодородия Ардвисура Анахита, бог войны и победы Веретрагна и др., сложился ряд религиозных обрядов, в том числе связанных с культом огня и приготовлением жрецами для религиозных церемоний опьяняющего напитка хаомы. Уже бытовали легенды о мифических персонажах и эпических героях, представления о которых развивались и после становления зороастризма. Многие из этих образов, обряды и ритуалы восходят еще к эпохе «индоиранского единства», в которое входили предки как иранских, так и индийских племен³⁷.

Согласно Зороастру, высшим божеством является Ахура-Мазда (позже Ормузд, Хормузд; все остальные божества по отношению к нему занимают подчиненное положение)

Вопрос об Ахура-Мазде представляется многим ученым спорным. По мнению части исследователей (Э. Мейер и др.), Ахура-Мазда был придуман Зороастром³⁸; другие ученые считают, что это божество почиталось ранее. Само божество восходит к образу верховного бога иранских племен, который причислялся к категориям божеств, именовавшихся ахура («владыка»). К ним относились Митра и некоторые другие божества. Высший ахура имел эпитет Мазда. Имя Ахура-Мазда означало «Владыка-Мудрость», «Мудрый Господь»³⁹. Ахура-Мазда олицетворял Высшего и Всезнающего бога, бога-творца, бога небесного свода. Он был связан с одним из основных религиозных понятий — арта (в Авесте — аша) — справедливым правопорядком, божественной справедливостью⁴⁰.

У древних ариев наряду с ахурами — высшими богами, наделенными властью морального и абстрактного порядка, почитались дайвы (позже — дэвы) — натуралистические божества, которые позже оставались объектом поклонения части арийских племен, ушедших в Индию, и некоторых иранских племен. Но у других иранских племен дэвы попали «в лагерь зла». Эти племена отвергли культ дэвов. Для древней религии этой части иранских племен был характерен дуализм: противопоставление светлых сил силам темным, добра — злу. Эти

представления получили дальнейшее развитие в системе зороастризма с ярко выраженным противоборством двух начал: сил добра, которые возглавляли Ахура-Мазда и «святой дух» Спента-Майнью, и сил зла и тьмы, возглавляемых духом-разрушителем Анхра-Майнью (позже — Ахриман). К воинству лагеря Анхра-Майнью принадлежат дэвы — бывшие боги, персонифицированные отрицательные понятия, такие, как зависть, лень, дружд — ложь (противопоставление арте — «правде»), злые духи, колдуны и пэри, которые вредят огню, земле, воде, скоту, а также отрицательные мифологические герои, «неверные» и злые властители и др. В ответ на создание благим началом мира, жизни, света, тепла Анхра-Майнью создал смерть, зиму, холод, зной, вредных животных и насекомых ⁴¹.

Большую роль в зороастризме играют отвлеченные понятия. Так, сам Ахура-Мазда заменяет собой ряд арийских божеств, а их функции выступают как абстрактные выражения его сущности: Воху Мана — Добрая мысль, Аша Вахишта — Лучшая правда, Хшатра Варья — Избранная власть, Спента Армати — Благочестие, Амэртат — Бессмертие, Харватат — Целостность ⁴². Эти отвлеченные сущности составляли шесть Амеша Спента — «бессмертные святые». Считалось также, что Воху Мана (позже — Бахман) — покровитель скота, Аша Вахишта (Ордибехешт) — огня, Хшатра Варья (Шахревар) — металлов, Спента Армати (Эсфендармат) — земли, Харватат и Амэрэтат (Хордад и Мордад) — воды и растений ⁴³.

Согласно новому вероучению, Ахура-Мазда, ниспослав откровение пророку Зороастру, открыл ему суть новой религии и поручил обратить людей в новую веру. Зороастр выступил против массовых жертвоприношений скота и культа опьяняющего напитка хаомы, обожествления некоторых древних богов и явлений природы. Но в ритуалах зороастризма, однако, сохранена особая роль культа огня ⁴⁴, как «высшей, всепроникающей и всеочищающей стихии», как воплощение Арты-Правды, одного из древнейших понятий ариев, ассоциирующегося с Верховным богом Ахура-Маздой ⁴⁵.

В учении Зороастра, как и позже на протяжении всей истории зороастризма, важное место отводилось человеку. Ему предоставлен выбор встать на любую сто-

рону в борьбе Добра и Зла. Такой выбор, согласно Гатам Зороастра, был сделан двумя главными «духами» — Спента-Майнью и Анхра-Майнью, даивами, ставшими на сторону зла, скотом или его олицетворением «Душой Быка», перешедшими на сторону добра. Для праведного человека, ведущего борьбу со злом, обязательными являются три правила-заповеди: Добрая мысль, Доброе слово, Доброе деяние⁴⁶.

Основную цель мирового процесса зороастризм видит в победе Добра над Злом, что означает необходимость ведения постоянной борьбы с враждебными силами, за победу Правды и Добра над Ложью и Злом. Причем оружием Зороастра против Ахримана и Друджя всегда считалось не только чтение молитв, страстная вера в зороастрийское вероучение, но и неукоснительное следование указанным выше трем правилам-заповедям⁴⁷.

Согласно зороастризму, приумножение материальных благ человека, развитие скотоводства (преимущественно на раннем этапе) и земледелия (позднее), рождение у праведных зороастрийцев сыновей, которые приумножат воинство благого начала, приведут в конечном счете к победе Добра над Злом⁴⁸.

Уже ранний зороастризм, как он представлен в Гатах, является, по словам В. И. Абаева, свидетельством тесных связей этого вероучения с «материальными реалиями»: экономикой патриархальной общины земледельцев и скотоводов, находившихся на переходной стадии от патриархального общинного общества к классовому рабовладельческому обществу⁴⁹. В то время, в условиях непрекращавшихся набегов и грабежей оседлого населения, религиозный реформатор Зороастр призывал своих единоверцев и последователей к созданию сильного политического объединения с сильным правителем, к развитию скотоводства и земледелия. В этом заключается социальный смысл учения раннего зороастризма. Иллюстрацией к сказанному служат следующие слова пророка, обращенные к Ахура-Мазде: «Когда же, о Мазда, вместе с правдой (Аша) и властью (Хшатра) придет мир (Армати), дарующий добрую жизнь и пастбища? Кто даст нам покой от кровожадных приверженцев Лжи (Другват)? Пусть завоюют убийцы и губители от деяний правителя. Пусть это даст покой

оседлым родам!»⁵⁰. Таким мудрым правителем, способным принести людям мир и покой, Зороастр считал своего покровителя Виштаспу.

Позднее зороастризм начинает видоизменяться: его социально-философская основа во многом сохранилась, но одновременно делается уступка старым, так называемым народным верованиям. В Младшей Авесте представлены гимны, посвященные ряду богов дозороастрийского периода, многим мифологическим персонажам той эпохи, которые издревле почитались иранскими племенами, хотя эти гимны обработаны в зороастрийском духе и включают их собственные идеи и представления. В этом виде зороастризм получил широкое распространение на востоке, а затем и на западе Ирана, где у местных племен бытовали сходные верования и обряды⁵¹.

Вопрос о времени проникновения на запад Ирана самого учения Зороастра разными учеными рассматривается по-разному.

В VII в. до н. э. многие районы западного Ирана были объединены под властью Мидии с центром в Экбатанах (совр. Хамадан). Мидийское государство включало ряд областей Передней Азии и восточной части Ирана (хотя восточные границы Мидии точно не определены). От мидян зависело и персидское царство Ахеменидов. В середине VI в. до н. э. персидский царь Кир поднял восстание против Мидии и образовал новую Ахеменидскую державу (550—330 гг. до н. э.), простиравшуюся от р. Инд на востоке до Эгейского моря на западе и от Армении на севере до первых порогов Нила на юге⁵². По своему этническому составу Ахеменидское государство представляло пестрый конгломерат племен и народностей. Заимствовав многое из культуры и государственного управления Мидии, Ахемениды создали многочисленный административный аппарат, почти не изменив политические институты завоеванных ими стран.

В науке по-прежнему дискутируется вопрос, можно ли называть религию Ахеменидов зороастризмом, а служителей культа этой религии — жрецами-зороастрийцами. По мнению некоторых ученых, зороастризм начал распространяться на запад еще в доахеменидскую эпоху, первоначально на востоке Мидии, в районе Раги

(совр. Рей). Это вместе с тем самая западная из упоминаемых в Авесте областей. По другим мнениям, зороастризм появился в западном Иране уже при Ахеменидах — Кире, Дарии или Ксерксе. Однако есть исследователи, которые полагают, что и эти ахеменидские цари не были зороастрийцами. И. М. Дьяконов не считает Ахеменидов последовательными зороастрийцами⁵³. М. А. Дандамаев называет Ахеменидов полигенстами, которые, однако, многое восприняли из зороастризма и у которых Ахура-Мазда почитался высшим божеством⁵⁴.

До сих пор не решена проблема религии магов, которые являлись жрецами в западном Иране и играли большую роль в политической жизни Мидии и Ахеменидской державы. Некоторые исследователи (Ж. Дармстетер, В. В. Струве, И. М. Дьяконов и др.) полагают, что маги были мидийским племенем, представители которого монополизировали исполнение функций жрецов в Мидии, а вслед за ней и в других иранских областях⁵⁵. Другие ученые считают, что маги были первоначально жреческой мидийской или персидской кастой (Дж. Мессинаи др.)⁵⁶. Но вопрос о характере религии магов разными учеными решается по-разному. Исходя из западноиранского происхождения зороастризма, Ж. Дармстетер и В. Джексон считали, что маги Мидии были зороастрийцами. И. М. Дьяконов, следуя обычному современному мнению о восточном происхождении зороастризма, полагает, что «термин „маги“ изначально связывался с последователями учения Заратуштры и с зороастрийским жречеством»⁵⁷. Существует и другая точка зрения, что маги Мидии не были зороастрийцами, хотя и являлись последователями маздеизма, развивавшегося в западном Иране в IX—VIII вв. до н. э. (В. В. Струве, Э. А. Грантовский)⁵⁸.

По-разному трактуется и религиозная позиция магов в ахеменидскую эпоху (середина VI—IV вв. до н. э.). Как считают советские ученые М. А. Дандамаев и В. Г. Луконин, при Ахеменидах религии персидского народа, царей и магов «не вполне совпадали, хотя различия между ними постепенно стирались»⁵⁹. С точки зрения некоторых других исследователей, признающих Дария I и Ксеркса последователями Зороастра (И. Гершевич и др.), маги не были зороастрийцами. По мне-

нию части ученых, считавших Зороастра современником Дария I, маги в раннеахеменидский период не были зороастрийцами и Дарий I выступил против них как против врагов новой веры; тогда маги были вынуждены принять зороастризм, но впоследствии исказили его, а в IV в. до н. э. последующие цари — Артаксеркс II и Артаксеркс III под влиянием магов отклонились от зороастризма (И. Хертель, Э. Герцфельд и др.). При этом ссылаются на то, что в надписях ранних Ахеменидов упоминается только один Ахура-Мазда, а при Артаксерксах II и III кроме Ахура-Мазды упомянуты Митра и Анахита⁶⁰.

Судя по надписям Дария I и Ксеркса, религиозная система Ахеменидов во многом напоминала зороастризм: верховным божеством признавался Ахура-Мазда, хотя культ древних богов по-прежнему существовал. Неотъемлемой частью ахеменидской религии был дуализм: противопоставление благого начала злему. Вместе с тем ряд положений и особая терминология в значительной степени отличались от зороастрийских⁶¹.

Греческий историк V в. до н. э. Геродот, собравший подробные сведения по истории и обычаям древних персов и мидян, не упоминает имени Зороастра, хотя и сообщает о религии древних персов. Сведения Геродота о магах дают основание считать, что они придерживались представлений мазденстского типа: «Маги резко отличаются от остальных людей и египетских жрецов. Жрецы египетские свято блюдают правило не умерщвлять ничего живого, кроме жертвы. Маги, напротив, собственноручно умерщвляют всякое животное, кроме собаки и человека, а также вменяют себе в заслугу умерщвление возможно большего числа муравьев, змей и других пресмыкающихся и летающих животных»⁶².

Погребальные обряды древних персов не соответствовали погребальным обрядам зороастрийцев, как они описываются в Младшей Авесте. Сведения греческих авторов и археологические памятники говорят о существовании особых гробниц персидских царей, вырубленных в скалах (Накше Рустам), или надгробных башен. В то же время рядовых персов хоронили в земле, но предварительно их трупы покрывали воском⁶³. Погребальные ритуалы магов соответствуют обрядам погребения, описанным в Авесте, что подтверждает Геродот: «Трупы

магов погребаются не ранее того, как их разорвут птицы или собаки»⁶⁴. Более поздние греческие писатели и философы в конце ахеменидского периода уже знали имя Зороастра и характеризовали религию магов как зороастризм, хотя многое в их описаниях не совпадает с учением Зороастра и «более соответствует зороастризму, представленному в Младшей Авесте»⁶⁵.

Видимо, в позднеахеменидское время был введен так называемый зороастрийский календарь, названия месяцев и дней в котором отражают состав пантеона божеств Младшей Авесты. Эти данные позволяют сделать вывод, что зороастризм в этой форме получил в то время признание в западном Иране и среди магов.

В 30-х годах IV в. до н. э. ахеменидская держава пала под ударами армий Александра Македонского. В конце IV в. до н. э. Иран вошел в состав греко-македонского государства Селевкидов, а затем царства новой иранской династии Аршакидов с центром в отпавшей от македонян в середине III в. Парфии. Парфянское царство Аршакидов просуществовало до начала III в. н. э.

В парфянскую эпоху в различных районах царства значительную роль играли эллинистические традиции, культ греческих богов, а также иудаизм, раннее христианство и другие религии. Однако постепенно все большую роль приобретали местные иранские верования. Этот период стал важным этапом в упрочении позиций зороастризма в древнем Иране, о чем, в частности, свидетельствуют данные документов из Старой Нисы, прочитанных советскими учеными М. М. Дьяконовым, И. М. Дьяконовым и В. А. Лившицем⁶⁶. Эти данные свидетельствуют о наличии в Парфии храмов огня. Документы датированы на основании «зороастрийского» календаря, содержат многие имена, бесспорно зороастрийского происхождения.

По античным источникам, при парфянских царях существовал совет жрецов-магов. Во время правления Аршакидов, очевидно, предпринимались попытки кодификации Авесты и, как полагают некоторые ученые, редактирование некоторых ее разделов. В Денкарте — более позднем зороастрийском сочинении IX в. н. э. — сообщается о том, что уцелевшие части авестийского канона (по зороастрийскому преданию, якобы уничтоженного Александром Македонским) были собраны при

аршакидском царе Вологезе (очевидно, Вологезе I, правившем в I в. н. э.). Примерно с того же времени на аршакидских монетах появляются надписи, сделанные арамейским шрифтом вместо ранее повсеместно применявшегося греческого, и изображения алтарей огня⁶⁷. В науке существует мнение, что в то время Авеста была записана арамейским безгласным шрифтом, однако главной продолжала оставаться устная традиция, на основе которой при Сасанидах была произведена запись священного свода текстов Авесты авестийским алфавитом с гласными.

В III в. н. э. в результате непрекращавшихся войн с римлянами и внутренних распрей парфянское царство приходит в упадок. В борьбе против парфянского государства выдвинулся род Сасанидов из Парса (Фарса). Арташир I Папакан Сасанид овладел всей провинцией Фарс, а в 224 г. н. э., разгромив последнего парфянского царя Артабана V, захватил власть во всем Иране. При Сасанидах могущественная иранская держава включала в основном те же территории, что и парфянское государство. Столицей был г. Ктесифон-Селевкия на р. Тигр и второй столицей — г. Истахр. Династия Сасанидов царствовала более четырех веков. Арташир именовался как «шахиншах (царь царей) Ирана»⁶⁸.

С начала правления Арташира I и особенно позднее, при Шапуре I, жречество занимало высокое положение в государстве. Во главе жрецов области стоял магупат (глава магов). Термин «магупатан-магупат» (более поздняя форма мобедан-мобед, или верховный жрец) появился в IV—V вв. н. э., когда верховный жрец занимал второе место после царя. По всей стране, во многих областях государства было основано много новых храмов огня. Главными из них считались три: храм огня царя и воинов в Иранском Азербайджане, храм жрецов в Парсе и храм земледельцев в Хорасане. При Сасанидах зороастризм становится государственной религией: разрабатываются зороастрийская догматика, обрядность и ритуалы. Характерной особенностью сасанидского зороастризма является проявление нетерпимости к иноверцам⁶⁹.

Большую роль в упрочении зороастрийской церкви в эпоху Сасанидов сыграл главный жрец Картир, «хранитель души царя царей». Как считает В. Г. Луконин, во

всяком случае до 80-х годов III в. н. э., т. е. до того времени, пока верховным жрецом не стал Картир, зороастризм еще не был официальной, государственной религией Ирана⁷⁰. Свою деятельность он начал при Шапуре I (241—272), а при его преемниках стал верховным жрецом государства. Эпиграфические памятники в Накше-Рустаме, Накше-Раджабе и святилище Каабы Зардушт в районе Персеполя являются свидетельством «деяний» Картира. Рассказывая, как он достиг высокого положения, восхваляя царя за его покровительство маздеизму, Картир сообщает о преследовании иноверцев: иудеев, христиан, назареев, брахманистов, буддистов и др.

Французский ученый Ф. Жинью расшифровал непонятные ранее места надписи Картира в Сад-Мешхеде (близ г. Казеруна), где тот указывает на свои заслуги, благодаря которым «многие люди, бывшие неверными... избрали истинную веру (зороастризм. — Е. Д.)». Картир приписывает себе при жизни полет, который душа совершает в «потусторонний мир» после смерти, когда вернувшись на землю, он рассказывает людям о радостяхрая и ужасах ада. Судя по сохранившимся фрагментам надписи, душа Картира проделала путь, о котором известно по зороастрийским сочинениям, в том числе по «Книге об Арда-Виразе» — зороастрийском жреце, который также совершил путешествие в загробный мир. По этим представлениям, душа в загробном мире отправляется к «горе справедливости» (Чакат-и-Дайтик) и переходит мост Чинват, доступный только самым благочестивым и праведным, ибо, если через мост Чинват переходит праведник, мост расширяется, а если грешник, то мост сужается до ниточки и грешник падает в бездну. Праведник попадает в рай, где он видит души благочестивых, весы и золотой трон бога⁷¹.

Рассказы Картира, предназначенные для верующих зороастрийцев, имели вполне определенную политическую цель и служили укреплению зороастризма, так как в эпоху Сасанидов возникли новые религиозно-реформаторские течения, причем их основатели ссылались на то, что именно они познали истинный смысл зороастризма. Эти течения считались Картиром и другими жрецами ересью.

Новая религия — манихейство, возникшая в государ-

стве Сасанидов в III в. н. э., также отражала древнеиранские дуалистические представления. Манихейство содержало в себе элементы христианства, гностицизма и буддизма. Новая религия вызвала ненависть зороастрийских жрецов. Основоположник манихейства Мани утверждал, что для борьбы с силами зла и победы сил добра и справедливости человек, который сам состоит из этих противоборствующих сил, должен освободиться от власти дьявола, а для этого необходимо отказаться от своей собственности, всех земных благ, не заводить семью и вести аскетический образ жизни. Поскольку манихейство получило широкое распространение и стало опасно для зороастрийской церкви, Мани был казнен в 276 г. н. э.⁷²

Манихейское учение было частично использовано маздакитами (конец V в.). Идеологической основой этого движения было учение секты зарадуштакан, возникшей еще в середине III в. н. э.⁷³ Маздакиты утверждали, что только они призваны поведать народу истинный смысл зороастрийского учения и Авесты, которая, по мнению Маздака, была изменена и искажена зороастрийским жречеством⁷⁴. Маздакитская доктрина исходила из дуалистических принципов борьбы добра со злом, противопоставления света тьме (в этом общее между манихейством и маздакизмом). Маздак утверждал, что силы добра на Земле одержат победу над злом. Последователи маздакизма боролись за установление социального равенства.

Хотя царь Кавад некоторое время поддерживал движение маздакитов и сам маздакизм, стремясь ослабить влияние жречества, для зороастрийской догматической церкви в эпоху Сасанидов маздакизм представлял большую опасность, так как к концу V в. маздакизм становится знаменем широкого народного движения. В 529 г. н. э. Кавад предпринял репрессии против маздакитов, а его сын Хосров I Ануширван окончательно расправился с маздакитским движением⁷⁵. После этого он осуществил ряд административных реформ по укреплению царской власти. Продолжается дальнейшее упорядочение авестийского канона. Проводившаяся в IV—VI вв. кодификация Авесты и изъятие из нее некоторых частей, возможно, были вызваны необходимостью борьбы с манихейством, маздакизмом и другими сектантски-

ми движениями⁷⁶. В VI в. н. э. (по мнению некоторых ученых, это произошло раньше, в IV в. н. э.) при записи Авесты жречество применило созданный для этой цели авестийский алфавит (на основе «пехлеви» — письменности языка Сасанидов) с большим количеством букв, в том числе 14 гласных. Таким образом, стало возможным до мельчайших деталей воспроизвести авестийский текст так, как он произносился в то время. До этого Авеста передавалась в основном устно.

Тогда же и позже издавались зороастрийские религиозные сочинения на среднеперсидском языке и был сделан перевод на среднеперсидский язык имевшихся разделов Авесты, а также предпринято их толкование («зенд»). К тому же периоду и восходят дошедшие до нас тексты Авесты⁷⁷, хотя наиболее ранние сохранившиеся рукописи датируются XIII—XIV вв.

Зороастрийское сочинение IX в. Денкарт было написано на среднеперсидском языке. Его анонимный автор сообщал, что при Сасанидах Авеста состояла из 21 части (наска)⁷⁸. Дошедшая до нас Авеста состоит из трех главных книг: Ясны, Яштов и Видевдата. Извлечения молитв из Авесты составляют так называемую Малую Авесту (Хурд Авеста) — сборник молитв, необходимых зороастрийцу в повседневной жизни.

Ясна состоит из 72 глав, 17 из которых составляют Гаты — гимны Зороастра, и семь глав — так называемые Ясны семи глав, наиболее близкая к Гатам по языку и по времени происхождения часть Ясны⁷⁹. В других ее разделах даются вероисповедальные формулы славословия Ахура-Мазды и всех зороастрийских богов, воздается хвала зороастрийским добрым духам, прославляется обожествленный дух напитка хаомы и приводится диалог между Зороастром и хаомой (по некоторым мнениям, пророк был против употребления этого напитка)⁸⁰. Некоторое представление о характере и литературной форме Ясны дает отрывок из гл. XII: 1. «Проклинаю дайвов. Исповедую себя поклонником Мазды, зороастрийцем, врагом дайвов, последователем Ахуры, славословящим Амшаспандов [бессмертных небожителей], молящимся Амшаспандам, Доброму, исполненному блага Ахурамазде я приписываю все хорошее, и все лучшее — ему, носителю Арты, сияющему, наделенному фарном [благодатью]; его [творение] — скот и

Арту, и свет, чьими лучами наполнена обитель блаженных. 8. Клятвой обязуюсь быть верным маздаяснийской вере [которая учит] прекратить военные набеги, сложить оружие, заключать браки между своими, артовской [вере], которая из всех существующих и будущих [вер] величайшая, лучшая и светлейшая, которая ахуровская, заратуштровская. Признано, что Ахурамазде [принадлежит] всякое добро. Сия есть присяга вере маздаяснийской. 9. Исповедую себя поклонником Мазды, зороастрийцем [настоящей] клятвой и исповеданием. Клятвой обязуюсь вершить добрую мысль, клятвой обязуюсь вершить доброе слово, клятвой обязуюсь вершить доброе деяние»⁸¹.

Древнейшей частью Ясны являются Гаты — гимны пророка Зороастра. Гаты написаны в стихотворной форме и делятся на пять стихотворных групп. Однако они излагаются не в строгой последовательности, а перемежаются с «Ясной семи глав». Е. Э. Бертельс обращает внимание на стиль Гат, отмечая их «человечность». В Гатах, по его мнению, слышится голос человека и местами «отчетливо ощущается индивидуальность автора». Следующий отрывок дает некоторое представление о стиле Гат: «1. С упоением молюсь, простираю к Мазде руки я, чтобы добрый дух сперва принял все, что приготовил я, с Артой радуются пусть Вохумана и Душа быка! 2. Мазда, Мудрый Властелин, Вохумане верно я служу, дай мне оба мира в дар — мир вещей, а также мир души! За служенье Арте дай все, что праведному следует... 5. Арта-Правда! Дух огня, разве в силах я постичь, понять Вохуману и тебя, хоть и ведаю, где к Мазде путь Заклинанием твоим, языком склоним врагов к добру! 10. А затем, кто заслужил Арты дар и Вохуманин дар, если Мазда их признал, пожеланья их да сбудутся, чтобы постичь успех хвалы, в стройных песнях, обращенных к вам. 11. В них я сохранил навек облик Арты с Вохуманою, Мазда, я воспел тебя. Передай же мне из уст в уста, как впервые появилась жизнь!»⁸².

Большой интерес представляют Яшты. Всего их 21. Это собрание религиозных гимнов, прославляющих божества зороастрийского пантеона, в том числе божества, культ которых существовал у древних предков иранских племен. Ценность Яштов заключается, в частности, в том, что в них отражены иранские мифы и легенды.

Многие из этих сюжетов были использованы позже в прекрасном поэтическом произведении Фирдоуси «Шахнаме» («Книга царей»).

В Яштах имеются разные по значению, времени и происхождению отрывки. В состав Яштов наряду с мифологическими отрывками из древней поэзии дозораастрийского периода входят гимны более позднего происхождения. И хотя в целом Яшты создавались позднее Гат, многие разделы Яштов относятся к более древнему периоду и датируются началом — серединой I тыс. до н. э.⁸³

В Яштах гимны богам начинаются с гимна Ахура-Мазде и его духам-помощникам — амшаспандам, после чего следуют гимны остальным божествам — язатам («тем, кому молятся или воздают почести»). Боги-язаты по рангу несколько ниже шести амшаспандов, но они также достойны поклонения и их также возглавляет Ахура-Мазда. Одно из самых почитаемых язатов — Митра (Михр) — божество договора, защитник порядка, оно страшно для клятвопреступников и карает людей за ложь. Яшт 10 посвящен Митре (Михр Яшт): «Сказал Ахура-Мазда Спитама Заратуштре: «Когда я создавал Митру многопастбищного, тогда наделил [я] его такими качествами, чтобы был он достойным почитания и восхваления [в такой же мере], как я сам, Ахурамазда»⁸⁴. «Мы поклоняемся Митре, обладающему обширными пастбищами, слово которого истинно, ищущему боя [с врагом], тысячеухому, прекрасно созданному, десяти тысячному, высокому, смотрящему далеко во все стороны, сильному, никогда не спящему, вечно бодрствующему... [Митре], кто первым из небесных божеств приблизился к горе [Хара] перед немеркнувшим солнцем; кто первым уселся на прекрасных, украшенных золотом горных вершинах, и оттуда он, властный, смотрел на всю арийскую землю, где победоносные военачальники предпринимали многочисленные атаки, где высокие горы с обильными пастбищами служат заботящемуся о скоте, где простираются глубокие озера с вздымающимися волнами, где несутся, вскипая, глубокие, широкие реки к Ишкату и Паруту, Герату и Мерву, Согдийской Гаве и Хорезму»⁸⁵.

Яшт 5 воспевает прекрасную богиню Ардвисуру Анахиту. Анахита является средоточием вод мира, она

даст плодородие земле и плодovitость скоту и людям. «Почитай Ардвиг, сильную, чистую, умножающую стада, праведную, умножающую имущество, праведную, умножающую богатство, праведную»⁸⁶. В Яште 8 воспевается божество Тиштрья [звезда Сириус], связанное с дождями и разливами вод и рек. Яшт 13 посвящен фравашам — душам умерших предков и духам-покровителям. В зороастрийском пантеоне фравашаи, так же как амшаспанды и язаты, особо почитаемы⁸⁷. Согласно зороастризму, фравашаи существовали всегда, еще до сотворения человека. Они сопровождают человека всю жизнь, а после его смерти становятся хранителями и покровителями души. Фравашаи не только духи близких предков, но и духи героев и учителей зороастрийской веры, мужчин и женщин — первых последователей этого вероучения. Считается, что фравашаи помогают людям добывать воду, пищу, помогают повышать плодородие почвы и получать хорошие урожаи, способствуют продолжению рода и благосостоянию семьи. Они приходят на помощь человеку в трудную минуту. Во время праздников зороастрийцы выставляют фравашам пищу и даже одежду, поскольку считается, что на том свете они испытывают холод. По поверью, в Судный день фравашаи должны оказать покровительство праведным зороастрийцам. Помимо фравашей, по верованию зороастрийцев, мир населен многими добрыми существами, различными полезными животными, птицами, как, например, птица Каршиптар, которая поет священные гимны, и птица Пародорш, отпугивающая злых духов от дома зороастрийцев⁸⁸.

Яшт 14 восхваляет Вертрагну — бога победы, который предстает перед Зороастром в десяти разных образах: ветра, быка, козя, верблюда и т. д. Яшт 19 содержит миф о Хварне — небесной благодати или ореоле славы, нисходящей на царей, героев и святых; в этом Яште упоминаются герой иранского эпоса — от мифического царя Хаошьянха до Виштаспы, принявшего зороастризм⁸⁹. В гимне божеству правосудия Рашну рассказывается о высокой горе Хара, которую, по преданию, создал Ахура-Мазда при сотворении мира и на которой часто пребывают многие божества — Митра, Анахита и др. На горе Хара приносили жертвы и совершали поклонение богам мифические герои: первый царь земли

Хаошьянха Парадата и «Сияющий Йима», сын справедливого и мудрого царя Вивахванта⁹⁰.

Из двадцати одной книги Авесты, существовавшей при Сасанидах (III—VII вв. н. э.), полностью сохранилась лишь одна — книга Видевдат. Эта книга более позднего происхождения, чем многие разделы Ясны и Яштов, и отражает более поздний период развития зороастризма и зороастрийской догматики. Видевдат — это прежде всего свод законов о ритуальной чистоте, о дозволенном и запретном, о правилах религиозного очищения в случае соприкосновения с трупом, соблюдении особой заботы об огне и других стихиях, о разрешении врачевать больных лекарям только тогда, когда последние достигают определенной степени искусства в этом роде деятельности, о необходимости проявления заботы о собаках и полезных животных, о правилах земледелия и т. д.⁹¹ Вместе с тем Видевдат включает сюжеты древнеиранской мифологии, космологические и географические представления зороастрийцев.

В первом фаргарде (главе) Видевдата говорится о сотворении мира Ахура-Маздой и приводится географическое описание стран, где исповедовали зороастризм: «Из лучших местностей и стран сотворил я, Ахура-Мазда, Гаву, где живут согдийцы; тогда против нее создал смертоносный Анхра-Майнюю скати [вредное растение]... Третьей из лучших местностей и стран сотворил я, Ахура-Мазда, Мару [Мерв], могучий, правоверный; тогда против него создал смертоносный Анхра-Майнюю марда [?] и витуша [?]. Четвертой из лучших местностей и стран сотворил я, Ахура-Мазда, Бахди [Бактрию], прекрасную, с поднятыми знаменами»⁹². Пятая страна — «Нисайа [Ниса], что между Мервом и Бактрией... шестая — Харайва [Герат], седьмая — Вайкэрэта, восьмая — Урва [предположительно где-то на территории современного Афганистана. — Е. Д.], девятая — Хнанта, где живут вэрканцы [Горган], десятая — Харахвати [Арахосия], одиннадцатая — Хайтумант [Хильменд], двенадцатая — Рага [Рей]» и т. д.⁹³.

Во втором фаргарде излагается легенда об «Йиме сияющем» — мудром правителе, при котором долгое время, около девятист лет, люди благоденствовали (не что вроде «золотого века» иранской мифологии). Однако Йиму бог Ахура-Мазда предупреждает о кознях Анхра-

Майнью, в результате которых землю «посетит лютая, смертоносная зима, выпадут обильные снега, а когда они растают, вода затопит весь мир», и Ахура-Мазда приказывает Йиме соорудить вар (убежище, ограду), чтобы защитить все живое от зимы и холода: мелкий и крупный скот, людей, собак, птиц, огонь и т. п. Йима внял предупреждениям Ахура-Мазда и построил вар, а в стенах его должен был соорудить жилища для людей и помещения для скота, запастись провиантом и водой. Выполнив приказание верховного оога, Йима таким образом спасает все живое на земле⁹⁴.

В качестве главного средства борьбы людей с силами зла в Видевдате указывается на занятие земледелием и скотоводством и стремление к увеличению материальных благ.

В третьем фаргарде рассказывается о самом лучшем месте на земле, где праведный строит дом, возделывает землю, пасет стада и охраняет пастбища: «Кто, засевая, возделывает хлеб, тот возделывает праведность, тот продвигает вперед маздаяснийскую веру, тот вскармливает эту маздаяснийскую веру, как если он совершит 10 тыс. молитв Усны»⁹⁵. «Тот, кто обрабатывает землю... левой рукой и правой, правой и левой рукой, тот возделывает [землю] прибыль... Так говорит ему земля: „О, ты, человек, который обрабатываешь меня левой рукой и правой, правой рукой и левой, поистине буду я рожать без усталости, производя всякое пропитание и обильный урожай“»⁹⁶.

Третий фаргард интересен тем, что в нем отрицается аскетизм, который ослабляет человека в борьбе со злыми силами: «Ни один из тех, кто не ест, не способен ни к усердному занятию делами праведности, ни к усердному занятию [сельским] хозяйством, ни к усердному занятию производением сыновей. Ведь через едение живет весь телесный мир, через неедение он теряет жизнь»⁹⁷.

В других главах Видевдата приводятся магические формулы моления, медицинские советы по хирургии, сведения о пользе некоторых лекарственных растений, рассматриваются правила поведения женщины во время ее недомоганий, перечисляются основные добродетели и грехи человека. К числу грехов, дающих дэвам власть над человеком, относятся: отказ в помощи еди-

новерцу, брату, ближнему, пренебрежительное отношение к традициям, ненахождение священного для зороастрийцев нитяного пояса и нательной рубахи.

Большое внимание в Видевдате уделено предписаниям ритуального очищения, особенно при соприкосновении с трупом и во время похоронных обрядов. Устанавливается размер платы за обряд очищения⁹⁸.

Особое место в поведении человека, исповедующего зороастризм, занимает отношение к огню, воде, земле: человек должен постоянно заботиться о них и охранять их чистоту⁹⁹. К числу добродетелей человека относятся безупречная честность и щедрость, соблюдение правовых установлений, нарушение которых влечет за собой телесные наказания. В 4-м фаргарде Видевдата Зороастр обращается к Ахура-Мазде с вопросом: «Сколько твоих, Ахура-Мазда, договоров?», на что получает ответ: «Таких договоров шесть... первый договор — устное поручительство [слово]; второй договор — поручительство, скрепленное рукопожатием; третий договор — поручительство овцой; четвертый договор — поручительство головой крупного рогатого скота; пятый — поручительство рабом; шестой — поручительство целой областью»¹⁰⁰.

Интересно проследить зороастрийскую концепцию о мироздании, которая определяет существование мира в течение двенадцати тысяч лет. Развитие мира делится на четыре периода, по три тысячи лет каждый. Первый период — предсуществование вещей и идей, когда Ахура-Мазда создает идеальный мир абстрактных понятий, когда в стадии небесного творения уже существовали прообразы всего, что позднее было создано на земле. Это состояние называется «менок» («невидимый» или «духовный») ¹⁰¹. Вторым периодом считается сотворение мира. Ахура-Мазда создает небо, звезды, луну и солнце. За сферой солнца находится обиталище самого бога Ахура-Мазды. Однако в это время против Ахура-Мазды начинает действовать Анхра-Майнью, который вторгается в небосвод, создает планеты и кометы, не подчиняющиеся равномерному движению небесных сфер; он же создает вредных животных, загрязняет воду, насылает смерть на первого человека Гайомарта. Но от первого человека рождается мужчина и женщина, от которых пошел род человеческий. От столкновения двух проти-

воположных начал весь мир приходит в движение: потекли реки, возникают горы, движутся небесные тела. Чтобы нейтрализовать действие «вредных» планет, Ахура-Мазда к каждой планете приставляет своих духов¹⁰².

Третий период охватывает время до появления пророка Зороастра. В этот период действуют мифологические герои Авесты, известные и по иранскому эпосу: это «Йима сияющий», царь золотого века, в царстве которого нет «ни жары, ни холода, ни старости, ни зависти — творения дэвов», который, как уже говорилось выше, по предписанию Ахура-Мазды, спасает людей и скот от холода и потопа, построив для них специальное убежище. В числе праведных правителей этого времени упоминается Виштаспа, покровитель Зороастра¹⁰³.

Последний период (после Зороастра) длится три тысячи лет, когда людям каждые тысячу лет должны являться три спасителя. В конце последнего периода появившийся спаситель Саошьянт (он, как и два предыдущих спасителя, считается сыном Зороастра) решит судьбу мира и человечества. Он воскресит мертвых, победит Анхра-Майнью, после чего наступит очищение мира «потокм расплавленного металла», а все, что остается после этого, «обретает жизнь вечную»¹⁰⁴. Поскольку жизнь делится на благо и зло, следует избегать зла. Боязнь осквернения источников жизни в любой форме, физической или нравственной, является отличительной чертой зороастризма.

Зороастризм возвышает роль человека в развитии мирового процесса. Главное внимание этнической доктрины зороастризма сосредоточено на деятельности человека, которая должна основываться на триаде: добрая мысль, доброе слово, доброе дело. Зороастризм приучает человека к чистоте и порядку, состраданию и благодарности к родителям, семье, близким, соотечественникам, честному выполнению взятых на себя обязательств, заботе о потомстве, помощи единоверцам, заботе о земле, пастбищах для скота и т. п. Передача из поколения в поколение этих принципов, которые стали чертами характера, сыграла немалую роль в выработке жизнестойкости у зороастрийцев, несмотря на тяжкие испытания, выпавшие на их долю на протяжении многих веков.

Как уже говорилось, зороастризм предоставляет человеку свободу выбора своего места в жизни, но преду-

преждает его, что он должен стараться избегать бед. Элементы фатализма в зороастризме, безусловно, присутствуют: судьба человека определена роком, однако от его поведения в этом мире зависит, куда попадает его душа после смерти — в рай или в ад.

Таковы моральные и этические основы зороастрийской религии.

Ранним формам иранских религий было чуждо идолопоклонство. Отправление культа происходило под открытым небом, в горах. Геродот сообщал, что «ставить кумиры, сооружать храмы и алтари [богам] у них [персов] не дозволяется... у них в обычае приносить жертвы на высочайших горах Зевсу [Зевс отождествляется Геродотом с Ахура-Маздой], причем Зевсом они называют весь небесный свод»¹⁰⁵. Далее Геродот обратил внимание на то, что, принося жертвоприношения, персы «не воздвигают алтарей и не возжигают огня... Тот, кто хочет принести жертву, украсивши себя тиарой, нанчаще миртовой веткой, отводит животное на чистое место и там молится божеству... за благополучие всех персов и царя. Затем он разрезает на части жертвенное животное, варит мясо... потом присутствующий маг поет священную песню, каковою служит у них повествование о происхождении богов»¹⁰⁶.

Однако ни один праздник, церемония или обряд не обходился без огня — символа бога Ахура-Мазды. Культ огня являлся воплощением Арты. Огонь (Атар) проявляется в разных видах: как небесный огонь, как огонь, скрытый в дереве, огонь молнии, огонь, дающий тепло и жизнь человеческому телу, и, наконец, высший, священный огонь («высокой пользы»), который зажигается в храмах. Огню посвящен каждый девятый день месяца и весь девятый месяц — с 16 ноября по 15 декабря.

Первоначально у зороастрийцев не было храмов огня и антропоморфных изображений божеств. Но уже при первых Ахеменидах, вероятно, при Дарии I, Ахура-Мазда стал изображаться на манер несколько трансформированного ассирийского бога Ашшура¹⁰⁷. На Бехистунской скале Ахура-Мазда изображен в виде фигуры царя с распростертыми крыльями, с солнечным диском вокруг головы, с тиарой, которую венчает шар со звездой; в руке он держит гривну — истигнию власти¹⁰⁸.

Со временем стали шире использовать статуи бо-

жеств и строить храмы огня. Известно, что ахеменидский царь Артаксеркс II (404—359 гг., до н. э.) повелел воздвигнуть статуи Анахите в Сузах, Элбатане, Бактрии, других городах¹⁰⁹. Однако, как выяснилось в настоящее время, храмы огня существовали в Мидии примерно еще на рубеже VIII—VII вв. до н. э. Археолог Д. Стропах открыл на территории Мидии башнеобразный храм огня, относящийся к указанному времени. Внутри храма имелось треугольное святилище, в центре которого слева от единственной двери находится четырехступенчатый алтарь огня высотой около двух метров. По лестнице огонь доставлялся на крышу храма, откуда он был виден издали¹¹⁰.

В целях упрочения зороастризма Сасаниды стали покровительствовать созданию алтарей огня по всей державе — в городах, сельских местностях, укрепляя с помощью новой религии свою власть среди населения империи¹¹¹. Во времена Сасанидов большие и малые храмы огня строились в основном по единому плану и являлись традиционными. Внешний декорум и внутреннее убранство их были очень скромными и простыми. Строительным материалом служил камень или необожженная глина, стены внутри храма были оштукатурены¹¹². Основное помещение представляло собой куполообразный зал с глубокой нишей, где в огромной латунной чаше на каменном или кирпичном постаменте — алтаре — помещался священный огонь. Зал с огнем был изолирован от других помещений толстыми стенами и галереями с четырехсводчатым порталом. Купол храма опирался на четыре столбообразные колонны («чехартак»), соединявшие углы каждой арки¹¹³.

Храмы огня имели свою иерархию. Каждый приходивший к власти царь имел свой огонь, зажигаемый в храме в дни его царствования, который поддерживался в переносном алтаре. Самым великим и почитаемым был огонь Варахрана (более поздняя форма Бахрам), составлявший основу священных огней главных провинций и крупных городов иранской державы, когда в 80—90 гг. III в. н. э. при Варахране II всеми религиозными делами вершил верховный жрец Картир, основавший по всей стране множество таких храмов. Они стали центрами зороастрийского вероучения, «строгости соблюдения религиозных обрядов»¹¹⁴. Согласно древней тради-

ции, огонь Бахрама являлся символом праведности, способным придавать людям силу для победы над властью тьмы или злого духа Друджа.

Другие огни были рангом ниже огня Бахрама. Огонь второй степени назывался Адаран, огонь третьей степени — Даргах¹¹⁵. От огня Бахрама зажигались огни второй и третьей степени в городах, от них — алтари огня в деревнях, небольших населенных пунктах и домашние алтари в жилищах простых зороастрийцев¹¹⁶.

Огонь Бахрама, по традиции, состоял из 16 видов огня, взятых из домашних очагов представителей разных сословий, в том числе священнослужителей, воинов, писцов, а также торговцев, ремесленников, земледельцев и т. п. Однако одним из главных огней был шестнадцатый; его подчас приходилось ждать годами, и образовывался он от удара молнии в дерево¹¹⁷.

Существовало неукоснительное правило — обновлять через определенный период времени все огни; существовал особый ритуал очищения огня и возведения на алтарь нового огня в храме. Прикоснуться к огню мог только священнослужитель — жрец, который надевал на голову белую шапочку типа тубетейки, а на руки перчатки, закрывал рот и нос полумаской, чтобы дыхание не оскверняло огня. Затем специальными щипцами он мешал огонь в светильнике алтаря, чтобы пламя горело ровно. Дрова в алтарной чаше были из ценных твердых пород деревьев, в том числе сандалового; когда они горели, помещение наполнялось приятным запахом¹¹⁸. Накапливавшаяся от постоянно горящего огня зола собиралась священнослужителями в специальные коробочки, которые потом закапывались в чистой земле.

Кроме Ахура-Мазды зороастрийцы почитали уже упоминавшиеся нами божества Митру (позже Михр), Ардвисуру Анахиту и др., хотя они и занимали в зороастрийском пантеоне более скромные места, чем Ахура-Мазда. Вода, земля, небо и луна также почитались зороастрийцами¹¹⁹.

Разработав целую систему предписаний, служители культа постоянно диктовали своим единоверцам, что они должны и чего не должны делать. По мере более тщательной разработки догматов веры зороастрийцы стали все сильнее попадать в плен мелочных предписаний зороастрийской религии.

Глава II

СУДЬБА ЗОРОАСТРИЙЦЕВ В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ. ЗОРОАСТРИЙЦЫ ИРАНА И ПАРСЫ ИНДИИ

В 633 г., на следующий год после смерти пророка Мухаммеда, основоположника новой религии — ислама и главы арабского государства, при его первом преемнике Абу Бакре началось завоевание арабами Сасанидского Ирана. В 635/37 г. арабы нанесли тяжелое поражение иранским войскам при Кадисии и в 637 г. захватили столицу Сасанидского Ирана — г. Ктесифон¹.

Последний шах Сасанидской династии Йездегерд III оставил столицу и, останавливаясь в Фарсе, Кермане, Систане, прибыл в Хорасан. К 651 г. арабы завладели почти всем Ираном, в том числе и Хорасаном; Йездегерд III попросил убежище у правителя Мерва, однако последний не открыл ему ворота города. Согласно преданию, Йездегерд спрятался на мельнице, на берегу р. Мургаб, где и был убит в 651 г. во время сна². К этому времени арабы одержали еще несколько побед над иранскими войсками, в том числе в битве при Нихавенде (642 г.), и ко времени смерти Йездегерда III Сасанидский Иран перестал существовать как самостоятельное государство, так как почти вся его территория находилась под властью арабов. Многие районы и города Ирана были опустошены и разграблены. Те же, которые добровольно сдались на милость победителей, сильно не пострадали. Их жители должны были выплатить единовременную контрибуцию и затем ежегодную дань арабским наместникам городов и областей. Победители обращались с зороастрийцами, как с христианами и иудеями, называя их также «зиммиями» («иноверцами»). Так, в городах Рее и Куме таких «зиммиев» оказалось 500 тыс. человек. На основании заключенного с ними соглашения им

гарантировалась жизнь и обещание не превращать их в рабов, дозволялось исповедование своей веры и сохранение алтарей огня. Они, однако, должны были регулярно вносить подушную подать (джизью), которая взималась лишь с «неверных»³. Процедура уплаты джизьи была унижительной: вначале ее выплачивали офицеру, который сидел, а «зиммий» стоял. Затем в назначенный день «зиммий» должен был лично идти к эмиру, собиравшему джизью. Эмир сидел на высоком троне, «зиммий» предлагал ему подушную подать на раскрытой ладони. При этом эмир должен был взять деньги так, чтобы его рука была сверху, а рука дающего снизу, после чего «зиммия» грубо выгоняли вон⁴.

Арабы-завоеватели принесли с собой не только новую религию, но и новый язык — арабский, а также свою письменность. С VII в. он становится, особенно в городах, литературным и административным языком⁵.

В VIII—IX вв. большинство населения арабского халифата постепенно принимает ислам. Народы Ирана, хотя и не сразу, также были вынуждены стать мусульманами. Однако многие парсы остались верны своей старой вере — зороастризму, продолжая тайно или явно ее исповедовать.

Арабские географы IX—X вв. Якуби, Макдиси, Ибн ал-Факих, Истахри, Ибн Хаукал сообщали о том, что население Кермана во времена Омейядов (661—750) открыто исповедовало зороастризм. Центрами зороастризма продолжали оставаться город Шиз и некоторые другие города прикаспийских областей — Гиляна, Мазендерана, Горгана. Одним из главных зороастрийских городов был Истахр в южной провинции Фарс, сельское население которой было поголовно зороастрийским. В Фарсе сохранялись древние храмы и алтари огня; земледельцы и зороастрийское духовенство были ревностными хранителями зороастрийских и сасанидских традиций и литературных памятников⁶. При этом зороастрийцы в те времена не носили отличной от мусульман одежды.

Судьба иранцев во многом зависела от географического положения тех провинций и областей, где они обитали. Так, население западных областей, наиболее близких к центрам арабской культуры, как и некоторых районов Центрального Ирана, ранее других приняло

ислам. В то же время северные, восточные и южные области страны, удаленные от центральной власти халифата, в течение продолжительного времени оставались относительно самостоятельными и независимыми. Значительная часть населения Хорасана, например, стойко придерживалась зороастрийских традиций и обычаев.

Благодаря сильной поддержке жителей Хорасана представителям Аббасидского рода удалось свергнуть Омейядов и захватить власть в Халифате⁷. Как писал Б. Н. Заходер, «если в предшествующую Аббасидам эпоху на развитие ислама оказало влияние византийское христианство, то при Аббасидах такое же влияние начинает оказывать зороастризм и другие религиозные традиции»⁸.

Арабы, осевшие в Иране, постепенно стали «иранизироваться». Культура, традиции и быт Сасанидского Ирана становятся неотъемлемой частью Аббасидского халифата и его двора. Вводится старинный праздник Ноуруз (Новый год), соборные мечети строятся напротив древних храмов огня. Халиф Мамун (813—833) благосклонно отнесся к открытому диспуту о преимуществах зороастрийского вероучения⁹ между зороастрийским ученым-богословом Адурфарнагом Фарогзаданом и его сыном Зардоштом и видными представителями мусульманского, христианского и иудейского духовенства. Впоследствии при халифе Мутаваккиле (847—861) Зардошт принял ислам и стал одним из ближайших советников халифа¹⁰.

На первых этапах арабского господства, особенно при Омейядах, насаждение ислама часто происходило насильственным путем. Так, в начале VIII в. наместник Кутейба ибн Муслим трижды обращал бухарское население в ислам, но оно продолжало исповедовать прежнюю религию. В четвертый раз, захватив Бухару и устроив там погром, он принудил жителей города принять ислам, отдав приказ арабам селиться в домах местных жителей, чтобы они стали истинными мусульманами¹¹. Разрушая храмы и алтари огнепоклонников, Кутейба строил на их месте мечети.

Наместник Согда писал: «Я предполагаю, что согдийцы, которые становятся мусульманами, делают это не от чистого сердца, а главным образом для того, что-

бы избежать „джизьи“ (подушной подати)»¹². Чтобы проверить «искренность» новообращенных в ислам, власти на местах производили унижительный осмотр: совершен ли обряд обрезания, снят ли священный для зороастрийцев нательный нитяной пояс «кушти» — символ принадлежности к зороастрийской религии¹³. В своих сочинениях арабский историк Табари обращает внимание на то, что сборщики налогов в VIII в. очень грубо обращались с теми из принявших ислам, кого они подозревали в верности своей древней религии — зороастризму¹⁴.

Халиф Омар вопреки своим обещаниям приказал разрушить все храмы и алтари огня, назначив специальных уполномоченных, которые должны были привести в исполнение приказ халифа¹⁵. Однако священнослужители и старейшины сумели договориться с уполномоченными, дав им большую взятку — 40 млн. дирхемов. Храмы и алтари огня не были разрушены и продолжали действовать¹⁶.

Хотя Фарс был покорен арабами еще в VII в., в нем сохранилась, по сведениям арабского географа ибн Якута, сасанидская административная система управления: в аббасидское время Фарс делился на пять округов, которые состояли из рустаков (районов), куда включались несколько деревень. Большинство населения этой провинции составляли зороастрийцы.

В IX в. провинция Фарс все еще оставалась центром, где проживало большинство иранских зороастрийцев. Именно здесь они сумели сохранить свою веру, национальные и культурные традиции. Арабский географ ибн Хаукал сообщает о неприступных замках в горах, в которых хранились древние священные книги и ценные рукописи: «Замок Джисс находится в округе Арраджана. В нем живут огнепоклонники, знатоки Персии, изучающие ее прошлое. Замок укреплен»¹⁷. Географ Истахри описывал замок на горе в округе Сабура, где хранились рукописи, в которых «изображены все известные персам цари и вельможи; все знаменитые хранители огня, великие мобыды и прочие. Их изображения, их деяния излагаются последовательно. Эти свитки охраняют люди, живущие в округе Арраджан, именуемом крепостью Джисс»¹⁸.

В VII—IX вв. среднеперсидский язык постепенно

сменился новоперсидским языком. Большое влияние на новоперсидский язык оказали диалекты северо-западного Ирана (Мидии) ¹⁹.

К IX в. полностью сложился новоперсидский язык (фарси). По-другому этот язык еще назывался дари ²⁰. Он прочно укоренился на северо-востоке Ирана и юге Средней Азии. Постепенно он избавлялся от среднеперсидских элементов, хотя в нем долго сохранялись старые формы и обороты ²¹. Вместе с тем новоперсидский язык испытал значительное влияние арабского языка, особенно его лексики; в дальнейшем происходили заимствования из монгольского и турецкого языков ²².

Зороастрийские священнослужители старались сохранить и увековечить этот среднеперсидский язык с его системой письменности, а также «сакральный язык Авесты» ²³. К IX в. относятся многие сочинения на среднеперсидском языке, в том числе Денкарт и Бундахиши.

Многие принявшие ислам персы свято хранили старые иранские традиции, обрабатывали предания и сасанидские исторические хроники и переводили их на арабский язык. Как полагал русский иранист К. Иностранцев, арабские переводчики пользовались, по-видимому, архивами, находившимися в замке Джисс. «Несомненно, в материалах этого архива были источники Шахнаме, перешедшие Фирдоуси через посредников» ²⁴.

Арабские ученые и писатели также при написании истории сасанидского Ирана нередко прибегали к помощи зороастрийских священнослужителей. В сочинениях этих ученых часто мелькала фраза «говорил мне мобедан-мобед» или «сообщил мне [об этом] мобед такой-то» ²⁵. Известный ученый Абдаллах ал-Мукаффа, принявший ислам и ранее известный под именем Рузбех сын Дадое (VIII в.), перевел на арабский язык многие среднеперсидские сочинения, в том числе пехлевийскую версию индийского эпоса «Калила и Димна», а в X в. Якуб ал-Варрак, более известный под именем ан-Надим, составил аннотированный список пехлевийских книг, назвав его «Ал-Фихрист» ²⁶.

Хотя обращение в ислам в VII—VIII вв. представителей религиозных меньшинств происходило постоянно, но преимущественно в принудительном порядке, со временем для многих иранцев, в том числе для знати, принятие мусульманства становится насущной необходи-

мостью. Это объясняется главным образом экономическими и политическими соображениями²⁷.

Начиная с VIII в. арабский язык стал внедряться в делопроизводство, и персы обязаны были его знать, если хотели работать в административном аппарате халифата. В 741 г. последовал указ о повсеместном введении арабского языка, включая Хорасанскую провинцию, которая, в силу удаленности от местностей с арабским населением и густо населенная иранцами, продолжала стойко придерживаться старых обычаев, не утратив свой прежний облик. Однако новым указом предписывалось допускать к работе в администрации и канцелярии только мусульман, что также способствовало переходу в новую веру — ислам²⁸.

По мнению М. Бойс, среди новообращенных персомусульман были и искренне убежденные в превосходстве ислама над зороастризмом, доказательством чему, по их мнению, был успех завоевания арабами обширных территорий и других государств. Их привлекала простота раннего ислама, а многие элементы зороастризма, перешедшие в ислам, были близки и понятны персам. Принявшие ислам персы избавлялись также от многих жестких предписаний зороастризма, связанных с обрядом очищения²⁹.

Можно констатировать, что до середины IX в. в Иране не наблюдалось массового принудительного обращения зороастрийцев в ислам, хотя давление на них в этом смысле оказывалось постоянно. Позже борьба за установление по всему халифату единой веры — ислама — принимает самые жесткие формы. Интересно суждение, высказанное в этой связи Б. Н. Заходером: «Первые признаки нетерпимости и религиозного фанатизма появились лишь после того, как ислам выполнил свою задачу синтеза и усвоения культурного наследия народов Передней Азии»³⁰.

С самого начала своего правления аббасидские халифы проявляли враждебное отношение не только к мусульманскому сектору, но и к зороастрийской религии и ее последователям, которые даже в IX в. еще составляли значительное религиозное меньшинство³¹. В IX—X вв. были уничтожены храмы и алтари огня, а также зороастрийские святыни, такие, как огромный кипарис в Хорасане, посаженный, согласно зороастрий-

ской традиции, самим пророком Зороастром. Халиф Мутаваккил приказал срубить его и использовать для строительства своего дворца³². Убийство халифа его сыном явилось в глазах зороастрийцев возмездием за совершенное надругательство над их святыней. Однако преследования и травля зороастрийцев, которых начали называть «гебрами» (искаженное «кафир», неверный — *араб.*), не только не прекратились но даже увеличились. Усиливается антагонизм не только между арабами и персами-зороастрийцами, но между зороастрийцами и персами-мусульманами, которые занимали важные посты в новой администрации, в то время как зороастрийцы лишались всех прав, если они отказывались принять ислам³³.

Создается впечатление, что причина отказа зороастрийцев, главным образом зороастрийских священнослужителей, принять ислам заключалась не только в фанатичной преданности зороастризму, но и в политических и экономических факторах, поскольку значительная часть зороастрийского жречества (мобедов) с переходом в ислам теряла все свои привилегии, а рядовые зороастрийцы слепо повиновались служителям культа и исповедовали свою старую веру.

Усиливавшиеся столкновения между мусульманами и зороастрийцами, жестокие преследования и погромы приводили к тому, что отдельные группы зороастрийцев мало-помалу покидали насиженные места в Иране. Как полагает К. Иностранцев, массового «исхода» зороастрийцев не было, а происходило постепенное переселение. В противном случае это явление нашло бы отражение в арабской литературе³⁴.

Часть зороастрийцев переселилась в Индию³⁵. Там их стали называть парсами³⁶. Согласно парсийской традиции, парсы, прежде чем поселиться в Индии, около ста лет скрывались в горной местности, после чего они с большими трудностями вышли к Персидскому заливу. Спасаясь от преследования, они наняли корабль и причалили к острову Диу (Див), где прожили 19 лет, а затем перебрались в Гуджерат (Индия) и после переговоров с местным раджей поселились в местечке, которое они называли Санджан в честь своего родного города в Хорасане³⁷. Из священных книг парсы-эмигранты взяли только самые простые тексты Авесты для молитв.

Связи между зороастрийцами, оставшимися в Иране, и парсами в первые века после переселения не прекращались³⁸. Так, например, известно, что зороастрийцы Самарканда написали письмо священнослужителю-парсу в Индию, в котором они просили сообщить, как обновить или построить «дахму» (место погребения зороастрийцев)³⁹. Об общении парсов с зороастрийцами Ирана говорят и одинаковые изменения, происходившие в религиозном лексиконе: обе общины перестали пользоваться термином «маг», парсы, как и иранские зороастрийцы, стали называть служителей культа низшего ранга харбад, среднего ранга — дастур, а высшего — мобед⁴⁰. И парсы, и зороастрийцы продолжали хоронить умерших в так называемых башнях молчания, обычно помещавшихся в изолированной местности, вдали от населенных пунктов.

Через некоторое время после обоснования в Санджане парсы смогли построить храм огня «Атеш Бахрам», для чего в Хорасан были посланы молодые люди, которые привезли со своей родины необходимую религиозную утварь и даже священный пепел из хорасанского храма огня для освящения алтаря огня⁴¹. В течение восьми столетий «Атеш Бахрам» оставался единственным храмом огня парсов в Гуджерате.

В своей книге «Открытие Индии» Дж. Неру дал примечательную характеристику парсов: «1300 лет назад, когда в Иране распространился ислам, в Индию переселилось несколько сот тысяч последователей старой зороастрийской религии. Им был оказан здесь радужный прием, и они поселились на западном побережье, исповедуя свою веру и соблюдая свои обычаи. Никто не вмешивался в их дела, и сами они никого не трогали»⁴². Неру обращает внимание на то, что парсы, обретя в Индии «свою вторую родину», все же «держались особняком, небольшой общиной, упрямо цепляясь за свои старые обычаи»⁴³. Браки за пределами общины не допускались, и численность парсов росла очень медленно. Даже в 50-х годах XX в., по данным, приводимым в книге Неру, парсов насчитывалось не более 100 тыс. человек⁴⁴.

Через 200—300 лет после переселения парсы Гуджерата говорили только на гуджератском языке, забыв свой родной язык. Они восприняли и индийскую одеж-

ду. Только парсы — служители культа носили белую одежду и белую шапочку на голове. Во время религиозных церемоний все парсы также надевали на себя белые одежды. Женщины-парсиянки в индийских сари всегда ходили с косынкой на голове, надвинув ее низко на лоб, и не снимали ее даже дома ⁴⁵.

Дж. Неру отмечал успехи парсов в деловой сфере, их деловую хватку ⁴⁶. Постепенно часть общины парсов в Санджане стала состоятельной, начала строить хорошие дома вдоль всего побережья ⁴⁷.

Парсийская традиция называет основными центрами поселения парсов Ванканер, Варнав, Анклесар, Броц, Навсари ⁴⁸. Поскольку члены парсийской общины начали расселяться по разным портам и городам, с ними вместе расселялись и служители культа. К XIII в. парсийское духовенство Гуджерата разделилось на пять групп в пяти главных центрах обитания парсов: в Санджане, Навсари, Годаврасе — крупном сельскохозяйственном районе, включающем г. Анклесар, в портах Броц и Камбей ⁴⁹. Каждая община имела свой совет и администрацию, но все они были тесно связаны с Санджаном, так как только в нем находился храм огня и только в нем исполнялись главные зороастрийские церемонии и обряды, в том числе обряд очищения. Санджан был также местом паломничества парсов ⁵⁰. В конце XVI—XVII вв. центром поселения зажиточных парсов становится побережье южного Гуджерата — города Сурат и Бомбей.

Если до конца XIII в. и образования в Дели мусульманского султаната жизнь парсийской общины в Индии складывалась относительно благополучно, то судьба зороастрийцев, не покинувших свою родину — Иран, складывалась трагично. Еще в X в. зороастрийцев в Иране, особенно в Хорасане, было довольно много, но начиная с XI в. упоминания о зороастрийцах в арабоязычной литературе встречаются редко ⁵¹, однако известно, что при Сельджуках (XI—XII вв.) они подвергались жестокому преследованию или насильственно обращались в ислам ⁵². Нашествие монголов и завоевание ими Ирана было катастрофой для всех народов, в том числе и для зороастрийцев: их храмы были разгромлены, а священные книги, включая Авесту, уничтожены ⁵³. Желая избежать полного истребления, значительная

часть зороастрийцев постепенно с XI—XII вв. покидает родные места и обретает пристанище в тех районах Ирана, которые были отгорожены от густонаселенных мест пустынями Деште Кевир и Деште Лут. Это были города Йезд с окрестностями и Керман с прилегающими к нему деревнями, которые меньше пострадали от монгольских завоеваний, так как местные династии выражали свою покорность монгольским ханам.

В конце XIII—начале XIV в. в небольшой деревне Туркабад к северо-западу от Йезда и отделенной от него горами поселился высший зороастрийский священнослужитель и его прихожане-зороастрийцы. Они начали селиться в Туркабаде и в горном селении, расположенном недалеко от него, — Шарифабаде. Выбор этой местности для постоянного жительства объяснялся тем, что именно здесь в горах находились развалины святыни Ардвисуры Анахиты времен Сасанидов⁵⁴. Зороастрийцы, бежавшие от преследований из Хорасана, Иранского Азербайджана и других мест в район Йезда, сумели провезти с собой в Туркабад и Шарифабад считавшиеся самыми древними «священные огни» и установили алтари огня в простых помещениях, сложенных из необожженного кирпича-сырца. Зороастрийцы называли их храмами, хотя они ничем не отличались от обычных деревенских домов. Это было сделано для того, чтобы они не бросались в глаза и не вызывали раздражения мусульман. Храмы и алтари огня с момента их установления находились под бдительным присмотром служителей культа, живших по соседству с храмами. Постепенно Туркабад и Шарифабад становятся объединенным религиозным центром зороастрийцев, обосновавшихся в близлежащих к Йезду деревнях и населенных пунктах⁵⁵. Некоторые зороастрийцы жили в Йезде, но за пределами городской стены, так как арабы и персы-мусульмане выдворили их из города. Как уже говорилось, зороастрийцы выбрали для своего местожительства г. Керман и его окрестности, находившиеся к юго-востоку от Йезда. Керманский оазис окружен горами и пустыней⁵⁶.

Зороастрийские служители культа, обосновавшиеся в Туркабаде и Шарифабаде, сумели, очевидно, захватить с собой священные тексты и книги, в том числе Авесту, и спасти их от уничтожения. Как указывалось

выше, лучше всего сохранилась литургическая часть Авесты, что было связано с постоянным употреблением ее во время религиозной службы и каждодневного моления. Сохранился также пехлевийский перевод этих частей Авесты и комментарии к ним⁵⁷.

Зороастрийцы Йездской и Керманской общин считали для себя обязательным совершение паломничества к зороастрийским святыням сасанидского периода, фактически уже совершенно разрушенным; одна из святынь была посвящена Михру (Митре), а другая — Тештару (Тиштрия)⁵⁸. Ежегодно зороастрийцы устраивали религиозные церемонии на священной скале, где протекал горный поток — постоянный источник воды.

Французский купец Ж. Шарден, посетивший Иран в XVII в., писал о зороастрийцах следующее: «В Персии они живут в районе пустыни, Персидского залива, но особенно их много в Йезде и Кермане»⁵⁹. Далее он сообщал, что в окрестностях Йезда находится главный храм огня и главный священнослужитель (дастуране дастур). Рядом расположено учебное заведение зороастрийцев, которое готовит служителей культа. Дастуране дастур, его ученики и другие священнослужители составляют основу религиозного ядра зороастрийской общины⁶⁰.

До монгольского завоевания Ирана и образования мусульманского султаната в Дели в 1206 г., а также завоевания провинции Гуджерат мусульманами в 1297 г. связи между иранскими зороастрийцами и парсами Индии носили довольно регулярный характер. Зороастрийские служители культа посылали парсам Индии рукописи Авесты и сочинения на среднеперсидском языке, отвечали на вопросы верующих относительно обрядов и обычаев зороастрийцев. Оторванные от родины парсы Индии постоянно обращались к зороастрийским священнослужителям за разъяснениями по тому или иному вопросу. Эти разъяснения назывались ривайатами⁶¹. Парсийское духовенство вносило в них свои добавления, которые касались вопросов религиозной догматики, взаимоотношений между верующими и др.⁶².

В 1209 г. зороастрийский священнослужитель Рустам Мехрабан снял копию со среднеперсидского сочинения «Артак-Вираз-намак» («Арда-Вираз-намак»), своего рода зороастрийской «Божественной комедии»⁶³ о

путешествии Арда-Вираза по раю и аду. Посетив Индию, Мехрабан подарил это сочинение парсам Анкесара. Все имевшиеся сочинения и рукописи, переписанные Рустамом Мехрабаном, передавались по наследству из рода в род и наконец попали к его самому знаменитому потомку — дастурани дастуру Кай Хосров Мехрабану, который тоже посетил Индию и, как полагает М. Бойс, сделал копию пехлевийских текстов эпического содержания, в том числе «Деяния Арташира Папакана»⁶⁴.

После завоевания Индии Тимуром в 1338 г. связи зороастрийцев с парсами значительно сократились. В период мусульманского правления очень сильно пострадали парсы Индии, их главный город Санджан был разрушен. Однако они сумели спасти священный огонь «Атеш Бахрам», перенеся его в пещеру отдаленной горы Бахрот, где он хранился в течение двенадцати лет, а когда возникли благоприятные условия, парсийская община города и торговой гавани Навсари построила храм огня, куда в металлическом сосуде был перенесен огонь и водружен на каменный алтарь⁶⁵.

В XV в. в Навсари произошло объединение двух парсийских общин и образовался панчяг (совет) во главе с парсом-мирянном, предложившим парсийскому духовенству Санджана превратить Навсари в религиозный центр парсов, что способствовало его превращению в процветающий торговый город. К зороастрийцам Йезда из Навсари был послан парс Хошанг Нариман, который прожил там год и в 1478 г. отбыл в Индию, привезя с собой два трактата и письма для парсийских священнослужителей и «выдающихся людей Индии», написанных шарифабадскими священнослужителями⁶⁶.

Сопоставление ривайатов показывает, что в вопросах веры и парсы, и зороастрийцы Ирана оставались стойкими ортодоксами, продолжателями традиций своих предков в области обычаев, обрядов и ритуалов, хотя в обрядах и обычаях и тех, и других возникли различия. В то время как иранские зороастрийцы сохраняли все древние ритуалы жертвоприношений, парсы, принося в жертву мелкий рогатый скот, отказались от жертвоприношений коров, поскольку они жили среди индусов, считавших корову священным животным⁶⁷.

Появились и другие отличия в обычаях и ритуалах парсов Индии и зороастрийцев Ирана⁶⁸.

Парсы Индии жили замкнутой общиной и не знали, могут ли они принимать в свою общину иноверцев, которые хотели бы принять зороастризм. По этому поводу парсы обращались за советом к зороастрийским служителям культа. Они также не знали, могут ли они пользоваться услугами индийцев, не оскверняя этим себя. Категорические возражения с их стороны вызывали близкородственные браки, которые продолжали практиковаться зороастрийцами Ирана, хотя к XIV в. они стали считать возможными браки между двоюродными братьями и сестрами, но не более близкими родственниками, как было ранее⁶⁹.

В начале XV в. контакты между иранскими зороастрийцами и индийскими парсами полностью прекратились и возобновились только в конце 70-х годов XV в.⁷⁰

В XVI—XVIII вв. многие европейские миссионеры, путешественники и купцы посещали столицу Сефевидов — Исфахан и другие иранские города и провинции. Наиболее известными из этих европейцев были Пьетро делла Валле, который провел четыре года в Исфахане (1617—1621), купец и путешественник Ж. Шарден, посетивший Иран в период его расцвета, при шахе Аббасе I, Адам Олеарий — посланник Гольштинского двора, живший в сефевидском государстве с 1633 по 1639, а также путешественник и купец Ж. Б. Тавернье, девять раз посетивший Иран в период с 1632 по 1668 г.⁷¹ Все они написали мемуары и сочинения о своем пребывании в Иране, в которых делились впечатлениями о стране, ее населении, образе жизни, шахском дворе, религии, не оставив без внимания и «идолопоклонников» или «язычников», как они называли зороастрийцев.

Ж. Б. Тавернье посетил зороастрийскую общину Кермана в середине XVII в. Он писал, что зороастрийцы «пользовались свободой», а Ж. Шарден, побывавший в стране в начале царствования Аббаса I, отмечал их «бедность»⁷², что заметил и Пьетро делла Валле.

Сефевидские шахи притесняли зороастрийцев. Шах Аббас I насильственно переселил 3 тыс. семей из Йезда и Кермана в Исфахан, где они стали работать садовниками и слугами мусульман, занимались ковроткачеством или батрачили у землевладельцев⁷³. Шах Аббас I,

узнав об «удивительных книгах», в которых содержались пророчества на будущее, потребовал от зороастрийских священнослужителей доставить ему эти сочинения, что было сделано, и 26 зороастрийских рукописей дополнили шахскую библиотеку, о чем сообщал Ж. Шарден со слов зороастрийского служителя культа⁷⁴. В 1628 г. в конце своего царствования шах Аббас I казнил дестуране дастура и двух зороастрийцев, не угодивших ему⁷⁵.

В отличие от своего предшественника шах Аббас II выселил зороастрийцев из предместьев, а на месте их кварталов построил караван-сарай, бани, свой дворец⁷⁶. При последнем сефевидском шахе Солтан-Хусейне (1694—1722) еще 200 зороастрийских семей были переселены в Исфахан⁷⁷; позже Солтан-Хусейн подписал указ о насильственном обращении зороастрийцев в ислам. Значительная часть зороастрийских семей под страхом смертной казни была вынуждена принять мусульманство, а отказывавшихся пытали и казнили⁷⁸. Храмы и алтари зороастрийцев были разрушены. Уцелели лишь немногие зороастрийцы⁷⁹.

Всегда опасаясь того, что их религия может подвергнуться осмеянию и оскорблению, зороастрийцы старались не допускать иноверцев, в том числе и христиан, быть свидетелями их обрядов и молитв⁸⁰. Священный алтарь огня был скрыт в особом помещении храма, которое не имело окон. Туда вела низкая дверь, в которую мог входить только священнослужитель⁸¹. Верующие были отделены от алтаря огня и видели отсвет его пламени через перегородку.

Несмотря на тяжелые испытания, выпавшие на долю зороастрийцев, они продолжали верить в приход Саошьянта («Спасителя мира»). В одном из ривайатов 1626 г., посланных зороастрийцами парсам в Индию, говорилось: «Тысячелетие Ахримана кончается, начинается тысячелетие Ормузда, и мы воочию увидим блистательный лик царя Победы и наступление благоденствия»⁸².

В начале XVI в. произошли заметные перемены к лучшему в положении парсов Индии. Образование империи Великих Моголов на месте распавшегося Делийского султаната и особенно приход к власти Акбара сопровождался проведением реформ, в том числе и ре-

лигиозной. Она преследовала цель несколько ослабить гнет ислама над иноверцами и тем самым расширить и упрочить социальную базу власти Великих Моголов. Был отменен налог джизья, священнослужителям других религий начали давать небольшие земельные наделы; была предоставлена большая свобода религиозного вероисповедания. Сопrotивление мусульманских сновников-суннитов новому курсу политики Акбара в области религии привело к тому, что он начал отходить от ортодоксального ислама, заинтересовавшись верованиями парсов, индусов, христиан⁸³.

В 1573 г. Акбар обратился к священнослужителям-парсам Сурата с просьбой объяснить ему основные принципы их веры. С этой целью ко двору Акбара из Навсари прибыл ученый-богослов парс Махерджи Рана. В 1575 г. Акбар построил молитвенный дом, в котором в 1578 г. произошли диспуты и острая дискуссия между представителями разных религий, в том числе и зороастрийской. В них принимал участие и Махерджи Рана, потомки которого стали великими дастурами⁸⁴. Несколько позже Акбар просил иранского шаха Аббаса прислать к нему зороастрийского ученого-богослова для оказания помощи в составлении персидского словаря. В 1597 г. к нему прибыл из Кермана дастур Ардашир Нуширван⁸⁵. С того времени парсы Индии получили широкую возможность для собирания и хранения своих рукописей и документов.

В XVI—XVII вв. парсы разводили крупный рогатый скот, выращивали табак, изготовляли вино, «являясь скорее земледельцами, нежели купцами»⁸⁶. Парсы поставляли морякам дерево и воду, занимались различными ремеслами. Со временем парсы становятся посредниками в торговле с европейскими купцами. В XVII в. г. Сурат — центр общины парсов превратился в факторию Англии, а в XVIII в. начинается переселение парсов в Бомбей⁸⁷. Согласно парсийской традиции, первым парсом, поселившимся в Бомбее в 1640 г., был Дораб Нанабхай. В XVIII в. Бомбей становится постоянным местожительством богатых парсов — купцов и предпринимателей, хотя предками наиболее известных и богатых парсов были земледельцы, купцы, искусные ремесленники и т. п. Предки крупного индийского предпринимателя-парса Д. Н. Тата занимались земледели-

ем. Предок крупного предпринимателя Д. Наороджи покорил своим парфюмерным искусством жену Джехангира — красавицу Нур Джахан и в 1618 г. получил в дар 100 бигхов земли, свободной от налогов. Предки бомбейского капиталиста П. Джехангира получили от правителей Великих Моголов земельный надел и высшие титулы. Предки крупных фабрикантов Ловджи разбогатели на гуджератских верфях, начав работать на них простыми плотниками⁸⁸. Ловджи Нуширван Вадна организовал бомбейское судоходство⁸⁹. В Бомбее парсы, переселившиеся из Гуджерата, получили большой участок земли в центре города, и многие из них стали владельцами больших земельных наделов и домов⁹⁰.

В течение XVI—XVIII вв. связи между индийскими парсами и иранскими зороастрийцами хотя и существовали, но не носили регулярного характера и часто прерывались в силу ряда объективных причин, в том числе из-за вторжения афганцев в Иран и захвата Кермана.

В 1720 г. еще до завоевания Ирана афганцами общину парсов в Сурате посетил керманский дастур Джамасп Валайати, который пришел к выводу, что его единоверцы в Гуджерате ничего не знают об истинной сути ортодоксального зороастризма, его догматах и практике. Он привез с собой несколько священных текстов, в том числе Видевдат, убедив трех молодых служителей культа изучить Авесту на среднеперсидском языке⁹¹.

Во времена правления Керим-хана Зенда парс Мулла Каус посетил дастуране дастура г. Йезда и задал ему 78 вопросов, связанных с зороастрийскими предписаниями и обрядами, а также зороастрийским календарем. Захват Кермана Ага-Мохаммедом в 1794 г. причинил много страданий жителям города, и особенно зороастрийцам. После этого связи зороастрийцев с парсами Индии на некоторое время прекратились⁹².

В силу сложившихся неблагоприятных политических и социальных условий, нетерпимого отношения мусульман к иноверцам, зороастрийцы по-прежнему испытывали гонения. С конца XVIII в. им запретили заниматься многими видами ремесел. В основном они могли работать садоводами или стать мелкими торговцами и лавочниками. Однако им запрещалось торговать некоторыми продовольственными товарами, особенно мясом, ра-

ботать ткачами. Зороастрийцы должны были носить одежду темных тонов или желтоватого цвета. Подобные запреты заставляли их прибегать к всевозможным ухищрениям. Так, например, не имея возможности сшить себе платье из куска целой ткани, зороастрийские женщины использовали обрезки и лоскутки сукна, соединяя их аккуратными стежками, а каждый лоскут отделявали искусной вышивкой, благодаря чему платья приобретали нарядный вид⁹³.

Для строительства жилища зороастрийцы должны были получать разрешение у мусульманских губернаторов провинций и правителей городов, в которых они жили; они не могли без разрешения мусульманских властей восстанавливать разрушенные храмы огня и другие зороастрийские святыни. В официальных бумагах и документах их называли «гебр» («неверный») или «мелгубе эслам» («покоренный исламом») ⁹⁴.

Постоянная борьба за существование, скитания и неоднократные переселения, несомненно, наложили отпечаток на внешний облик, характер и быт зороастрийцев, которые должны были постоянно изыскивать средства для спасения общины, сохранения веры, догматов и обрядов, связанных с богослужением и культом бога Ахура-Мазды.

Многие европейские и русские путешественники и ученые, побывавшие в Иране в XVII—XIX вв., такие, как Сильва Фигерио, Шарден, Лаброс, Оузли, Причард, В. А. Жуковский и Н. В. Ханыков, по-разному описывая внешность и характер зороастрийцев, отмечали, что внешний облик их несколько отличался от персов: зороастрийцы были выше ростом, у них более широкий овал лица, которое носит оливковый оттенок, но это происходит скорее от загара. Нос тонкий, орлиный. У них темные, длинные, волнистые волосы и густые бороды⁹⁵. Глаза широко расставленные, серебристо-серого цвета, под ровным, светлым, выступающим лбом⁹⁶. Мужчины крепкие, сильные, хорошо сложенные. У женщин очень приятные лица, хотя в них нет и следа женственности и «они очень небрежно одеты»⁹⁷. Имеются описания традиционной одежды зороастрийцев. Мужчины надевали поверх брюк широкую, спускающуюся до колен или ниже серую рубаху или хлопчатобумажную блузу, подпоясанную широким белым кушаком вокруг

тали, на голове они носили войлочный колпак или тюрбан, завязанный на зороастрийский манер⁹⁸. По этому поводу Шарден писал: «Одежда гебров так сильно напоминает одежду рабов, что можно подумать, будто арабы заимствовали ее у них, когда завоевали их родину»⁹⁹.

Изучая положение зороастрийцев в Иране в XIX в., В. А. Жуковский пришел к выводу, что они обречены на вымирание. Если в XVI в. в Иране проживало, по подсчетам (очень приблизительным) Жуковского, около 100 тыс. зороастрийцев, или 20 тыс. семей, то в конце XVIII в. при Ага-Мохаммеде их численность сократилась до 6—7 тыс. человек, а при Мохаммед-Али их было не более четырех тыс. человек¹⁰⁰. По данным А. Орлова, бывшего в Иране в 70—80-х годах XIX в., там проживало не более 9 тыс. зороастрийцев¹⁰¹.

Тяжелое материальное положение зороастрийцев объяснялось тем, что помимо общих налогов на скот, профессию бакалейщика, лавочника, гончара и т. п. зороастрийцы, как немусульмане, должны были платить джизью, а также некоторые «случайные поборы». Хотя иранские шахи уже в XVI в. заставили зороастрийцев нести воинскую повинность, их зачисляли в пехоту и кавалерию, но если они не служили в войсках, им до конца XIX в. запрещалось ездить верхом¹⁰².

Глава III

ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ ЗОРОАСТРИЙЦЕВ

На протяжении многих веков зороастрийцы сохраняли свои культы, обычаи и обряды. В условиях постоянных преследований они жили замкнутой общиной, высшая духовная прослойка строго следила за правильностью исполнения всех обрядов. Совместные обряды, церемонии и обычаи способствовали тому, что зороастрийцы ощущали себя, несмотря на тяжелые условия жизни, единым организмом, единой сплоченной ячейкой людей, которые могли одерживать победу над злом. Важное значение имели торжественные церемонии и праздники, связанные с временами года, празднование Нооруза (Нового года), шести гаханбаров, культ предков, почитание священного напитка хаомы, различные молитвы, обряды очищения, приобщения подростков к зороастрийской вере (надевание священного пояса «кушти») и др. Существовали также обряды и обычаи, связанные с вступлением в брак, рождением ребенка, похоронами, в которых участвовали в основном родственники и близкие, почетные граждане города и деревни; среди них обязательно присутствовали служители культа.

К каждодневным обрядам зороастрийской религии относилась молитва. В зороастрийском каноне даны подробные указания и строгие правила, когда, в какое время года, в какие часы и как совершать молитвы. Зороастрийцы должны читать молитвы из Авесты пять раз в день. Упоминание бога Ахура-Мазды в гимнах Авесты сопровождалось хвалебными эпитетами, которые должны были неоднократно повторяться молящимися. Утром и перед сном, входя в дом и выходя из него, снимая «кушти», совершая очищение и другие обряды, зороастрийцы должны были постоянно повторять слова молитвы.

Согласно канонам зороастрийской религии, молиться можно было где угодно: в храме, у домашнего алтаря, на лоне природы. При этом лицо зороастрийца Ирана во время молитвы всегда должно быть обращено на юг, в то время как лица молящихся парсов Индии — на север¹.

Обряд молитвы, сохраняя многие традиционные черты, видимо, всегда производил на окружающих сильное впечатление. Так, сюжет одного из рассказов замечательного иранского прозаика Садега Хедаята «Огнепоклонник» навеян услышанными им воспоминаниями французского археолога Фландена, производившего раскопки в Персеполе в последней четверти XIX в. Рассказ написан якобы от лица археолога, который вечером подошел к Накше-Рустам, где высоко в скале были вырублены могилы древних шахов. На скале виднелся рельеф с изображением царя Дария I перед алтарем огня, а напротив, наподолеку от могил, находился храм «Кааба Зороастра», изучением которого и занимался Фланден. Мы сочли возможным привести довольно длинную выдержку из упомянутого выше рассказа: «Хорошо помню, вечерело, я измерял этот храм. Было жарко, и я изрядно устал. Вдруг я заметил, что в мою сторону идут два человека в одежде, которую теперь иранцы не носят. Когда они подошли ближе, я увидел рослых и крепких стариков с ясными глазами и какими-то необычными чертами лица. Я стал расспрашивать их. Оказалось, что это купцы из Йезда, с севера. Они были зороастрийцами, как и большинство жителей Йезда. Они поклонялись огню, как их древние цари, лежащие в этих гробницах. Они быстро собирали хворост и складывали его в кучу. Потом подожгли его и начали читать молитву, как-то по-особенному нашептывая. Я неотрывно смотрел на них и поражался: я никогда не видел и не слышал ничего подобного. Казалось, это был тот самый язык зороастрийцев, язык Авесты, что и клинописью запечатленный на камнях.

Наблюдая, как два гебра читали молитву огня, я случайно поднял голову — и оцепенел. Прямо передо мною на камнях склепа была высечена та же сцена, которую я сейчас, через сотни лет, мог поглядеть собственными глазами. Я был потрясен. Казалось, ожили камни и люди, высеченные на стене, сошли, чтобы по-

клониться воплощению своего божества. Прошлое соединилось с настоящим, исчезли столетия, отделявшие этих живых людей от древних изображений. Представлялись тщетными все усилия мусульман уничтожить древнюю религию — она жила»².

В религиозных представлениях зороастрийцев нашли отражение народные верования, магия и демонология³. Так, из поколения в поколение передавался страх перед дэвами (демонами); и чтобы преодолеть его, зороастрийцы произносили особые молитвы с заклинаниями, носили принадлежавшие их предкам амулеты и талисманы, которые должны были оберегать их и их семьи от дэвов, несчастий, болезней⁴.

В зороастрийских канонах перечисляются «чистые» и «нечистые» предметы, звери, насекомые, растения и даже люди. Еще Геродот сообщал, что «маги... собственноручно убивают всех животных, кроме собаки и человека. Они даже считают великой заслугой, что уничтожают муравьев, змей и [вредных] пресмыкающихся и летающих животных»⁵. Согласно доктрине зороастризма, к «чистым» относятся человек, звери (особенно собаки, ежи, коровы, овцы), растения. Со дня своего рождения до смерти зороастрийцы должны соблюдать обряд очищения и сами соблюдать абсолютную чистоту. Прикосновение к «нечистым» предметам приравнивалось к греху. Особо почитаемыми у зороастрийцев были огонь, вода и земля. Нельзя было налить себе воду, не вымыв руки, нельзя было выходить в дождь на улицу, ибо это означало загрязнение земли и воды. Нельзя есть мясо, если предварительно из него не была удалена кровь. Жесткие правила соблюдения «чистоты» во время еды не позволяли зороастрийцам есть в присутствии представителей других религий: очень часто в присутствии мусульман они вообще отказывались от еды. В присутствии иноверцев зороастрийцы никогда не купались в бассейне⁶. Сжигание мусора запрещалось, так как для зороастрийцев огонь был всегда священным. Для разведения огня в домашнем очаге употреблялось сухое, чистое дерево; при приготовлении пищи ни одна капля не должна была попасть в огонь⁷.

Для нечистот и мусора в каждом доме существовало специальное помещение; когда оно заполнялось до определенного предела, туда наливался специально при-

готовленный раствор и нечистоты по специальному желобку сливались в землю. Обычай этот до сих пор сохраняется в районе Гезда⁸.

В концепции зороастризма жизнь рассматривается как благое начало, предоставленное Ахура-Маздой, а смерть — зло, исходящее от Ахримана. Пока правоверный жив — он олицетворяет благое начало, но если человек умирает, то его труп становится осквернением, выражением злого начала, так как смерть согласно зороастризму есть зло. Поэтому никто из единоверцев, даже самые близкие родственники, кроме насассаларов, или мойщиков трупов, никогда не смеет прикасаться к покойнику⁹.

Насассалар происходит от слова «насу» — олицетворение смерти, часто представлявшееся в виде мухи, прилетающей с севера. Она вселяется в мертвых и даже живых существ, если, как считают зороастрийцы, этому не воспрепятствовать соответствующими молитвами и соблюдением особых предписаний. Обряд, связанный со смертью и погребением, носил специфический характер. Он соблюдался строго и скрупулезно. В Авесте (5-й и 8-й фаргарды Видевдата) на вопрос правоверных зороастрийцев, как поступать с умершим зимой человеком, говорится: «В каждом доме, в каждом поселении пусть возведут три помещения для мертвых»¹⁰. Помещения должны быть «достаточно высокие, чтобы не задевать головы стоящего человека, вытянутых ног, протянутых рук — таково правильное помещение для мертвых. Там положат труп на две ночи, три ночи, на месяц, пока не полетят снова птицы, не зацветут растения, скрытые воды не потекут и ветер высушит землю. Тогда почитатели Ахура-Мазды выставят тело на солнце». Согласно предписаниям Авесты, умирающий должен был лежать в особом помещении, отгороженном от жилых комнат родственников и близких. При этом соблюдалась определенная дистанция между умирающим и живыми людьми и некоторыми предметами, которые считались у зороастрийцев священными. Это расстояние равнялось «тридцати шагам от огня, тридцати шагам от воды, тридцати шагам от связки священных ветвей»¹¹.

Так как символом Ахура-Мазды всегда являлся огонь, ни один обряд не обходился без него. Огонь находился и в помещении умирающего, но отгороженный вино-

градной лозой, чтобы «насу» и злые дэвы не касались огня¹². В то же время и сам огонь по представлениям зороастрийцев служил средством «усмирения демонов»¹³. У постели умирающего постоянно находились два священнослужителя, но один читал молитву вблизи огня, а другой давал выпить глоток священного напитка хаомы или гранатового сока для придания бодрости тому, кто был обречен на смерть. Но если умирающий был в состоянии, он вместе со священнослужителем произносил слова молитвы¹⁴. Около умирающего стоял ритуальный кувшин с хаомой, как символ жертвоприношения родных богу Ахура-Мазде, означавший их желание умилоствити божества Митру, Рашну, Атара, праведного Сраоша, а также ангелов-хранителей людей, чтобы душа праведника-зороастрийца при переходе через мост Чинват попала в рай¹⁵.

При умирающем присутствовала собака, которая у зороастрийцев является священным животным. Собаку любили за беззаветную преданность и верность, ее присутствие символизировало уничтожение всего грязного, порочного, безнравственного, к тому же она съедала все остатки и отбросы пищи. Еще в далекой древности зороастрийцы верили, что пристальный, магнетический взгляд собаки обладает особым свойством. Оно заключалось в том, что взгляд собаки способен был, как полагали верующие, прогонять «насу» и злых духов, осквернявших все живое. Именно с этим связывался обычай «сагдид» — обязательное присутствие собаки при умирающем¹⁶. На этот счет существуют разные предположения: одни ученые связывают этот обычай с мифологическим героем Йимой, у которого были особые собаки с четырьмя глазами. Более рационалистические теории указывают на особый инстинкт собаки, предчувствующей последний вздох и последний удар сердца умирающего¹⁷. По древнему обычаю, существующему и поныне, вокруг умирающего разбрасывали кусочки хлеба или клали их на его грудь, и собака съедала их. Если для этой цели в древности использовались собаки особой породы, то уже в XIX в. в г. Йезде, например, обычай «сагдид» выполняли самые обычные уличные собаки. Только после того как собака съедала кусок хлеба в помещении умершего, родственникам объявлялось о смерти их близкого¹⁸.

Прикасаться к покойнику могли только насассалары, они обмывали тело, надевали на него белый саван и пояс кушти, складывали руки на груди. Для всех других прикосновение к усопшему влекло длительный обряд очищения; близкие могли только издали смотреть на покойника¹⁹.

В течение трех дней и трех ночей, пока покойник не был похоронен, служители культа и родственники читали молитву, соблюдая определенные запреты в отношении еды и питья. Только на четвертые сутки, когда считалось, что душа усопшего переселилась в загробный мир, с восходом солнца совершался обряд погребения в соответствии с правилами, изложенными в Авесте²⁰.

На железные носилки клали деревянный настил, а на него труп. Руководили похоронами насассалары, которые несли носилки. Похоронная процессия сопровождала носилки; служитель культа воздавал хвалу богу, вместе с ним молились присутствующие на похоронах²¹. Процессия сопровождала носилки только до подножия специального сооружения, места захоронения зороастрийцев — астодана, или так называемой башни молчания высотой 4,5 м. Носильщики и служители культа поднимались со своей ношей на башню, помещали труп в сидячем положении на краю погребальной площадки (дахмы) и закрепляли его за ноги и волосы, чтобы звери или птицы, растерзав тело, не могли унести останки к воде или растениям. Когда птицы склевывали все мясо, а кости под влиянием солнца полностью очищались, тогда их сбрасывали в башню молчания²².

Геродот и Страбон утверждают, что во времена Ахеменидов персы натирали тело воском и хоронили умерших царей в особых гробницах или склепах, вырубленных в скалах Накше-Рустама. Маги или жрецы выставляли трупы на особого рода возвышения и погребали «не ранее того, как их разорвут птицы или собаки»²³. Однако уже при Сасанидах тело умершего выносилось за город, где его клевали хищные птицы; класть тело в могилу или сжигать запрещалось. Запрещение кремизировать трупы греческие ученые объясняли тем, что огонь согласно зороастрийским верованиям считался священным.

В XX в., особенно в 50-е годы, зороастрийский обряд похорон был запрещен. Башни молчания были за-

мурованы и прекратили свое существование. В последние годы зороастрийцы хоронили покойников, как и мусульмане, на кладбище в земле, заливая могилу цементом: они считали, что такой способ захоронения не загрязняет землю²⁴. Исключение было сделано для башен молчания Йезда и Кермана. Секрет строительства подобных сооружений утерян, и в настоящее время мало кто из оставшихся в живых дастуров может их восстановить²⁵.

Согласно зороастрийской вере, души умерших освещают жизнь живущих, а живущие, поддерживая традиции, чтут своих предков и желают, в свою очередь, после смерти воссоединиться со своими близкими, отошедшими в «мир иной»²⁶. Поэтому церемония поминок по усопшему обязательна. Траур соблюдается в течение разных сроков, в зависимости от степени родства — начиная с нескольких месяцев, полгода, год. Поминки происходят сразу после похорон, но все родственники должны перед ними совершить обряд омовения, который начинается с мытья головы, левого, затем правого уха, лица, шеи. Необходимо также выстирать одежду и вымыть дом. Омовение производилось не только водой, но и особой жидкостью, приготовленной из коровьей мочи, считавшейся священной. После этого в дом вносят огонь²⁷. В дом, где умер человек, новый огонь можно вносить только через девять суток зимой и через месяц — летом²⁸. На огонь выливалось несколько капелек жира — символ жертвоприношения²⁹. Поминки повторялись на 10-й и 30-й день, затем через год и позднее. На поминках читались молитвы, ели, пили и жертвовали деньги в пользу бедных³⁰. Молитвой руководил дастур, другой священнослужитель растирал в ступе священное растение хаому, которое смешивалось с молоком и соком некоторых растений, и получившийся напиток раздавался присутствующим. Еще один служитель культа подносил культовые предметы дастуру, читавшему молитву. Необходимым культовым предметом являлся «барсман» — ветка тамариска или ивы, которую позже заменили пучком металлических прутьев³¹. Их держал в руках священнослужитель.

Поминки устраивались для того, чтобы «порадовать душу» покойного, умилоствить духов всех родов, а также для «спасения» душ живущих. Как считает Мэри

Бойс, поминая близких, каждый человек несет ответственность за набожность своей души³².

Для всех зороастрийцев обряд очищения был обязательен. Обычный обряд очищения включал простейшее омовение лица, рук и ног до и после молитвы. Более сложный обряд очищения производился в присутствии зороастрийских священнослужителей и кроме обычного омовения предполагал употребление священного напитка с лимонной цедрой и лавровым листом. Затем читалась молитва, а после нее все тело натиралось песком и коровьей мочой. Обычно такого рода обряды очищения происходили во время посвящения зороастрийских детей и подростков в их веру, а также когда зороастрийцы женились. Такой обряд очищения все без исключения зороастрийцы должны были осуществлять в последние десять дней уходящего года³³.

Особо тяжелым и изнурительным был обряд очищения для самих священнослужителей, вступающих в сан, а также для насассаларов, желающих избавиться от своей профессии, которая передавалась от отца к сыну.

Хотя звание священнослужителей являлось наследственным, чтобы стать служителем культа и получить сан, кроме религиозного образования необходимо было подвергнуться нескольким обрядам очищения, которые длились около 13 дней³⁴.

Будущий священнослужитель должен был шесть раз совершить омовение особо приготовленным составом, 18 раз натереться песком, 5 раз обмыться водой. Затем он должен был повторять за служителем культа слова клятвенной формулы очищения и дотронуться до собаки, которая вела его к другому священнику, после чего он омылся священной водой и его оставляли в храме на 9 дней³⁵.

Обряд очищения считался нарушенным тогда, когда еда была приготовлена незороастрийцем, когда при произнесении клятвенной формулы принимающий сан запнулся, когда во время очищения головной убор падал с его головы, и т. п. Тогда приходилось снова повторять этот утомительный обряд.

Фанатичное отношение к обряду очищения проявлялось до некоторой степени в отношении насассаларов — представителей низшей касты, занимавшихся грязной

работой, «осквернявшей» зороастрийца. И хотя иранские зороастрийцы отрицают кастовость, тем не менее община обычно считала насассаларов «нечистыми», хотя постоянно прибегала к их услугам. Насассалары жили отдельно не только от других членов общины, но даже от членов собственной семьи. Они носили особую одежду, на руки надевали перчатки, а в древности давали знать о своем появлении в публичных местах, на базарах позваниванием колокольчиков³⁶.

Зороастрийцы всегда сторонились насассаларов. Их не приглашали в гости, на свадьбу. Во время больших торжеств и праздников, массовых гуляний, вне дома зороастрийцы хотя формально и не смели их прогнать, однако сторонились их, предпочитая посылать им праздничные подарки домой³⁷. Но и дома, несмотря на то что после каждого обряда похорон насассалары совершали обряд омовения, они ели в отдельной посуде, не могли подойти к домашнему очагу, зажечь лампу и должны были просить об этом своих близких³⁸. Когда насассалары начали отказываться от своей профессии (а с конца XIX в. это происходило довольно часто), они подвергались тяжелому обряду очищения.

Той же боязнью «оскверниться» можно, пожалуй, объяснить жестокость, проявляемую зороастрийцами в течение столетий к своим единоверцам, страдающим физическими недомоганиями и кровотечениями, тяжелыми функциональными расстройствами органов пищеварения, так как считалось, что болезни насылает всякая нечисть. Даже с тяжело больными стариками и детьми зороастрийцы обращались с известной суровостью, предпочитая в некоторых случаях видеть их скорее мертвыми, нежели больными³⁹.

Роды, болезни и даже рождение ребенка рассматривались зороастрийской догматикой как «осквернение» чистоты организма, нарушение «идеального» физического состояния человека. Согласно зороастрийским предписаниям, связанным с обычаем очищения, женщина во время ее месячных недомоганий, родов и болезней подвергалась определенному «табу», сидела на каменной скамейке или же спала на полу в темной половине дома, не смела приближаться к священному огню, выйти на воздух, видеть небо и солнце, работать в саду⁴⁰. Она надевала самую плохую одежду, ела в отдельной

посуде. Никто из семьи, в том числе дети, не подходили к ней. Приготовлением пищи занимались другие члены семьи, но если у женщины был грудной ребенок, ей приносили его кормить, а после кормления тут же уносили⁴¹. Даже в первые два десятилетия XX в. зороастрийские женщины страдали от этого обычая, хотя, по мнению М. Бойс, подобные трудности «как будто вырабатывали стойкость характера» у зороастрийцев⁴².

В период беременности женщина получала некоторые льготы, особенно перед родами. В доме, где она находилась, круглосуточно горел огонь, символизирующий добро. Когда рождался ребенок, пламя должно было гореть плавно и ровно, и за этим следили со всей строгостью. Этот обряд был связан с древним зороастрийским преданием о том, что когда рождается ребенок, к нему является дьявол и уберечь ребенка от него может только плавно горящее пламя огня⁴³.

После рождения ребенка ритуал очищения и матери, и новорожденного был долгим, тяжелым и продолжался 40 дней. В первые дни после родов мать не могла пить чистую воду, погреться у очага, даже если роды происходили зимой, были тяжелыми и существовала угроза жизни ее и ребенка. Неудивительно, что смертность при родах и в послеродовой период среди женщин-зороастрийцев была велика⁴⁴.

Однако в обычное время, когда зороастрийка была здорова, она пользовалась большей, чем мусульманка, свободой, а в некоторых случаях в решении вопросов, связанных с домашними делами и хозяйством, она проявляла твердость, с которой должны были считаться все члены семьи⁴⁵.

Если индийские парсы при рождении ребенка для предсказания его судьбы обычно прибегали к помощи парсов-астрологов, которые многое в своей профессии заимствовали у мусульманских астрологов, то иранские зороастрийцы никогда не пользовались предсказаниями астрологов — среди зороастрийцев Ирана их не было, а об обращении к мусульманам-астрологам не могло быть и речи. В то же время зороастрийцы не всегда знали точно или даже приблизительно число, месяц и год рождения своего ребенка и не отмечали дни его рождения⁴⁶.

В возрасте от 7 до 15 лет (по некоторым данным, от

12 до 15 лет) происходил обряд инициации или конфирмации — приобщения подростков к зороастрийской вере. Инициация была связана с обычаем надевания священного набедренного нитяного пояса кушти, который зороастрийцы, как мужчины, так и женщины, должны были носить всю жизнь. Зороастрийцы-мужчины были обязаны носить священную для зороастрийцев рубаху. И кушти, и рубаха являлись символами приобщения к вере своей общины, готовность следовать предписаниям Авесты и полную покорность своему богу Ахура-Мазде ⁴⁷.

Американский иранист Джексон, изучавший обычаи парсов в Индии и зороастрийцев в Иране еще в прошлом веке, отмечал разницу в выполнении этого обряда между зороастрийцами и парсами ⁴⁸. Этот обряд у парсов Гуджерата называется «ноузад» («вновь рожденный»), а у зороастрийцев — «седра пушун» («надевание священной рубахи») ⁴⁹. У парсов Индии этот обряд носил торжественный религиозный характер, между тем этот обряд у зороастрийцев Ирана выглядел более обыденным. Он мог осуществляться в любом месте, в том числе и дома, где находился зажженный светильник или священный огонь, и даже необязательно в присутствии священнослужителя, в то время как у парсов присутствие дастура было обязательным. Мальчики и девочки сами могли надеть на себя кушти, но только после того, как они прочли четыре молитвы из Авесты ⁵⁰. Бывало и так, что зороастрийский подросток, захватив с собой кушти, шел в дом своего наставника, который обучал его молитвам, и там надевал кушти и священную рубаху. Затем он преподносил своему учителю (это мог быть служитель культа или лицо, хорошо знающее Авесту) сахар и хлеб, обязательную ритуальную еду, которой сопровождаются все обряды зороастрийцев ⁵¹. В Индии обряд инициации происходил более торжественно, чаще всего в храме, где главный дастур читал юношам и девушкам молитвы из Гат, заповеди пророка Зороастра. Гимны и молитвы читались опытными декламаторами. Зороастрийцы Ирана, побывавшие в Индии, старались впоследствии подражать парсам, устраивая во время инициации торжественные церемонии, придав им еще большую религиозную окраску ⁵². После свершения этого обряда подростки стано-

вились полноправными членами общины, выполняя все предписания и обычаи зороастрийской религии, и в первую очередь закона большого очищения — «барсном», или «баршнум девяти ночей»: соблюдения всех правил чистоты тела, дома, земли, воды, полезных животных, намеренно избегая соприкосновения с тем, что по зороастрийским канонам являлось «оскверненным» и «нечистым»⁵³.

Многие зороастрийские обряды были связаны с временами года и носили сезонный характер. Согласно древнему зороастрийскому календарю они сопровождались религиозными церемониями и праздниками.

Зороастрийцы издавна пользовались в повседневной жизни солнечным календарем по образцу египетского солнечного календаря⁵⁴. Точных данных о времени и месте создания зороастрийского календаря нет; по предположению В. А. Лившица, зороастрийский календарь возник в Восточном Иране или Средней Азии в первой половине I тыс. до н. э. и был воспринят в Западном Иране Ахеменидами⁵⁵. Так как зороастрийский календарь был короче астрономического года на 6 часов, это приводило к тому, что каждые четыре года начало нового календарного года как бы передвигалось на один день. За 120 лет эта разница составила полный зороастрийский месяц в 30 дней⁵⁶. В период правления Сасанидов производилась, хотя и нерегулярно, вставка такого месяца⁵⁷. Однако это порождало несоответствие между календарем и сезонными, религиозными праздниками, которые, согласно предписаниям Авесты, должны были проводиться в строго определенное время года. Особым неудобством для правоверных зороастрийцев было несоответствие между календарем и празднованием Ноуруза, которое совпадало с днем весеннего равноденствия, или «вхождением Солнца в созвездие Овна»⁵⁸.

Абу Рейхан Бируни писал по этому поводу, что год персов составлял 365 дней, а одной четвертью дня «они пренебрегали, пока из этих четвертей не накапливалось дней на целый месяц, что происходило один раз в 120 лет»⁵⁹. Однако зороастрийцы предпочитали, чтобы дополнительные дни составляли целые месяцы, а не дни, так как увеличение числа дней в месяцах сделало бы невозможным произнесение нужной молитвы по со-

ответствующим дням, поскольку, согласно зороастризму, молитва должна была точно соответствовать ангелу-покровителю того дня, когда она читалась, а таких ангелов было 30 (по количеству дней) в месяце. «Но если число дней в месяце увеличилось бы на один день — „замзама“ (молитва) не была бы действительной»⁶⁰.

Когда в календарный год вставлялся дополнительный (високосный) месяц, последние пять дней, приходившиеся на конец года и связанные с одним из древних зороастрийских религиозных праздников — почитанием душ умерших, следовали не за последним, 12-м месяцем в году, а за високосным месяцем. Это создавало дополнительные трудности, так как передвигались последние пять дней⁶¹.

Основываясь на сообщениях Бируни о том, что один из последних календарных пересчетов был произведен при Йездегерде, сыне Шапура, когда после VIII месяца (абана) было прибавлено два високосных месяца, и отождествляя упомянутого выше царя с Йездегердом I Сасанидом, иранский ученый Таги-заде пришел к выводу, что указанный високосный цикл был седьмым по счету, и, таким образом, начало официального употребления зороастрийского календаря в Иране можно отнести к 441 г. до н. э.⁶², хотя некоторые ученые, в том числе и Э. Бикерман, сомневаются в достоверности этой даты.

С конца царствования Сасанидов високосный месяц не добавляли, и с того времени ни один месяц в древнем зороастрийском календаре не являлся високосным. К последнему месяцу года прибавлялись дополнительных пять дней, а через каждые четыре года прибавлялся один день⁶³. Таким образом зороастрийский календарь имеет 360 дней, делится на 12 месяцев по 30 дней в каждом. К последнему, 12-му месяцу всегда прибавляется пять дней, которые считаются преддверием Ноуруза, а раз в четыре года приплюсовывается еще один день.

Дни месяцев в зороастрийском календаре не имеют числовой нумерации: первое, второе, третье и т. д. Название месяцев и дней в этом календаре «теофорное», восходящее к именам божеств зороастрийского пантеона. Каждый месяц и день имеют своего ангела,

духа-покровителя или божество, в честь которого они и названы⁶⁴. Первый, восьмой, пятнадцатый и двадцать третий день каждого месяца являются особыми, посвященными Ахура-Мазде⁶⁵.

Если название дня совпадает с названием месяца, такой день считается праздником. Например, 13-й день каждого месяца называется тир, четвертый месяц года также называется тир. День тир в месяце тире считается праздничным днем, посвященным воде, и связан с выполнением определенной церемоний. Поскольку в каждом месяце есть день, название которого совпадает с названием месяца, всего таких дней насчитывается 12⁶⁶.

В настоящее время известны названия месяцев и дней авестийского, парфянского, среднеперсидского, согдийского и хорезмийского календарей, которые «хотя и установлены по памятникам более позднего (по лингвистической периодизации — среднеиранского) периода, но с точки зрения историко-фонетических закономерностей безусловно восходят к одному древнеиранскому прототипу, близкому или идентичному тому, который представлен в текстах Авесты»⁶⁷.

Ниже нами приводятся младоавестийский, среднеперсидский и современный календари Ирана.

Младоавестийский календарь

Названия месяцев

1. Фраваша (авест. форма Фраварти; души всего сущего)
2. Аша Вахишта (Лучшая Арта)
3. Харватат (божество целостности и здоровья)
4. Тиштрия (звезда Сириус)
5. Амеретат (бессмертие)
6. Хшатра Варья (Лучшая Власть)
7. Митра (божество договора, света и неба)
8. Апо (божество вод)
9. Атар (Адар) (Огонь)
10. Датуш (творец — эпитет Ахура-Мазды)
11. Воху Манах (Добрая Мысль)
12. Спента Армати (Святое Смирение, Благочестие)

Названия дней

1. Ахура-Мазда	17. Сраоша
2. Воху Манах	18. Рашну
3. Аша Вахишта	19. Фраваша
4. Хшатра Варья	20. Веретрагна
5. Спента Арматн	21. Раман
6. Харватат	22. Вата
7. Амеретат	23. Датуш
8. Датуш	24. Дайна
9. Атар	25. Аши Ванхути (Арти Вахви)
10. Апо	26. Арштат
11. Хвар Хшайта	27. Асман
12. Мах	28. Зам
13. Тиштрия	29. Мантра Спента
14. Гауш	30. Анагра Раочах
15. Датуш	
16. Митра	

Среднеперсидский календарь

Названия месяцев

1. Фравардин	7. Михр
2. Ардвахишт	8. Абан
3. Хордад	9. Адур
4. Тир	10. Дай
5. Амурдад	11. Вахман
6. Шахривар	12. Спандармад

Названия дней

1. Ахрмазд	16. Михр
2. Вахман	17. Срош
3. Ардвахишт	18. Рашн
4. Шахривар	19. Фравардин
5. Спандармад	20. Вахрам
6. Хордад	21. Рам
7. Амурдад	22. Вад
8. Дай (при дне Адур)	23. Дай (при дне Ден)
9. Адур	24. Ден
10. Абан	25. Ард
11. Хвар	26. Аштад
12. Мах	27. Асман
13. Тир	28. Замйад
14. Гош	29. Мараспанд
15. Дай (при дне Михр)	30. Анагра

Современный календарь Ирана

Названия месяцев

1. Фарвардин	7. Мехр
2. Ордибехешт	8. Абан
3. Хордад	9. Азар
4. Тир	10. Дей
5. Мордад	11. Бахман
6. Шахрвар	12. Эсфанд

Основным календарем иранцев-мусульман является солнечный. Вместе с тем в Иране пользуются лунным календарем. В настоящее время в иранском солнечном календаре первые пять месяцев имеют по 31 дню, следующие пять по 30, а последний — 29 или 30 дней. Названия месяцев по солнечному календарю почти совпадают с названиями месяцев среднеперсидского календаря (с некоторым изменением написания).

Представляет интерес сравнение календаря зороастрийцев с календарем парсов Индии. В основе календаря парсов также лежит солнечный год. Он делится на 12 месяцев по 30 дней каждый. Месяцы и дни, как и у зороастрийцев Ирана, имеют своих покровителей — духов и божеств. Названия дней и месяцев соответствуют именам их покровителей.

Между календарем парсов и зороастрийцев имеется существенное различие. Около 1129—1131 гг., в день весеннего равноденствия и наступления Нового года, парсы Гуджерата провели реформу календаря. Это произошло приблизительно через 120 лет после того, как в Иране при правлении династии Буидов в 1006 г. было предпринято введение дополнительного месяца в 30 дней в конце года⁶⁸. Однако парсы в своем календаре прибавили дополнительный месяц к последнему, 12-му месяцу, как в Иране, назвав его спандармадом вторым⁶⁹. С того времени календарь парсов не претерпел изменения, хотя в дальнейшем, особенно начиная с XVIII в., многие парсы, и священнослужители, и светские лица, предпринимали неоднократные попытки изменить свой календарь, приблизить его к зороастрийскому (иранскому).

Весьма интересным является то обстоятельство, что зороастрийские священнослужители Ирана уже в наше

время неоднократно проявляли недовольство календарной системой парсов. Так, один из них — иранский мубед в 1975 г. отмечал: «К сожалению, приходится констатировать, что наши братья и сестры по вере, которые не принимают во внимание високосие, — неправы, так как это приводит к тому, что их время отстает от истинного на шесть часов, что за 120 лет составит месяц, и таким образом их будущий Новый год (1976/77 г. — Е. Д.) отстанет от истинного на 232 дня»⁷⁰.

Каждый праздник зороастрийцев связан с определенным временем года. Великий иранский поэт и ученый Омар Хайям в своем трактате «Ноуруз-наме» очень красочно описал отличительные черты каждого из месяцев зороастрийского солнечного года. Так, первый месяц года — фарвардин, относящийся к созвездию Овна, когда солнце находится в этом созвездии, Омар Хайям называет началом роста растений; месяц ордибехешт он относит к середине весны, считая, что он приносит веселье и райскую благодать. В месяц хордад поспевают пшеница, ячмень, созревают плоды и все, что кормит людей. Месяц тир — первый месяц лета, когда собирают урожай. Шахривар — последний месяц лета, но сам месяц считается временем сбора плодов⁷¹. Мехр, по Хайяму, «месяц дружбы между людьми, и все, что созрело из злаков и плодов и досталось им, они совместно съедают»⁷². Этот месяц также знаменует начало осени, когда солнце переходит в созвездие Весов. Месяц Абан — время дождей, когда вода прибывает и люди поливают свои посевы. Азар на пехлевийском языке означает «огонь». Это холодный месяц, когда люди нуждаются в огне. Следующий месяц — дей суров, его считают первым месяцем зимы. Бахман почти не отличается от предыдущего месяца и такой же холодный. В последний месяц года — эсфанд начинают появляться растения и плоды⁷³.

Зороастрийская религия предписывала всем правоверным ежегодно отмечать семь праздников в честь Ахура-Мазды и шесть — Амеша Спента. Согласно зороастрийским преданиям, эти праздники основал пророк Зороастр⁷⁴.

Большая часть праздников носила сезонный характер. Их происхождение было связано с дозороастрийским периодом. Шесть праздничных обрядов называ-

лись гаханбары. Первый гаханбар зороастрийская традиция относила к середине весны. Второй гаханбар приходился на середину лета. Третий гаханбар совпадал с окончанием лета и началом осени, когда поспевал урожай и происходил его сбор. Четвертый гаханбар охватывал конец осени, когда пастухи и стада возвращались с пастбищ домой. Пятый гаханбар отмечался в середине зимы. Шестой гаханбар совпадал с концом зимы и преддверием весны и переходил в праздник Фравашей, или поминания душ близких предков. Этот праздник приходился на ночь накануне весеннего равноденствия⁷⁵. Этот гаханбар был посвящен сотворению человека и воздаянию почестей ушедшим в загробный мир душам предков; при этом указывалось, что особым уважением и почитанием пользуются наиболее праведные души, творившие при жизни добро и оказывавшие благодеяния⁷⁶. Для всех гаханбаров были обязательными две церемонии: афринган — благословение, или особый вид богослужения и молитвы, текст которой входил в Малую Авесту, и бадж — богослужения, связанные с приношениями всеми членами общины пожертвований и даров.

Во все времена ритуалы и церемонии, связанные с проведением гаханбаров, продолжались пять дней. Эти праздники проводились в храмах и святилищах огня, у домашнего алтаря в семье. Перед праздничной церемонией каждый зороастриец прежде, чем он входил в святилище или храм, должен был совершить омовение и частичный или полный обряд очищения⁷⁷.

В период правления династии Пехлеви празднование гаханбаров носило массовый характер и происходило в храме, в специальном зале, где на возвышении (алтаре) в латунной или медной чаше находился священный огонь. Здесь же ставился ритуальный сосуд, наполненный особой пищей — лоркой, состоявшей из семи сортов орехов и фруктов: миндаля, фисташек, грецкого ореха, хурмы, инжира, винограда и гранатов. В вазах стояли розы, в кувшинах была налита прохладная вода, а на подносах лежал горячий хлеб. Главный священнослужитель (мобед) совершал богослужение перед алтарем, ему помогали другие служители — дастуры и харбеды. Главный священнослужитель, помешивая щипцами огонь в алтаре, совершал медленный поворот по ходу

вращения солнца, с востока на запад, произнося слова молитвы. Когда мобед оказывался прямо против алтаря, его правая рука, в которой он держал священные ветки, связанные в пучок, то поднималась, то опускалась, и эти движения, как и слова молитвы из Ясны, произносившиеся нараспев, подхватывались всеми, находившимися в зале. При этом все молящиеся смотрели на юг, поскольку алтарь со священным огнем у зороастрийцев Ирана всегда находится на южной стороне. Парсы Индии, совершая подобного рода обряд, смотрят на север, так как по их представлениям юг — царство теней⁷⁸. По окончании богослужения начиналась раздача горячего хлеба и лорки, а также принесенных в храм арбузов, дынь и других фруктов и овощей⁷⁹. Затем приглашенные из числа верующих направлялись в дом священнослужителя или старейшины, где для них устраивался обед.

Эти церемонии гаханбаров, как указывал тегеранский мобед А. Гишасп, «сохранились среди зороастрийцев и до наших дней, главным образом в деревнях и окрестностях г. Йезда»⁸⁰.

В древности, да и в настоящее время, наиболее торжественными и почитаемыми праздниками у зороастрийцев считались преддверие Нового года и сам Новый год. Шестой гаханбар, или поминание душ предков, начинается за пять дней до Нового года. Так как в зороастрийском календаре 360 дней, пять оставшихся дней до начала года являются днями, посвященными молитвам в честь душ усопших предков. Эта церемония обставляется с особой торжественностью, с соблюдением старинной традиции. Еще за несколько дней до начала шестого гаханбара зороастрийцы Йезда и Кермана наполняют различные сосуды пшеницей, чечевицей, ячменем и ставят в теплое место, накрывая холстом. Через некоторое время туда наливается вода, смешанная с золой. Когда семена прорастали, зороастрийцы переносили эти сосуды в нишу в доме, где обычно происходило богослужение в честь умерших предков. Одновременно дом и небольшой двор или садик вокруг дома приводились в идеальный порядок⁸¹. Вечером последнего дня гаханбара каждый правоверный зороастриец зажигал в честь фравашей огонь на крыше своего дома и оставлял его до рассвета. Там же, на крыше, ставили кера-

мические сосуды с водой, цветами, несколькими веточками тамариска и других растений⁸². В сосуды с водой бросали листики молодого деревца. Здесь же ставилась лорка — ритуальная еда и питье. Все это означало поминание душ умерших предков. При этом пели гимны из Авесты.

На заре, с появлением первых лучей солнца, все домочадцы собираются на крышах своих домов и ждут, пока самый уважаемый мобед не зажжет огонь на всех четырех углах своей крыши. Это является как бы сигналом к тому, что наступил Новый год, и тогда все зороастрийские семьи зажигают огни на четырех углах крыш своих домов. Затем раздаётся лорка и единоверцы повторяют вслед за мобедом слова молитвы из Авесты. Когда взойдет солнце, церемония на крыше заканчивается и семья отправляется в дом, где начинается праздничная встреча Нового года⁸³.

С особым нетерпением зороастрийцы ожидают последнего дня шестого гаханбара, так как согласно традиции наступление нового дня означает победу справедливости и начало новой жизни⁸⁴.

Несмотря на то что по зороастрийской традиции Новый год связывается с именем Зороастра, ученые полагают, что этот праздник был известен с глубокой древности и символизировал цветение и плодородие. По мнению М. Бойс, зороастрийцы, возродив этот обряд, одновременно прославляли Аша Вахишта и огонь⁸⁵. А. Гишасп дает красочное описание Ноуруза: «Ноуруз — день весны, день Ормузда... сезон цветов и душистых трав... Ноуруз является величайшим праздником природы в мире, так как в это время равнины и долины покрываются зеленью и дуют весенние ветры, которые уносят все мертвящее и погибшее, а природа одевается в новый наряд... Нет ни одного иранца, в котором течет иранская кровь, который не признавал бы Ноуруза как свой, национальный праздник, храня его в душе и сердце»⁸⁶.

Энн Синклер Мехдеви, побывавшая в Йезде в 60-х годах XX в. и наблюдавшая за жизнью зороастрийской общины этого региона, в своей обстоятельной статье о современных зороастрийцах Ирана подробно описала встречу Ноуруза и связанных с ним религиозных церемоний и народных обычаев.

Встреча Нового года обставлялась очень торжественно, с известной долей таинственности и мистики. Она продолжалась в традиционных районах распространения зороастризма 13 дней (в городах зороастрийцы не могли себе позволить праздновать так долго). Во время празднования зороастрийцы надевали свои лучшие одежды, собирались за праздничным столом, покрытым скатертью, на котором лежал сборник молитв из Авесты на авестийском языке. Праздничный стол был заставлен блюдами с всевозможными яствами — засахаренными фруктами, сладостями⁸⁷. На столе обязательно должны находиться семь блюд, однако до сих пор нет полной ясности какие. Одни считают, что к ним относятся шербет, шираб и некоторые сладости. Другие полагают, что в число семь входит виноград, некоторые плоды и растения. Таково мнение зороастрийских ученых Оуранга и Джеханияна⁸⁸.

Зороастрийский священнослужитель Рустам Шахзаде считает, что на праздничном столе должны находиться семь предметов, имеющих отношение к древнему растению — дикой руте. При всем многообразии высказываемых гипотез несомненным является тот факт, что число семь является для зороастрийцев священным: семь звезд, семь ступеней неба, семь заповедей и т. п.⁸⁹.

Обязательными атрибутами встречи Ноуруза являются свечи — около каждого прибора, аквариум с золотыми рыбками, подносик с благовониями, зеркало с положенным на него яйцом, а также цветы. Всему этому придается определенный смысл. Свечи символизируют память о священном огне, яйцо — символ зарождения жизни, зеркало является как бы отражением света вселенной⁹⁰.

Праздник начинается с воздаяния хвалы богу Ахура-Мазде. При первых лучах солнца глава семьи начинает вращать зеркало, которое должно остановиться перед самым старшим членом семьи, произносящим слова: «Да будет свет!» После этого все присутствующие, поздравляя друг друга с наступлением Нового года, приступают к трапезе, предварительно пробуя и съедая по несколько проросших зерен. Хозяин дома вручает каждому подарок или деньги⁹¹.

Если в ушедшем году умер кто-нибудь из близких, то

Во время новогоднего торжества его обязательно поминали. Закончив застолье, зороастрийцы отправляются в гости к родственникам или друзьям и соседям. Праздник продолжается и на улице, вне дома. Поскольку огонь считался символом очищения и истребления всего «нечистого», на улицах зажигались костры из колючек растений, растущих в пустыне, и молодежь прыгала через них, что означало очищение от «скверны и нечистот»⁹².

В древности празднование Ноуруза продолжалось три недели; в период царствования Мохаммеда-Резы Пехлеви празднование Ноуруза продолжалось не более пяти дней. Только в деревнях в окрестностях Йезда и Кермана Ноуруз праздновали двенадцать дней. По традиции, окончание церемоний и обрядов, связанных с Новым годом, приходится на 13-е число первого месяца Нового года. Зороастрийцы, как и некоторые другие народы, считают число 13 несчастливым. В этот день все они покидают свои дома, уезжают за город или далеко от своего дома, чтобы злые духи, засылаемые, согласно поверью, Ахриманом, не причинили бы им и их близким вреда⁹³.

Большинство современных зороастрийцев не знают сути новогодней символики и происхождения праздника Ноуруза. И только очень немногие зороастрийцы, главным образом из семей священнослужителей или представители интеллигентной прослойки, полагают, что ритуальная церемония Ноуруза много веков назад означала воздаяние, хвалы главным и святым для зороастрийцев элементам: огню, воде, земле⁹⁴.

На шестой день первого месяца Нового года (фарвардина) зороастрийцы справляют день рождения пророка Зороастра — «Задерузе Зартошт», который, согласно преданию, родился в то время, когда расцветали растения, зеленела трава и воды обильно текли из источников⁹⁵.

К древним зороастрийским праздничным культам, почитаемым зороастрийцами, относится культ божества Митры и связанный с ним праздник Мехреган, который во время правления царей Сасанидской династии имел такое же важное значение и справлялся так же пышно, как и Ноуруз. Этот праздник приходился на сентябрь — октябрь, когда все еще жарко, но чувствуется прибли-

жение осени. Культ Митры олицетворяет бесконечный свет, добро, радость и согласие⁹⁶.

Существовал еще один очень древний праздник — Седе, приходящийся на 10-е бахмана и совпадавший с сотым днем «Большой зимы» (конец января), но постепенно он утратил свое значение. Бывший шах Ирана в 50-е годы возродил праздник зороастрийцев, так как он совпадал с днем рождения наследника престола⁹⁷.

Праздника, посвященного хаоме, у зороастрийцев нет, однако хаома занимала особое место в зороастрийской религии — как во время массовых культовых церемоний, так и в повседневной жизни зороастрийцев. Ни одна праздничная церемония, ни один обряд и богослужение не обходились без священного напитка хаомы (у парсов — сомы)⁹⁸. Хаома ставилась на алтарь, с ней была связана литургия из Ясны. Первоначально главный священнослужитель сам приготавливал хаому, пил ее, а потом ее давали всем присутствующим в храме, вызывая у них чувство религиозного возбуждения.

Название растения, из которого в древности приготавливался напиток хаома, в настоящее время неизвестно. Как полагают некоторые ученые, оно по ряду признаков совпадает с эфедрой, которая растет, в частности, в горах Центрального Ирана, недалеко от Йезда⁹⁹. В конце XIX в. американский ученый А. Джексон, посетивший зороастрийскую святыню Бану Парс в горах вблизи г. Агдах, на границе пустыни Даште Кевир, видел эфедру — один из видов мелкокустарниковой и эфемеровой растительности¹⁰⁰.

М. Бойс, посетившая святилище Бану Парс уже в 60-е годы XX в., видела эфедровидное растение¹⁰¹. Его стебли толкли и растирали в каменной ступе, добавляли к ним гранатовый сок, и полученный напиток смешивали с молоком. В таком виде хаома становилась сильнодействующим тонизирующим средством. В Авесте хаома названа «сильной» и «непобедимой», дающей «силу всему телу», приносящей «исцеление и победу над врагом»¹⁰².

Хаома, как считают зороастрийцы, связана со всем растительным миром. Если какое-либо растение нуждается во влаге, а ее нет, хаома должна прийти на помощь (хотя бы символически, достаточно нескольких капель) и как бы заменить воду, и тогда, по зороаст-

рийскому поверью, урожай должен быть хорошим¹⁰³. Существует еще одно поверье: если зороастрийская женщина хочет иметь здоровых и сильных сыновей, она должна прочесть молитву, прославляющую хаому, так как хаома — символ плодородия и «приносит потомству физическую силу и здоровье»¹⁰⁴. Более того, хаома считается источником «духовной силы и власти, способной обуздать злых духов и демонов»¹⁰⁵.

Заслуживает внимания обряд жертвоприношения у зороастрийцев. Хотя такой обряд существовал и в древности, и в средние века, но позднее он приобрел чисто символический характер. Большинство зороастрийцев не занимались жертвоприношениями. Вместо этого они платили деньги священнослужителю, а сами клали на алтарь огня небольшой кусочек мяса. И только в некоторых деревнях в окрестностях Йезда и Кермана, где проживали особо фанатичные зороастрийцы, во время паломничества к своим святыням (а такие святыни, посвященные божествам Митра и Тиштрия, кроме Бану Парс были в горах, недалеко от деревни Шарифабад¹⁰⁶) приносились в жертву только старые животные¹⁰⁷.

В середине 20-х годов XX в. один из священнослужителей Йезда назвал обычай жертвоприношения варварским; с тех пор в день мехреган только некоторые зороастрийцы в йездских деревнях, несмотря на многочисленные протесты со стороны образованной части зороастрийской общины, продолжали приносить в жертву старых животных¹⁰⁸.

В былые времена раздача хлеба и лорки в зороастрийские праздники являлась помощью бедным и нуждающимся. В наши дни такого рода помощь, как отмечал Азер Гишасп, «не могла исцелить нуждающихся и неимущих»¹⁰⁹. Преемственность этой традиции выражалась в 60—70-е годы нашего века в том, что неимущим предоставлялась помощь не столько в виде лорки, сколько в виде одежды, материи, муки и т. п., хотя гаханбары и другие праздники с раздачей горячего хлеба и лорки сохранились в зороастрийских деревнях близ Йезда и Кермана¹¹⁰.

По мнению А. Гишаспа, проведение праздников совместно всей общиной с общей трапезой, пением, танцами позволяло освободиться от нервного напряжения, скинуть душевную и физическую усталость, почувство-

вать прилив бодрости; одним словом, это была возможность забыться от повседневных трудностей и изнурительной работы¹¹¹. Массовые празднования позволяли восполнить или компенсировать, как он считал, отсутствие общения в повседневной жизни между зороастрийцами — представителями разных сословий, что якобы стирало грань между богатыми и бедными¹¹². Как полагает А. Гишасп, в середине XX в. гаханбары, как особые праздники зороастрийцев, утратили свое религиозное значение. Особенно это чувствовалось среди зороастрийцев, живших в больших городах. Возрождение старинных зороастрийских праздников должно было служить укреплению религиозных чувств в зороастрийцах, их нравственности и направить единоверцев «на праведный путь служению Ормузду и зороастрийской вере, прививая им высокое чувство патриотизма и любви к родине»¹¹³.

Выше уже говорилось, как проводились молебны. Здесь мы более подробно рассмотрим этот ритуал. Все религиозные церемонии зороастрийцев начинаются с литании и богослужения (афринган), в которых воздается хвала богу — творцу всего сущего. Руководят всеми ритуальными церемониями и обрядами священнослужители. Те служители культа, которые находятся перед алтарем со священным огнем, закрывают все лицо, кроме глаз, вуалью, чтобы их дыхание не осквернило священный огонь. На руки они надевают перчатки, огонь помешивают щипцами, добавляя в него предварительно очищенное сандаловое дерево. Священнослужитель держит в руках несколько веточек тамариска, связанных в пучок (теперь в некоторых местах их заменяют тонкие железные прутья), а также цветок — им может быть роза¹¹⁴.

Перед началом молитвы священнослужитель совершает омовение и принимает определенную позу. Когда молеб или дастур произносит хвалу богу, они поднимают голову и правую руку с пучком веток и цветком, освящая таким образом присутствующих в храме. При исполнении особо важных гимнов из Авесты священнослужитель целует розу или ветки, которые затем кладет на землю. Все молящиеся повторяют движения молеба или дастура, прикладывая руку к глазам, лбу и голове, что означает величайшую любовь к богу¹¹⁵.

Помещение, в котором находятся молящиеся, расположено несколько в стороне от алтарной ниши с огнем, которая скрыта от верующих перегородкой. Каменный пол молитвенного зала обычно покрыт овчиной¹¹⁶; теперь в некоторых зороастрийских храмах больших городов, в том числе и в столице — Тегеране — так было по крайней мере до конца 1978 г., — на пол стелят ковер, на котором верующие сидят босиком; во время молитвы они иногда встают и поднимают голову и руки вверх, но никогда не падают ниц и не прикасаются лбом к полу, как это делают мусульмане. Пространство, в котором находились служители культа, было отделено от верующих желобком с водой. В алтарной части стояли низкие каменные стулья, на которых размещена ритуальная утварь¹¹⁷. В зороастрийском храме Тегерана алтарь был расположен за зеркальным витражом. Металлическая чаша со священным огнем стояла на высоком каменном пьедестале кубической формы. В храме имелось иконописное изображение пророка Зороастра¹¹⁸.

Выше нами были рассмотрены общие для зороастрийцев религиозные праздники, обряды и церемонии. Но некоторые обряды носили семейный характер. К ним относится бракосочетание. Согласно общепринятому обычаю, зороастрийские мужчины, как правило, женились в 25—30 лет, а женщины вступали в брак от 14 до 19 лет¹¹⁹. Случалось, что 15-летние мальчики женились на девочках, едва достигших 12 лет; бывало, что и шестидесятилетние вдовцы брали в жены 15-летних девочек¹²⁰. В некоторых семьях, тесно связанных между собой родственными или дружескими узами, обручали детей в двухлетнем возрасте, однако такой обычай давно вошел в прошлое и в Иране¹²¹, и у парсов Индии¹²².

В XIX в. только родители имели право выбирать для своих детей женихов и невест, а дети не могли без согласия родителей или опекунов жениться и выходить замуж. После того как родители обо всем договаривались, происходило оглашение имен вступающих в брак. Это производил главный священнослужитель, который должен был подтвердить свое согласие на брак. Церемония бракосочетания у зороастрийцев существенно отличалась от подобной церемонии парсов Индии. Индийские парсы — жених и невеста могли сидеть вме-

сте на одной скамье. После того как свидетели со стороны жениха и невесты давали официальное согласие на брак, два священнослужителя вставали перед женихом и невестой и обращались к ним с торжественной молитвой, предписаниями и поздравлениями, часть которых произносилась на санскрите и сопровождалась обрядом, заимствованным у индусов¹²³. У зороастрийцев Ирана, вступающих в брак, существовали другие обряды. Жених был обязан находиться в отдельной комнате до тех пор, пока не совершится брачная церемония. В Йезде только мужчины могли присутствовать на церемонии бракосочетания. Невеста, ее мать и подруги находились поблизости и только слушали, что происходит. Когда собирались представители семей жениха и невесты, приглашался служитель культа. Справа от него садился отец невесты и ее родственники, слева — жених и его родственники. Затем священнослужитель обращался к вступающим в брак с молитвой-поздравлением¹²⁴. Эта молитва произносилась на диалекте дари. После окончания церемонии родственники обменивались сладостями, подарками, веселились, а после праздничной церемонии невесту, одетую с ног до головы в зеленый шелк, отводили в дом жениха¹²⁵.

Обряд бракосочетания всегда носил радостный характер. Несмотря на то что невеста не принимала непосредственного участия в торжестве, ее дом украшался множеством цветов и растений, символизирующих любовь, нежность, целомудренность и чистоту невесты. Засахаренные фрукты и леденцы символизировали доброту и нежность¹²⁶. Свадебный обряд и зороастрийцев, и парсов не обходился без зеркала. В Индии жених и невеста впервые видят друг друга в зеркале¹²⁷. В Иране в дом невесты от жениха приносится зеркало. По бокам его зажигаются две свечи в честь жениха и невесты. Во время брачной церемонии в зеркало смотрится невеста. Д. С. Раевский приводит многочисленные примеры применения зеркала во время обряда бракосочетания среди «родственных индоиранских народов», что позволяет автору предположить «их единый генезис и вероятность их формирования в глубокой древности, в общеарийский период»¹²⁸.

В последние десятилетия, особенно в больших городах, обряд бракосочетания среди зороастрийцев, при-

надлежавших к средним слоям, носил не столько религиозный, сколько светский характер, хотя при этой церемонии присутствовал священнослужитель. Жениха, невесту и их близких у входа в дом невесты встречал служитель культа, одетый в парадное, белое одеяние. Среди приглашенных должны были быть семь свидетелей из числа наиболее уважаемых зороастрийцев, которые своими подписями подтверждали и скрепляли вступление в брак¹²⁹. Затем священнослужитель обращался к жениху и невесте, их родителям, свидетелям и родственникам со следующими словами: «Во имя бога милосердного и справедливого! Сегодня здесь на основании веры маздаясны, согласно зороастрийскому обряду, происходит церемония бракосочетания. Здесь нахожусь и я, тот, кто носит звание мобеда, и призываю в свидетели бога, великого пророка, освещающих вступающих в брак. Я спрашиваю жениха и невесту, исповедующих единую веру, хотят ли они вступить в брак и назвать друг друга мужем и женой?». После утвердительного ответа жениха и невесты мобед снова обращается к молодым с пространной, напутственной речью: «Помолимся и воздадим хвалу богу всемогущему, который знает цену всем нам и вселенной! Помните, что необходимо следовать заповедям пророка Заратуштры. Учитесь! В столкновении с врагом будьте выше предрассудков и отбросьте зло. Проявляйте доброту в отношении друзей... соблюдайте внешнюю и внутреннюю чистоту тела и души, избегайте грязи и греха, будьте великодушными и добрыми друг к другу и вообще ко всем людям». В напутственных словах мобеда особо подчеркивалась необходимость оберегать от грязи и любых нечистот, огонь, который «основа вселенной, любви и блага»¹³⁰.

Веянием времени, приспособлением к нему, а также безусловно присущим зороастризму прагматизмом объяснялось обращение служителя культа, отвечающее злободневным вопросам 60-х — середины 70-х годов, как, например: «Остерегайтесь безделия! Старайтесь не прибегать к милостыне! Если у вас есть капитал — золото, серебро, медь, — необходимо чтобы он был чистым, не ржавел, не звенел бы в карманах, а вкладывался в полезное дело, принося пользу учебным заведениям, больницам, школам, родильным домам»¹³¹.

Умножение материального благосостояния, различ-

ные современные формы деятельности вплоть до капиталистического предпринимательства, а также такие традиционные для зороастрийцев работы, как ирригация, выращивание хлеба, рассматриваются как победа добра и «наносят ущерб злему началу»¹³².

Среди советов священнослужителя молодым мы видим традиционные предписания зороастрийской религии: обязательное соблюдение обрядов очищения и забота о чистоте воды, которая является основой плодородия земли, и т. п. Проповедь зороастрийского священнослужителя, обращенная к молодым, затрагивала сферу современных интересов человеческой деятельности. В то же время она отражала мир мыслей, чувств и явлений, соответствующих древним предписаниям зороастризма и нашедших отражение в священном писании зороастрийцев — Авесте. Так, в одной из частей Авесты говорится, что состоятельный человек должен помогать бедным, что человек всегда обязан работать.

Браки, заключенные зороастрийцами, как правило, были моногамными, но бывали случаи, когда зороастриец брал в жены вторую жену, а иногда и третью. Однако, согласно брачному кодексу, муж не имел права приводить в дом вторую жену без согласия первой жены¹³³. Обычно это происходило в тех случаях, когда в течение семи лет, прожитых в браке, жена оставалась бездетной. Если у второй жены рождались дети, она получала такие же права, как и первая, хотя старшей жене оказывалось большее уважение¹³⁴. Считать, что полигамия у зороастрийцев является результатом влияния многоженства у мусульман, как полагают некоторые ученые, неверно. Полигамия была известна древним иранцам задолго до того, как Иран стал мусульманской страной. Согласно преданию, сам пророк Зороастр был женат трижды¹³⁵.

Если в семье не было сыновей, отец, выдавая дочь замуж, просил дочь и ее мужа дать свое имя одному из ее сыновей, который становился продолжателем рода. После смерти деда культ фравашии деда оставался в семье дочери. Если умирал молодой мужчина, не успевший жениться, его родители выбирали девушку, которую нарекали его женой (в древности это могла быть родная сестра покойного). Когда эти «вдовы» действительно выходили замуж, они имели право родить ребен-

ка, но при условии, что новорожденный будет носить имя покойного¹³⁶.

В вопросе взаимоотношения полов также существовали определенные предписания. Безбрачие и абсолютное целомудрие осуждались. Жизнь мужчины была подчинена долгу продолжения рода. Среди зороастриков случаев проституции не наблюдалось. Хотя положение женщины-зороастрийки в доме было более терпимо, чем положение мусульманки, все же строгая религиозная регламентация ее жизни, изнурительные предписания очищения, отдаление от близких во время болезней или родов причиняли зороастрийской женщине нравственные страдания. Бывали случаи, когда зороастрийки покидали дома и через некоторое время принимали ислам, становясь женами мусульман¹³⁷. Однако не только строгие религиозные предписания являлись причиной ухода (хотя и редкого) зороастриков из дома. Поводом к этому являлось то обстоятельство, что зороастрийские мужчины довольно поздно вступали в брак, а девушки готовили себя в брак с 13—14 лет¹³⁸. Только в 20—30-е годы XX в. в связи с общим улучшением положения зороастрийцев мужчины начали вступать в брак значительно раньше. Мусульмане нередко, однако, похищали зороастрийских девушек, славившихся своей красотой. Так, в 1945 г. мусульманином была похищена и обращена в ислам дочь известного зороастрийского священнослужителя Кермана Хоршида Ошидари¹³⁹.

Этическая сторона зороастризма, когда жизнь рассматривалась как благо, данное благим началом, заставляла зороастрийцев чувствовать ответственность за свое поведение и поведение окружающих, связанных между собой единой религией, общими целями и повседневной жизнедеятельностью. Чувство общности усиливалось во время обязательных ритуалов и обрядов, связанных с культом предков и поминанием душ усопших, верой в воссоединение с ними после смерти. Более того, зороастрийцы всегда считали, что на всех праздниках и торжествах присутствуют души умерших предков, которые радуются вместе с живущими¹⁴⁰. Характерно, что в первую очередь с культом предков связаны вопросы наследства и опекуинства.

Согласно мусульманским законам, наследство передается по старшинству, от родителей к старшему сыну,

как, впрочем, и у индийских парсов. Зороастрийцы Ирана придерживаются в этом вопросе других правил. Значительная доля наследства отдается самому младшему сыну, который дольше всех остается в доме, с родителями. Младший сын наследует дом и сад и одновременно несет ответственность за культ предков и выполнение всех обрядов, связанных с этим культом¹⁴¹. Если младший сын и другие дети принимали мусульманство, они навсегда лишались права на свою долю наследства¹⁴².

Когда по завещанию по каким-либо причинам наследниками становились не дети, а внуки покойного или побочные родственники, опекунский совет, членами которого являлись служители культа и авторитетные представители общины, в письменной форме утверждал желание завещателя и получал за это определенное вознаграждение¹⁴³.

Существовала практика передавать известную долю наследства в собственность наиболее достойным членам общины, другими словами, служителям культа. Так происходило обогащение многих семей зороастрийских священнослужителей. С XVI в. начинается процветание семейства зороастрийского мобеда Йеганеги, проживавшего в селении Навсари неподалеку от Йезда, когда несколько зороастрийских семей преподнесли ему в дар землю, засаженную финиковыми пальмами, которую потом наследовал его сын¹⁴⁴.

Наследство завещателя переходило в руки зороастрийской общины в том случае, когда наследники становились вероотступниками. Тогда доходы с наследства должны были идти на содержание зороастрийских сирот — мальчиков и девочек¹⁴⁵.

Желание зороастрийцев подчеркнуть свою исключительность с точки зрения религии выразилось в том, что на протяжении веков, после принятия значительным большинством населения этой страны ислама, предписания их религии запрещали человеку другого вероисповедания, особенно если это был мусульманин, принять зороастризм. Так, зороастрийские общины Ирана и Индии отказали в этом известному иранскому ученому (ныне покойному) профессору Пур-Давуду, много сделавшему в области изучения зороастризма, хотя он неоднократно пытался принять зороастризм¹⁴⁶. Однако в старину переход в зороастрийскую веру имел место,

особенно в конце III в. н. э., когда главным жрецом иранской державы стал Картир. Он насильно обращал в «праведную веру тех язычников, которые придерживались обрядов и верований, лишь сходных с зороастрийскими»¹⁴⁷.

Хотя зороастрийцы, как правило, считаются веротерпимыми, они проявляли и проявляют нетерпимость к собственным вероотступникам: если те принимали ислам и по прошествии полугода не возвращались обратно, община навсегда вычеркивала их из числа своих единоверцев¹⁴⁸.

Зороастрийские служители культа неоднократно подчеркивали, что случаи перехода зороастрийцев в ислам являются единичными и что их единоверцы не проявляют особого интереса к бракам с представителями других вероисповеданий. Однако принятие зороастрийцами ислама происходило и в последние столетия, особенно в XIX в., что в первую очередь объяснялось тяжелыми политическими, социальными и экономическими условиями жизни.

Глава IV

ЗОРОАСТРИЙСКАЯ ОБЩИНА КЕРМАНА И ЙЕЗДА В СЕРЕДИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

Города Керман и Йезд, их окрестности и прилегающие к ним отдельные селения и местечки издавна являлись центрами проживания иранских зороастрийцев.

Город Керман, расположенный в долине, окружен с востока горной системой Кухебенаи, пролегающей параллельно западному горному массиву Заграсса. Горная система Кухебенаи отделяет керманский бассейн от пустыни Деште-Лут¹. Между хребтами Кухебенаи и Кухеруд лежат долины, в том числе Керманская, орошаемая рекою Шураб и ее притоками².

Недостаточное количество осадков служило серьезным препятствием для развития земледелия и скотоводства в Керманской провинции, которая всегда нуждалась в искусственном орошении. В то же время в период интенсивных дождей вода затопляла керманские селения, разрушала дома.

Зороастрийское население Кермана в XIX в. жило в восточной части города. Фактически зороастрийский квартал представлял своего рода гетто, изолированное от торговой и общественной жизни мусульманской части города. В 1878 г. губернатор Кермана, производивший перепись населения подчиненной ему провинции, насчитал в Кермане 1341 зороастрийскую семью (в каждой семье в среднем было 5—7 человек), при мусульманском населении в 39718 человек. Известный немецкий ученый Х. Шиндлер, побывавший в Кермане в начале XX в., насчитал 1378 зороастрийских семей в самом городе, 120 семей в его окрестностях и 250 семей в селениях Ганатйасан, Джулар и Исмаилабад³.

Юго-восточнее г. Кермана, примерно в 15—20 км от него, находятся селения Ганатйасан, Исмаилабад, Джу-

пар, являющиеся зороастрийскими центрами керманской провинции. В окрестностях этих селений расположены реставрированные храмы огня⁴.

Здесь были довольно плодородные земли и небольшой водопад, стекающий со снежных вершин, который обеспечивал население водой. В этих селениях занимались садоводством, выращивали фруктовые деревья, а также цветы, декоративные и лекарственные растения. Поля засеивались зерновыми — пшеницей и кукурузой. Имелись пастбища для скота⁵.

Так как вода всегда являлась основой земледелия в Иране, сельскохозяйственный год зороастрийцев делился на три сезона, соответствующие так называемым трем водам. Первый сезон воды охватывал период с мая по сентябрь, второй с сентября по май. Между ними был средний сезон — зимний, начинавшийся в декабре и заканчивавшийся в феврале⁶.

Поскольку зороастрийцы постоянно ощущали нехватку воды, они избирали человека, который распределял воду между членами общины. Его называли абйар (или авйар). Он работал за плату и получал свою долю урожая натурой: пшеницей или кукурузой.

Другим зороастрийским центром являлся город Йезд и его окрестности. Несмотря на то что Йезд всегда был отделен пустыней и горами от крупных иранских городов, он никогда не был отрезан от остальной части Ирана.

Мелководные реки, стекающие по скалистым ущельям в предгорную долину Йезда и теряющиеся в солончаках, тем не менее дают жизнь этому оазису, хотя режим горных рек не является постоянным: весной и осенью часто бывают катастрофические паводки.

Так как постоянного снабжения водой йездский оазис не имел, его жители сооружали подземные водохранилища и колодцы, в которых скапливались подземные грунтовые воды.

Несмотря на то что пустыня вплотную подступает к Йезду, зороастрийцы, издавна поселившиеся в этом районе, постоянно боролись с ее нашествием, устраивая заграждения из кустарников и фруктовых деревьев.

Как писал иранский путешественник Али Аскар Мохаджер, «в сущности Йезд — столица пустыни... насыпи, рвы, каналы, груды земли, бугры — все это на

сотни километров вокруг Йезда подорвало власть пустыни: Йезд взял над ней верх... Молчаньем, упорством и трудом многострадальных рук они (иранцы. — Е. Д.) добились господства над Кевиром»⁷.

Согласно иранской традиции, Александр Македонский после завоевания Ирана в IV в. до н. э. использовал г. Йезд как военное поселение и место заточения военнопленных и ссылки своих военачальников⁸. Так, когда один из правителей города Рея, древней столицы Ирана, поднял против Александра Македонского мятеж, он был схвачен и отправлен вместе со своими приближенными и единомышленниками в йездский район, где была заложена по приказу Македонского крепость, получившая наименование «темницы Зулъкарнейна», куда заточили арестованных. После ухода войск Александра Македонского из этого района крепость перестала охраняться, а поселенцы — бывшие узники начали рыть подземные колодцы, занялись земледелием, ткачеством, строительством домов⁹.

Первым европейцем, посетившим г. Йезд в 1272 г., был знаменитый путешественник Марко Поло, который отзывался о нем как о «прекрасном и благородном городе Йезде». Итальянский монах Одорик Порденоне прибыл в Йезд спустя пятьдесят лет после Марко Поло¹⁰.

Европейские путешественники прошлого столетия характеризовали Йезд как одну из самых неприступных крепостей на Востоке. Издавна трехметровые земляные насыпи защищали город не только от нашествия врагов, но и от жгучего раскаленного ветра.

Зороастрийские селения Йездской области делились на четыре территориально-административные зоны, управлявшиеся местными властями небольших городов. Наиболее известными из близлежащих к Йезду селений были Майбод, Тафт, Ардакан, Хасанабад, Шарифабад, Маджра, Калантар¹¹.

Благодаря изнурительному труду многих поколений Йезд превратился в один из красивейших оазисов Ирана. Зороастрийский квартал Йезда и его улицы, как и в других городах и селениях, блистали чистотой¹².

Желая во что бы то ни стало сохранить священный огонь от постоянных набегов мусульман, зороастрийцы пытались укреплять свой дома, превращая их в своего

рода крепости, но это не спасало их от разбоя, поскольку самым уязвимым местом их сооружений оставался открытый двор и низкие куполообразные крыши с вентиляционными отверстиями посредине¹³.

Дома йездских зороастрийцев состояли из двух-четырёх комнат («до пишгам», «чехар пишгам») или залов. За наружной дверью ступеньки вели вниз в коридор, тянувшийся с севера на юг и объединявший комнаты, расположенные на южной или юго-западной стороне дома, с аркой, выходящей в небольшой двор. В доме имелся специальный зал с домашним алтарем, где хранился священный огонь¹⁴.

М. Бойс, ознакомившись с некоторыми зороастрийскими постройками XVI—XIX вв. в Шарифабаде, неподалеку от Йезда, обратила внимание на желание его обитателей сделать свои дома неприступными при нападении. Один из таких домов состоял из двух комнат, в одной из которых находилось небольшое возвышение — алтарь с серебряной или латунной чашей со священным огнем (эта комната называлась «пишгаме мас»). Комнаты в доме расположены на юго-западе; в отличие от мусульман у зороастрийцев жилые помещения никогда не находились на северной стороне¹⁵.

«Пишгаме мас» не являлось жилым помещением и не использовалось в повседневной жизни; в этом помещении постоянно поддерживалась стерильная чистота и пол ежедневно посыпался чистейшей землей. Никто из домохозяев не имел права находиться в этом зале, который служил для исполнения религиозных обрядов и церемоний. В старинных домах зороастрийцев Йездской провинции были толстые стены, три тяжелые двери. В них было всегда темно из-за отсутствия окон; зимой было сыро и холодно, поскольку там не было печек.

Зороастрийцы провинции Йезд занимались в основном земледелием и садоводством. Наиболее процветающим было селение Хасанабад, превратившееся на протяжении столетий из крошечной деревушки в пустыне в изумительной красоты плодородный оазис. Даже в XIX в. оно было окружено земляным валом, с караульными башнями для охраны от вторжения кочевых племен Фарса¹⁶. Планировка этого селения была традиционно иранская. Дом, двор и сад были окружены глу-

хой стеной, выходящей на проезжую часть. Благодаря стараниям зороастрийцев, сумевших наладить и усовершенствовать водоснабжение, в селении было достаточно свежей, пресной воды, питавшей землю. Плодородная почва давала хорошие урожаи. В садах Хасанабада росли тутовые, абрикосовые и гранатовые деревья, жимолость, миртовое дерево, розы. В доме обязательно было специальное помещение с каменным полом, расположенное выше уровня двора, с побеленными стенами, где обычно происходили религиозные церемонии¹⁷.

Поскольку в различных районах Йездской провинции существовали разные климатические условия, это наложило отпечаток на специфику сельского хозяйства селений и деревень. Так, на юго-западе, где имелось довольно много пресной воды и почвы были плодородными, выращивались различные овощи и фрукты. В деревнях, расположенных к северо-востоку от Йезда, было мало пресной воды. Поэтому ее использовали для приготовления пищи и в личных целях, а на полях, орошавшихся солоноватой водой, сеяли зерновые культуры, хлопок, сахарный тростник, красный перец. Другая зороастрийская деревня — Шарифабад остро нуждалась как в пресной, так и в солоноватой воде, которая текла под землей по каналам. В Шарифабаде, как и в других местностях с недостаточным водоснабжением, поля засевали ячменем, пшеницей, турнепсом¹⁸.

В селениях Йездской провинции, находившихся высоко в горах, зороастрийцы сажали миндаль, фундук, тутовые деревья. Здесь также росли тополь, вяз, ива. Население этих мест выращивало и картофель.

Местность под названием Эламабад имела вполне сполное снабжение пресной водой. Однако в начале XX в. мусульмане, проживавшие в деревне в 6 км от Эламабада, соорудили новые подземные каналы, закрыли доступ для воды в каналы зороастрийцев и тем самым лишили Эламабад пресной воды. Поэтому зороастрийцы этой деревни довольствовались только солоноватой водой, а пресную воду в очень небольшом количестве получали от своих единоверцев из селения Эсматабад¹⁹.

Для сельскохозяйственных работ использовались волы, быки и даже коровы. Верблюдов было очень мало. Большая нехватка воды не позволяла зороастрий-

ским землевладельцам вторично засеять поля после жатвы.

Следует иметь в виду, что среди зороастрийцев были и такие, которые совсем не имели земли, а жили только за счет аренды, платя фиксированную ренту зерном за каждый обработанный гектар земли. Фиксированная рента зависела от качества почвы и условий ирригации.

Несмотря на то что у зороастрийцев Йездской и Керманской провинций была одна религия и одни религиозные догмы, в силу разных исторических причин, местонахождения вблизи или в отдалении от мусульман между ними существовали некоторые различия, проявившиеся в разной трактовке одних и тех же религиозных догм, разной религиозной терминологии, а иногда и отдельных обрядов, обычаев.

Хотя дома зороастрийцев Йезда строились в основном так же, как и дома керманских зороастрийцев — из глины, без окон, с куполообразной крышей, в середине которой находилось отверстие для вентиляции²⁰, керманские постройки были низкие, чаще всего частично под землей, что объяснялось близостью пустыни, невероятной жарой, а также указаниями мусульман, запрещавшими строить высокие дома. Двух- или четырехкомнатных домов, типичных для Йезда, в Кермане не было; там число комнат было произвольное, в зависимости от материальных возможностей, количества членов семьи и т. п.

В последней четверти XIX в. зороастрийцы Йезда стали возводить купола над всеми помещениями и двором, что превращало их жилища в сплошное замкнутое пространство. Это удивительно, если учесть, какое значение они придавали воздуху, солнцу и луне²¹.

Храмы, построенные зороастрийцами в Кермане и зороастрийских селениях вокруг него в 60—70-х годах прошлого века, были расположены на главной улице, представляли в плане прямоугольник, имели толстые стены из необожженного кирпича. Строение венчало куполообразное покрытие. С северной стороны храма низкая дверь открывалась в крытую галерею, которая оканчивалась в узком дворике. Рядом находилась длинная, четырехугольная сводчатая комната, где обучались зороастрийские дети. За ней был еще один двор, где находились кухня, амбар и другие помещения. Дверь

с западной стороны комнаты для обучения вела в «гаханбархане», где происходили торжественные религиозные церемонии. Рядом помещался особый зал, где горел священный огонь²².

Зороастрийские священнослужители Йезда во время чтения молитвы всегда поворачивались лицом к солнцу, с какой бы стороны оно ни находилось, в то время как керманские священнослужители во время молитвы всегда стояли, повернувшись лицом к югу. Эти обычаи и сейчас сохраняются во время религиозных церемоний в Кермане и Йезде²³.

Если в Кермане помещение, где находился алтарь со священным огнем, называли гомбад, а иногда и мусульманским термином минбар, то в Йезде подобное помещение называлось гянджатеш. В Йезде связанные с ритуальными церемониями гаханбаров помещения, где хранились специальные съестные припасы и ритуальная утварь, назывались гаханбархане, в то время как в Кермане им давали мусульманское название михраб²⁴.

Несмотря на то что согласно Авесте зороастрийские женщины могли ходить с открытыми лицами, в Кермане зороастрийки, посещая город или попадая в мусульманское селение, всегда закутывались в чадру, опасаясь оскорблений со стороны мусульман, тогда как зороастрийские женщины Йездской провинции вели себя более смело и могли появляться на улице с открытыми лицами²⁵.

В то же время у зороастрийцев Керманской и Йездской провинций было много общего. Зороастрийцы и Кермана и Йезда были прекрасными садоводами. Садоводство для зороастрийцев было не только профессией, но и настоящим искусством. При умелом уходе, в неустанной заботе, их сады давали хотя и небольшой, но хороший урожай, который в основном шел на нужды семьи. В их садах росли тутовые, гранатовые и фисташковые деревья, яблони, финиковые пальмы, лекарственные и декоративные травы, много цветов разных сортов.

Среди зороастрийцев издавна существовало разделение труда между мужчинами и женщинами. Тяжелые сельскохозяйственные работы, связанные с ирригацией, выполнялись мужчинами. Но в некоторых селениях, где были особенно тяжелыми условия обработки почвы, женщины-зороастрийки трудились наравне с мужчина-

ми. Так, за плугом шла женщина, которой помогали дети. Боронование также часто проводилось женщинами. Зороастрийские женщины работали на сенокосе, участвовали в сборе хлопка, жатве зерновых ²⁶.

Местом проживания элитарной прослойки зороастрийцев были не столько города Керман и Йезд, сколько небольшие зороастрийские городки и селения Керманской и Йездской провинций. Многие известные зороастрийцы происходили из селений Ганатйасан, Исманлабад, Джупар Керманской провинции, а также из Хасанабада и других мест Йездской провинции. Эти селения были родиной высшего зороастрийского духовенства.

Всеми делами зороастрийцев ведали зороастрийские общины Кермана и Йезда, возглавлявшиеся представителями духовенства и наиболее авторитетных зороастрийцев (главным образом зажиточных). Так, руководство зороастрийской общины Кермана уже более ста лет находится в руках членов семьи Сорушьянов ²⁷. Все спорные вопросы общины, касающиеся жилья, земли, воды, решали руководители общества зороастрийцев Кермана и Йезда. Эти общества и их руководство несли ответственность за храмы огня и религиозные школы, в которых обучались будущие служители культа — мобеда и дастуры.

Традиционное образование являлось монополией элиты зороастрийских священнослужителей, их детей и внуков, в то время как рядовые члены общины были поголовно неграмотными. Накопленные знания зороастрийское духовенство передавало своим потомкам, которые, в свою очередь, становились мобедами и дастурами. При обучении сохранялись особые, традиционные дисциплины: заучивание наизусть текстов Авесты, знакомство с основами языка пехлеви, астрономией, геометрией, арабским языком. Основательно обучались и персидскому языку. Несмотря на то что образование было доступно единицам, бывали случаи, когда мобеда набирали себе учеников из числа наиболее одаренных подростков, не принадлежавших к роду священнослужителей.

Однако, когда в середине XIX в. прибывший в Иран индийский парс М. Хатариа пытался направить иранских подростков на учебу в Бомбей, зороастрийские

Служители культа решительно воспротивились этому, считая подобные действия нарушением их незыблемой традиционной монополии на образование²⁸. Рядовые зороастрийцы в тот период считали более надежным обучать своих детей торговле и ремеслу. Тем не менее после посещения Ирана М. Хатариа, несмотря на оппозицию духовенства, некоторые зороастрийцы начали отправлять своих детей в Индию, в Бомбей для получения образования, чему способствовало усиление интенсивных связей между зороастрийцами Ирана и парсами Индии.

Выше нами подробно говорилось о зороастрийцах Ирана, бежавших в Индию и поселившихся в индийском штате Гуджерат, которых стали называть парсами. Со временем они забыли свой родной язык, но, не испытывая притеснений со стороны индийских правителей, сохранили древнюю религию и обычаи, носили бедую одежду, а служители культа надевали на голову тюрбаны белого цвета. Женщины и мужчины носили традиционные блузы, рубахи и пояса кушти²⁹. И внешне парсы Индии перестали походить на своих сородичей в Иране. Женщины-парсиянки не закрывали своих лиц и могли свободно появляться на людях³⁰.

Не подвергаясь преследованию со стороны коренного населения Индии и используя ряд благоприятных обстоятельств, парсы при покровительстве Англии начали заниматься торговлей и ростовщичеством; в XVIII в. они стали посредниками в торговле Индии с Англией и Китаем, которые наводнили Индию своими товарами³¹.

Образовав сильную и влиятельную общину, индийские парсы постепенно утрачивали связь с зороастрийцами Ирана (см. гл. II). В 1536 г. два иранских зороастрийца, Кавус и Асфад, посетили селение индийских парсов в Навсари и написали об этом поэму, копия которой хранится в Бомбее³².

Во второй половине XVII в. индийские парсы получили кое-какие сведения о своих единоверцах в Иране от жителя Кермана зороастрийца Сиявуша Диньяра, который приезжал в Бомбей. В конце XVII в. несколько зороастрийских семей Ирана по инициативе известного иранского зороастрийца Х. Кайхосрова Одиара переселились в Бомбей, и парская община Гуджерата собралась

им деньги, чтобы они могли обосноваться в Индии³³. От них индийские парсы узнали о тяжелом положении своих единоверцев в Иране.

В 1720 г. зороастрийский мобед из Йезда Джамасп Велайати прибыл к индийским парсам. Познакомившись с парсийским календарем, он убедился, что календарь отставал от зороастрийского на целый месяц. В 1794 г. после нашествия Ага-Мохаммед-хана Каджара и взятия им Кермана контакты между парсами Индии и зороастрийцами Ирана были прерваны.

Во второй половине XIX в. индийские парсы, получившие образование в Западной Европе и начавшие изучать свою религию в философском аспекте у таких общепризнанных западных ученых, как Т. Хауг, Ж. Опперт, Ф. Шпигель и др., по возвращении в Бомбей изъявили желание организовать в 1852 г. Ассоциацию парсов по изучению зороастризма и возрождению этой религии в ее первоизданной чистоте. Истинным энтузиастом научного изучения зороастризма в Индии был Хоршид Рустам Кама, именем которого был впоследствии назван институт ориенталистики Индии³⁴.

Тогда же в Бомбее на основе добровольных пожертвований было образовано «Общество помощи нуждающимся зороастрийцам Персии», председателем которого стал индийский парс Манекджи Лимиджи Хатерджи Хушанг Хатариа, впоследствии обосновавшийся в Иране, принимавший деятельное участие в судьбе зороастрийцев Йезда, Кермана, Исфохана и других иранских городов и стремившийся облегчить их положение³⁵.

Судьба этого человека представляет определенный интерес. Его причисляют к знатокам зороастрийского богословско-религиозного мировоззрения. Он опубликовал работы и статьи о зороастрийской общине Ирана середины — последней четверти XIX в. В то же время его считают верным слугой Англии, посредником в деловых контактах между зороастрийскими купцами Ирана и представителями английского торгового капитала.

Хотя Хатариа родился и жил в Индии, он в юности интересовался древней историей Ирана и судьбой своих единоверцев в этой стране. Впервые он попытался попасть в Иран в 30-х годах XIX в. через Белуджистан, но вынужден был вернуться, так как подвергся

нападению со стороны кочевых племен. Тогда он предпринял вторую попытку — через Систан, но и здесь его постигла неудача из-за осады Герата иранскими войсками³⁶.

В 1848 г. после воцарения в Иране Насер-эд-Диншаха в Индию прибыл иранский посол Мирза Хосейн-хан, которому был представлен Хатариа. Мирза Хосейн-хан дал Хатариа письмо, гарантировавшее безопасность его проезда в Иран. В 1854 г. Хатариа начал готовиться к отъезду, предварительно отправив в порт Бушир на Персидском заливе свои товары³⁷.

Правление «Общества помощи нуждающимся зороастрийцам Персии» приняло решение сделать Хатариа своим уполномоченным в Иране, снабдив его рекомендательными письмами, а также некоторой суммой денег для организации школ и восстановления разрушенных храмов зороастрийцев.

Следует, однако, иметь в виду, что поездка Хатариа не носила чисто благотворительного характера, как это может показаться на первый взгляд. Индия в то время была колонией Англии, и парсы являлись крупными компрадорами и посредниками в англо-индийской торговле. Можно предположить, что английские власти были заинтересованы в поездке Хатариа в Иран, так как хотели с помощью индийских парсов проникнуть на внутренний рынок Ирана. Сам Хатариа был подданным Великобритании и ее агентом в Иране и в случае необходимости имел право обратиться в английскую миссию в Иране³⁸.

Прибыв в 1854 г. в Керман, Хатариа произвел перепись членов зороастрийской общины, насчитывавшей 932 семейства³⁹. Его деятельность по восстановлению разрушенных храмов огня и мест поклонения огню была встречена благожелательно со стороны иранских зороастрийских священнослужителей и рядовых членов общины. Так, в 1857—1858 гг. были восстановлены храмы огня «Даримехр магалеёе шахр» в Йезде и Кермане. В память о благотворительной деятельности Хатариа на пьедестале священного огня в храме зороастрийцы сделали благодарственную надпись. В ней говорилось, что храм зороастрийской общины в Кермане построен на средства парсов Индии. Указывалось также на те громадные усилия, которые приложил Хатариа

для восстановления храма. В надписи отмечалось также; что данное сооружение должно быть использовано как самое чистое место для свершения молитв и воздаяния хвалы богу, как место обучения зороастрийских детей и, наконец, как место вручения даров самым уважаемым зороастрийским священнослужителям и членам общины. Здесь происходили культовые церемонии, свадьбы, праздники, встречи и собрания выборного комитета по управлению делами зороастрийской общины Йезда, Кермана и деревень, жители которых также были зороастрийцами⁴⁰.

Русский востоковед А. Г. Туманский в письме к акад. В. Р. Розену от 28 февраля 1892 г. писал о Хатерджи Хатариа, что он «свою деятельность посвятил обеспечению положения своих единоверцев в Персии... успел выхлопотать у персидского правительства право взимать самому джизий, т. е. излишек, который до той поры попадал в карман посредников, Хатариа обратил в фонд, на проценты с которого он устроил зороастрийские школы. Все это, конечно, не могло быть иначе как с помощью английского правительства, подданным которого он был»⁴¹.

Пытаясь сблизить зороастрийцев Йезда и Кермана, Хатариа создал нечто вроде общего правления («панчаят») ⁴². Он собрал интересные данные о зороастрийцах Керманской и Йездской провинций. Из всех зороастрийцев этих провинций только 200 человек были способны платить джизью, 400 человек платили джизью с большим трудом, а остальные испытывали огромные трудности и были не в состоянии уплачивать указанный налог ⁴³. Очень бедных зороастрийцев Йездской провинции Хатариа насчитал 663 человека, из которых 400 жили в очень плохих условиях, а 223 буквально умирали с голоду ⁴⁴. Он же подсчитал, что для Йездской провинции из бюджета зороастрийской общины надо внести по крайней мере 60 туманов для организации школ в Йезде и селении Ганатйасане ⁴⁵.

Если привилегированные слои зороастрийской общины Кермана и Йезда интересовались политическими событиями, происходившими в Иране в конце XIX — начале XX в., то рядовая масса зороастрийских бедняков проявляла к ним полное безразличие. Это объяснялось не только тяжелыми условиями жизни, угнетением, но

и территориальной изолированностью и полной оторванностью от столицы — Тегерана, являвшегося центром политической и экономической жизни страны.

В 60-х годах XIX в., после отмены шахского фирмана, запрещавшего зороастрийцам выезд за пределы Ирана, некоторые семьи, в том числе представители шарифабадской семьи Кай Хосрова Йедгара, время от времени выезжали в Бомбей по торговым и финансовым делам и сумели разбогатеть и нажить состояние⁴⁶.

Хотя зороастрийское духовенство противилось отправке зороастрийских подростков для обучения в Индию, некоторые семьи сумели отправить своих детей в Бомбей для получения образования. В то же время по распоряжению шаха Ирана в Йездской и Керманской провинциях были открыты две светские школы для зороастрийцев.

Общение зороастрийцев Йезда и Кермана с индийскими парсами привело к активизации наиболее предприимчивых зороастрийцев, занявшихся торговлей и ростовщичеством, хотя нелишне будет отметить, что постоянные запреты самого разного свойства, притеснения и грабежи привили одним из них пассивность и покорность, а другим приспособляемость и предприимчивость.

Разбогатевшие на торговле с парсами Индии зороастрийские компрадоры начали строить дома по мусульманскому образцу, с большим открытым двором, фонтаном и садом. И только один зал дома, где находился алтарь со священным огнем, был выдержан в традиционном стиле.

В конце XIX в. в селении Носратабад к северу от Йезда встречались дома с большими открытыми дворами. Прилегающие к ним улицы были обсажены деревьями, хотя дорога к селению была очень узкой и неудобной для езды. Селение Носратабад находилось в относительно благоприятных климатических условиях, однако его жители постоянно страдали от соседства с мусульманскими районами Йезда, подвергаясь частым набегам иранских луги (городских низов). В начале XX в. многие зороастрийцы Носратабада переселились в более современные зороастрийские селения Хасанабад и Торкабад⁴⁷.

Только дома зороастрийских священнослужителей

Йезда продолжали оставаться традиционными, хотя и в них постепенно происходили перемены. Известный в Йезде дом зороастрийского дастура Намдара, переданный в наследство другому дастуру — Шахрияру, получившему образование в Бомбее, был выстроен по традиционному плану: восьмиугольное помещение с четырьмя комнатами, одним входом и главной дверью, коридором (передней), где у стены находилась каменная скамья — наиболее прохладное место летом. Просторная передняя одновременно служила амбаром для запасов зерна и продуктов; здесь же разгружали вьючных животных. В конце коридора находилась дверь, которая вела в небольшой дворик, где было очень небольшое, низкое строение, очевидно предназначенное для женщин⁴⁸.

В конце XIX — начале XX в. начинается переселение наиболее обеспеченных семей в Тегеран и бедных зороастрийцев в другие города в поисках заработка. Там их искусство садоводов ценилось очень высоко. Богатые иранцы-мусульмане, несмотря на разное вероисповедание, охотно нанимали зороастрийцев садовниками для ухода за фруктовыми деревьями и цветами. К услугам садовников-зороастрийцев весной прибегало и английское посольство в Тегеране, в котором ежегодно работало в качестве садовников около 200 человек. Отработав весенне-летний сезон в городах, зороастрийцы к осени возвращались домой, в свои деревни, а на смену им приезжали другие⁴⁹.

Наиболее предприимчивая часть зороастрийцев прибегала к различным ухищрениям, чтобы обойти запреты правительства для немусульман. Понимая свое неустойчивое положение, они должны были постоянно демонстрировать всему населению страны, что являются людьми долга, необыкновенно честными и порядочными. Некоторые из них сумели обогатиться за счет ростовщических операций. К их числу принадлежала семья Джамшида Джамшидияна, известного зороастрийца Йезда.

Накопив довольно значительный капитал, члены семьи Джамшидияна переселились в столицу и приобрели в ее окрестностях 20 поместий. Джамшид Джамшидиян основал торговый дом, впоследствии преобразованный в частный банк, пускавший в оборот капиталы, предоставляемые ему членами зороастрийской

общины и отдельными лицами. Филиалы банка Дж. Джамшидияна были открыты в Йезде, Кермане, Ширазе, а также в Бомбее, Калькутте, Багдаде⁵⁰.

Принимая к оплате самые безнадежные векселя, подписанные министрами и высшими чиновниками правительства каджарской династии, и беря под залог преимущественно земли, Дж. Джамшидиян как бы оказывал услугу высокопоставленным вкладчикам. Поэтому иранцы-мусульмане более охотно вели денежные расчеты и дела с банком Дж. Джамшидияна, чем с английским или русским банками.

Банк давал деньги под залог земельных владений и брал проценты в зависимости от платежеспособности вкладчика и других обстоятельств. Обычно банк взимал 12% годовых, в то время как русский учетно-ссудный банк — только 4%⁵¹.

Жажда наживы и страсть к обогащению толкнула Дж. Джамшидияна на необдуманный поступок и привела в конечном счете банк и его основателя к краху и банкротству.

В начале XX в., желая расширить свое дело, Джамшидиян занял 1 млн. туманов у бомбейских парсов, которые одобрительно относились к его деятельности, так как парсы в Индии не могли рассчитывать больше чем на 6% дохода со своего капитала. Затем Джамшидиян обратился к русскому банку, который также одолжил ему довольно значительную сумму. Раздавая деньги направо и налево своим клиентам — крупным феодалам, вельможам, аристократам, Джамшидиян по-прежнему брал под залог их земли, которые хотя и представляли огромное богатство, но в тот период не могли быть реализованы, а должники не могли уплатить свой долг банку деньгами. Русский банк наложил арест на земли Джамшидияна. Рассчитывая на помощь богатых единоверцев Бомбея, Джамшидиян обратился к ним с просьбой поддержать и выручить его, однако получил решительный отказ⁵².

Репутации Джамшидияна был нанесен большой урон, что сказалось и на других зороастрийцах и было использовано мусульманским духовенством против них.

Существует версия, согласно которой в крахе банка Джамшидияна был виновен английский шахиншахский банк. Чтобы имущество семьи Джамшидияна не пошло

в руки англичан, иранское правительство, выплатив долг английскому шахиншахскому банку, приобрело этот банк. Дж. Джемшидиан был назначен заместителем управляющего этого банка⁵³.

Другие зороастрийцы, братья Джахан, также основали банк, связанный с торговлей и сельским хозяйством. Этот банк развил бурную деятельность и стал конкурентом шахиншахского банка, который совместно с учетно-ссудным банком прекратил субсидировать его, что привело к банкротству банка⁵⁴.

В начале XX в. большая часть торговли городов Йезда и Кермана была сосредоточена в руках купцов-зороастрийцев — торговых домов «Ростам Кайхосров и сыновья» и «Хосров-шах Джахан и братья», сумевших установить торговые связи с одесскими купцами. Они торговали коврами, кашемировыми шальями и платками, хной, смолой, фисташками и другими товарами⁵⁵.

Хотя компрадоры-зороастрийцы, получившие образование в Бомбее, как и иранские либерально-буржуазные элементы, враждебно относились к абсолютистскому режиму и жаждали политических перемен, они и все сочувствующие конституционному движению зороастрийцы активного участия в буржуазной революции 1905—1911 гг. не принимали⁵⁶. Но были и исключения. К ним относились уже упоминавшиеся братья Джахан. Зороастрийцы, которые в основном жили на юге и юго-востоке страны, не были осведомлены о событиях, происходивших в Тегеране и других крупных городах Ирана.

Во время выступлений мусульманского населения в знак протеста против репрессий, предпринятых Мохаммед-шахом Каджаром по отношению к участникам иранской буржуазной революции, там не было ни одного зороастрийца.

Есть сведения, что богатые зороастрийцы, проживавшие в Тегеране, передали в 1906 г. лидерам первого меджлиса 3 тыс. туманов для того, чтобы депутаты иранского парламента не препятствовали зороастрийским купцам заключать выгодные для них торговые сделки. Кроме того, они добились права избирать в меджлис своего представителя из числа наиболее авторитетных и известных членов зороастрийской общины. Первыми депутатами-зороастрийцами в меджлисе в 1906 и

1911 г. стали Джамшид Джамшидиян и Кайхосров Шахрох.

Среди прогрессивных для своего времени зороастрийцев были представители семьи мобеда Бехруза — одного из лидеров зороастрийской общины Кермана, которого мусульмане в знак уважения называли муллою. Прадед Бехруза, Гиштасп Бахман, славился не только знанием Авесты, но был знаменитым математиком и астрономом, принятым при дворе Лютф Али-хана Зенда, а затем и Ага-Мохаммеда Каджара, что помогло ему и его семье выжить во время кровавой резни в Кермане, когда погибли многие зороастрийцы⁵⁷.

Гиштасп Бехруз сумел передать свои знания старшему сыну Искандеру, ставшему известным математиком. Внук Г. Бехруза проявил незаурядные способности в области изучения пехлевийского и арабского языков и получил традиционное зороастрийское образование. Другой внук Бехруза — Шахрох прославился своими знаниями в области зороастрийской теологии. Он преподавал в школе, основанной Хатариа, а его сын Кайхосров учился в этой школе по программе, составленной Хатариа⁵⁸.

Вообще говоря, семья Бехруза была примечательна тем, что, несмотря на противодействие большинства служителей зороастрийского культа, она поддерживала светские традиции образования, стремясь приобщить к нему, насколько это было возможно и доступно, рядовых членов своей общины, ища и находя способных и одаренных детей и подростков⁵⁹.

О некотором изменении положения зороастрийцев во время иранской буржуазной революции свидетельствует тот факт, что, когда в 1907 г. один зороастрийский купец был убит мусульманином, представитель высшего шиитского духовенства в Тегеране аятолла Сейид Мохаммед Бехбехани впервые в истории Ирана послал телеграмму зороастрийскому мобеду Йезда с выражением соболезнования и с сообщением о принятии мер по наказанию убийцы. Этот факт говорил о некоторой перемене в отношении шиитского духовенства к зороастрийскому религиозному меньшинству⁶⁰.

Глава V

ЗОРОАСТРИЙЦЫ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Во время правления в Иране Реза-шаха Пехлеви (1925—1941) при осуществлении светских реформ в 20—30-е годы и для подрыва влияния шиитского духовенства шах использовал в качестве союзника зороастрийское религиозное меньшинство.

В иранских газетах и журналах периодически публиковались хвалебные статьи о зороастризме, печатались книги, авторы которых прославляли события древней истории, эпохи Сасанидов и называли зороастризм «гениальной» религиозно-философской системой взглядов¹.

Во время коронации Реза-шаха, которая была отпразднована с пышностью, в Иране распространялась литография с портретом шаха, фигурками пророка Зороастра, Дария и Куроша (Кира) — шахов Ахеменидской династии. При этом на литографиях не было пророка Мухаммеда или какой-либо другой мусульманской символики².

На литературном факультете Тегеранского университета с 1934 г. было введено преподавание Авесты и изучение зороастрийской философии и этики, текстов на языках пехлеви и дари. Молодые иранцы начали проявлять интерес к изучению своей древней истории и памятникам материальной культуры, а также к древним иранским языкам.

Мода на зороастризм захлестнула как элиту общества, так и иранскую интеллигенцию. Некоторые тегеранские аристократы, известные политические и общественные деятели — мусульмане обучали своих детей в зороастрийских школах «Фируз Бахрам» (для мальчиков) и «Ануширван Дадгар» (для девочек). Как-то одна из дочерей Реза-шаха, выступая перед журнали-

стами, дала положительную оценку обучению в зороастрийских школах. Этого оказалось достаточно для того, чтобы сложилась официальная точка зрения, будто в зороастрийских школах подросткам прививают прочные нравственные основы³.

Государственные здания в Иране часто украшались зороастрийской эмблемой — изображением крылатого божества ахеменидского времени. Большинство зарубежных ученых и некоторые советские исследователи считают крылатое божество символическим изображением самого бога Ахура-Мазды. Между тем современные зороастрийские священнослужители резко возражают против подобной точки зрения, считая ее глубоко ошибочной, поскольку она противоречит существу зороастрийской религии и ее канонам, которые никогда не представляли своего бога в каком-либо облике. Крылатое божество, как они полагают, олицетворяло божественную славу, летящую над головой Дария.

В годы правления Реза-шаха был официально введен солнечный календарь. Зороастрийцам было разрешено открыто праздновать Новый год согласно древним традициям. Во время этого празднования возрастала активность зороастрийского духовенства; по радио передавались беседы, знакомящие слушателей с древнейшей историей Ирана.

Закон, принятый в конце 20-х годов, уравнивал в правах зороастрийцев и мусульман: преследование зороастрийцев, покушение на их жизнь наказывалось.

В 40-е годы XX в. зороастрийская община в Иране насчитывала примерно 8—10 тыс. человек⁴. Зороастрийцы поддерживали Реза-шаха в его внутренней политике, что также являлось одной из важных причин положительного отношения династии Пехлеви к зороастрийцам.

В связи с усилением миграции зороастрийцев в крупные города Ирана, что объяснялось некоторыми социально-политическими сдвигами, законами, несколько облегчавшими положение зороастрийцев, число их, проживавших в Керманском районе, сократилось. Алтари огня из зороастрийских селений и деревень были перевезены в Керман и помещены в городском храме, построенном в 1923 г. и переделанном в 1935 г. по образцу храмов индийских парсов. Керманский зороаст-

рийский храм, сохранившийся и до наших дней, существует за счет благотворительности⁵. Дома уехавших зороастрийцев покупались мусульманами, которые становились близкими соседями зороастрийцев. И хотя здесь оставались зороастрийские храмы, больницы, школы, бани, но напротив них на главной площади сооружались мечети или же древние зороастрийские храмы перестраивались в мечети, и таким образом эти районы становились районами со смешанным религиозным населением.

Согласно закону, изданному в начале 30-х годов, в Кермане стены цитадели старого города были снесены, квартал зороастрийцев расширился в сторону севера и северо-запада, а мусульмане Кермана стали проявлять терпимость в отношении своих соседей зороастрийцев. Некоторые цеховые гильдии включали людей одной профессии независимо от их вероисповедания. Поэтому в состав цеховых гильдий входили шииты, зороастрийцы, христиане и представители других религий. Для разных гильдий, производивших ткани, ковры, предметы декоративного искусства и торговавших ими, отводилось специальное место на базаре⁶. Поэтому нередко члены одних и тех же религиозных общин торговали в разных частях базара⁷.

Процесс миграции из Кермана и Йезда в Тегеран, Исфахан и другие большие города Ирана, наблюдавшийся в конце 20—30-х годов XX в., особенно коснулся зороастрийской молодежи, не хотевшей жить в изоляции в рамках своей общины и стремившейся получить светское среднее образование, а после открытия в 1934 г. Тегеранского университета и высшее образование, чтобы в дальнейшем принимать деятельное участие в общественной жизни страны.

Оставшиеся в Керманской и Йездской провинциях зороастрийские семьи были потомками известных в прошлом зороастрийских служителей культа, занимали хорошие должности на гражданской службе и имели некоторый достаток. В указанных городах и в некоторых сельских местностях Керманской и Йездской провинций оставались и фанатично верующие зороастрийцы, которые не хотели менять свой образ жизни, а также бедняки.

Зороастрийские семьи, покидавшие насиженные ме-

ста, прилагали большие усилия, чтобы обосноваться в столице или в Исфахане, что объяснялось не только возможностями устроиться на работу, но и тем, что в больших городах кроме персов-шиитов жили представители других религиозных меньшинств, не подвергавшиеся массовому преследованию за веру.

В 20—30-е годы заметно укрепились связи между иранскими зороастрийцами и парсами Индии; чему способствовало иранское правительство, заинтересованное в интенсивной торговле иранских зороастрийских купцов с богатой бомбейской общиной парсов, в притоке парсо-индийских капиталов в Иран, постоянном получении пожертвований и денежных средств от индийских парсов на строительство больниц, школ, библиотек в Тегеране, Исфахане, Ширазе, Кермане и Йезде. Однако посылаемые суммы не всегда использовались по их прямому назначению.

Представитель общины индийских парсов Ардеширджи Эджилджи, проживший в Иране около 40 лет (до 1933 г.), был одним из известных деятелей разветвленной и популярной благотворительной организации «Лига Ирана», образованной в Бомбее в 1922 г. и обладавшей значительным денежным фондом. «Лига Ирана» возглавлялась Харманджи С. Диншавом, Коваджи Джехангиром, Рустамом Мазани, Диншахом Ирани и обладала большими возможностями⁸. Однако подлинными попечителями «Лиги» стали крупнейшие монополисты Индии — семья Тата. Духовный и финансовый глава индийских парсов Джахангир Тата был посредником в торговле с Англией и Китаем⁹. Его сын Дж. Н. Тата после смерти отца основал в 1868 г. торговый дом «Тата и К^о» с капиталом в 2 тыс ф. ст., разбогатев на поставках товаров Англии во время ее войны с Эфиопией, и построил в Индии прядильно-ткацкую фабрику. Позднее Тата открыл отель. В 1892 г. совместно с индийскими купцами семья Тата основала благотворительный фонд для поощрения развития высшего образования¹⁰.

Члены «Лиги» неоднократно публично выступали с выражением симпатий иранскому правительству, обращая особое внимание на стимулирование торговых отношений Индии с Ираном, установление и укрепление деловых контактов бизнесменов-парсов с коммерсанта-

ми-зороастрийцами Ирана и оказание материальной помощи наиболее нуждавшимся зороастрийцам. «Лига» считала необходимым организацию взаимных поездок парсов и зороастрийцев и расширение личных контактов, в том числе поощрение браков между единоверцами Индии и Ирана, хотя зороастрийские священнослужители Ирана относились к бракам между зороастрийцами Ирана и парсами весьма настороженно.

Издаваемый с 1928 г. ежемесячный бюллетень «Иран Лиг» помещал статьи и очерки о древней цивилизации и религии Ирана, стремился привить интерес парсам Индии и зороастрийцам Ирана к древним зороастрийским традициям и обычаям¹¹.

В журнале приводились подробные сведения и данные о жизни и деятельности выдающихся парсов — ученых, политических деятелей, служителей культа. Прославлялись преимущественно индийские парсы-бизнесмены, обладавшие значительными капиталами и жертвовавшие большие средства на нужды «Лиги». Среди тех, кого чаще всего упоминал журнал, была семья Тата. Журнал информировал своих читателей о всех конференциях и симпозиумах по изучению истории древнего Ирана.

В каждом номере журнала публиковались данные о денежном фонде «Лиги» с указанием имен парсов и сумм, вносившихся ими на благотворительные цели. В 1934 г., во время празднования в Иране 1000-летия великого иранского поэта Фирдоуси, «Лига» презентовала иранскому государству статую поэта, которая позднее была установлена на одной из главных площадей столицы¹².

В свою очередь, «Общество зороастрийцев» в Тегеране содействовало активной деятельности эмисаров «Лиги» в Иране, заинтересованное главным образом в получении материальной помощи.

Официальная кампания борьбы за уравнивание в правах зороастрийцев с мусульманами, за их активное участие в общественной жизни страны носила в основном пропагандистский характер. Она свелась к тому, что в Иране запретили называть зороастрийцев оскорбительной для них кличкой «гебр», стали именовать их парсами, что говорило о том, что их прародиной была провинция Фарс (Парс), на территории которой в прошлом

существовали древние иранские империи Ахеменидов и Сасанидов¹³. Как писал А. А. Хикмат, бывший министр просвещения Ирана, зороастрийцев стали принимать на государственную службу, кадровыми офицерами в армию, в государственные учреждения, в Тегеранский университет, пединститут и т. д.¹⁴. Следует, однако, иметь в виду, что в этих случаях речь шла о наиболее состоятельных и преуспевающих семьях зороастрийцев или об очень немногих из тех, кто сумел вырваться из нищеты и получить образование. Так, эмиссар «Лиги», посетивший Иран, нашел единоверцев «в жалком положении». Он информировал, в частности, председателя «Лиги» о том, что зороастрийские женщины и девочки сплошь неграмотны, заняты непосильной работой на фабриках, в психиатрических больницах или «сбиваются с пути»¹⁵. Эмиссар «Лиги», как и члены руководства иранского «Общества зороастрийцев» обращались к индийским парсам с просьбой оказать помощь в открытии для зороастрийских женщин хонарестана (профессионального училища)¹⁶.

Инициативу в этом проявила семья Д. Р. Тата, предоставившая деньги на строительство профессионального училища в память о зороастрийском мобеде Қайхосрове Шахрохе¹⁷. Однако этих средств оказалось недостаточно для приобретения швейных, вязальных и вышивальных машин. Нужны были дополнительные, значительные для того времени, средства в размере 1 млн. риалов. «Лига» сумела собрать только 30 878 риалов¹⁸.

Пропаганда доисламской цивилизации, культуры и религии и предоставление некоторых льгот зороастрийцам было встречено шиитским духовенством весьма сдержанно. Их беспокойство вызывала мода на зороастризм, увеличивающаяся тяга молодежи к изучению древней цивилизации Ирана и зороастрийской религии. Опасаясь, однако, ухудшить отношения с Реза-шахом, которые и так были очень напряженными, верхушка шиитского духовенства была вынуждена в конце 30-х годов издать специальную фетву, в которой объявлялось, что зороастрийцы находятся под защитой ислама и мусульмане должны уважать их жизнь, имущество и права. Тем не менее, несмотря на шахский указ и эту фетву, имели место убийства зороастрийцев, в том числе Қайхосрова Шахроха.

В 20—40-е годы в Тегеране, Исфахане, Ширазе, Йезде, Кермане, Захедане и Ахвазе функционировали зороастрийские общества, хотя практически они не могли оказать существенной помощи несостоятельным зороастрийцам.

В начале второй мировой войны, когда в Иране пришел к власти новый монарх, сын Реза-шаха, Мохаммед-Реза Пехлеви, положение зороастрийцев несколько ухудшилось. Однако в середине 60-х годов он, как и его отец, начинает проявлять интерес к этому религиозному меньшинству.

До свержения Мохаммед-Реза-шаха в феврале 1979 г. в результате мощного антимонархического, антиимпериалистического движения шах в своей самодержавной политике искал опору среди религиозных меньшинств, привлекая на свою сторону зороастрийцев, многие из которых являлись крупными банкирами, бизнесменами и предпринимателями, членами меджлиса и ответственными сотрудниками в государственных учреждениях. Некоторые зороастрийцы получили высшие чины в армии. Бывший шах Мохаммед-Реза Пехлеви в своей официальной доктрине делал упор на возвеличивание древнейшей иранской цивилизации и культурных традиций, арийского духа, пророка Зороастра и его заповедей, связывая все это с неизбежностью монархического правопорядка. В действительности принципы шахской идеологии означали стремление официальных теоретиков создать некий механический сплав, соединив традиционную иранскую культуру с современной западной технологией. При этом подчеркивалось, что «влияние древней иранской цивилизации и культуры и доисламских традиций на Иран не менее значительно, чем влияние ислама»¹⁹.

Бывший шах покровительствовал представителям крупной зороастрийской буржуазии, зороастрийским предпринимателям и промышленникам, вкладывавшим свои капиталы в развитие иранской экономики, а также известным деятелям зороастрийской интеллигенции, занимавшимся благотворительностью. К ним относились семья Йеганеги, доктор Ошидари, инженер Рустам Ходабахш, служитель культа Азер Гишасп и многие другие.

Поскольку все зороастрийские общества существова-

ли за счет благотворительных средств и пожертвований частных лиц, именно от этих лиц зависело их функционирование. Дочь Кайхосрова Шахроха и жена Джамшида Йеганеги — Ференгис Йеганеги после смерти отца и мужа, следуя традиции своей семьи и являясь активным членом зороастрийской общины, выступила инициатором организации в 1950 г. «Общества зороастрийских женщин» (ОЗЖ) в Иране. Общество имело свой дом, который купила в 1952 г. богатая зороастрийка, пожертвовав на это часть своего капитала. Здесь собирались зороастрийские женщины. «Общество зороастрийских женщин» имело свою программу и устав, входило в состав Высшего совета женщин Ирана и было связано с ЮНЕСКО и международными женскими организациями. Секретарем общества была Ференгис Йеганеги.

ОЗЖ собиралось раз в месяц. На его заседаниях в основном рассматривались религиозные вопросы. В них участвовали известные мобеда и дастуры, видные теоретики и практики зороастризма. К их числу относились Ардешир Азер Гишасп, Рустам Шахзаде, Фарханг Мехр и др.²⁰:

Поскольку большинство современных зороастрийцев, особенно молодежь, которая жила в больших городах, не было знакомо со многими древними обрядами, праздниками и религиозными, ритуальными церемониями, все заседания общества превращались в острые дискуссии. Так, на одном из заседаний обсуждался вопрос о том, что считать главным — поклонение огню и сам огонь или свет, который он излучает. Одна из сторон, которая считала первоосновой огонь, приводила в качестве аргумента следующий довод: огонь — основа основ, а свет является производным огня. Другая сторона, не согласная с этой точкой зрения, считала, что главным является свет, который дает огонь. В подтверждение своих умозаключений говорили о свете или добре, об отблесках пламени огня, очищающего все живущее от нечисти²¹.

Вскоре споры разгорелись и вокруг возобновленных в 60-х годах празднованиях гаханбаров, которые, как пояснил мобед Гишасп, должны были отмечаться, если следовать указаниям, приводившимся в Авесте, шесть раз в году²². Дискуссии и споры показали, насколько

иранская зороастрийская молодежь была далека от обрядов своих предков и незнакома со многими обычаями и традициями зороастрийской веры. Особенно это касалось городской молодежи, хотя часть ее и проявляла интерес к истории и обычаям, существовавшим с древности.

Придавая большое значение пропаганде зороастризма среди молодежи, руководство «Общества зороастрийцев» приглашало на свои заседания авторитетных служителей культа и теологов, которые отвечали на все поставленные вопросы²³. Так, они подтвердили, что в основе зороастрийской религии лежит культ огня, а свет — явление вторичное, производное от огня. В Авесте сказано, что священный огонь в алтарях готовится специально. Он регулярно очищается и обновляется, в соответствии с великой философией этой религии, что связано с особыми зороастрийскими ритуалами.

ОЗЖ патронировалось «Обществом зороастрийцев Тегерана». Оно имело полуофициальный статус, поскольку было организацией филантропической. Оно имело свой устав, председателя, который избирался общим собранием, директорат, секретариат и инспектора, ведавшего финансами.

Чтобы популяризировать зороастризм и древнейшую цивилизацию Ирана, «Общество зороастрийцев» начиная с 1963 г. стало издавать журнал «Анджомане фарханге Иране бастан». Редакция журнала состояла преимущественно из людей, получивших образование в Бомбее или на Западе. Это были ученые и профессора, занимавшиеся древней культурой и историей Ирана эпохи Ахеменидов и Сасанидов и читавшие лекции в Тегеранском университете. На страницах журнала они старались знакомить зороастрийцев, живших во многих городах страны, с древней культурой и обычаями их предков²⁴.

Поскольку значительную часть финансового фонда «Общества» составляли средства, которые вносил Эсфандияр Йеганеги, один из опубликованных сборников по древней иранской культуре был посвящен памяти его отца.

«Общество зороастрийцев Тегерана» было тесно связано с индийскими парсами. Цикл лекций по изучению Авесты, древней иранской философии, Гатам, пехлевий-

ским текстам, зороастрийскому календарю и т. п. наряду с иранцами читали индийские ученые — парсы²⁵.

«Общество зороастрийцев Тегерана» проявило инициативу в области обмена зороастрийскими студентами между Ираном и Индией с целью лучшего ознакомления с жизнью, обычаями, традициями и культурой друг друга, с религиозными обрядами и ритуальными церемониями, праздниками и традициями парсов.

В середине XX в., особенно с 60-х годов, зороастрийские служители культа были всерьез обеспокоены изменением психологии большинства зороастрийцев среднего возраста и молодежи, что, безусловно, было связано с общими социально-экономическими и культурными изменениями, происходившими в Иране. Следствием этих изменений явились утрата связей между зороастрийцами и сближение их с мусульманами; более частые случаи выхода замуж девушек-зороастриек за мусульман. И хотя руководство зороастрийских обществ и духовенство Тегерана, Исфахана, Кермана и Йезда использовали все имевшиеся в их распоряжении средства, чтобы заставить зороастрийцев исправно выполнять свои религиозные обязанности и предписания, посещать храмы огня, делать это становилось все труднее. Зороастрийская интеллигенция постепенно отдалялась от своих единоверцев.

Один из зороастрийских священнослужителей вынужден был с сожалением констатировать, что постепенно исчезает обычай «задушевных» бесед мобедев с зороастрийской молодежью в большие праздники о долге, нравственности, духовных обязанностях человека по отношению к родине»²⁶.

Мобедеды выражали беспокойство по поводу финансовых дел общины зороастрийцев. Это беспокойство имело основание, так как отсутствие средств прежде всего сказывалось на положении зороастрийских служителей культа, живших за счет пожертвований. Все средства общины находились под контролем попечителей-мобедев и использовались на реставрацию зороастрийских храмов, алтарей огня, оказание помощи священнослужителям, старикам и больным²⁷.

В каждом городе и селении, где жили зороастрийцы, их делами, связанными с наследством, обрядами и обычаями, занимались местные зороастрийские общества.

Но наибольшим влиянием пользовалось зороастрийское общество Тегерана. В него поступали самые значительные средства от лиц зороастрийского происхождения. Оно поддерживало связи со всеми зороастрийскими общинами и обществами Ирана.

Помимо научного журнала тегеранское общество издавало журнал «Махнаме-е зардоштиан» («Ежемесячник зороастрийцев»), который подробно информировал о жизни и деятельности зороастрийцев в Тегеране, Йезде, Кермане, Исфахане, Ширазе, Ахвазе, Абадане и в некоторых других городах.

Тегеранское общество состояло из ряда комиссий, таких, как финансовая, по делам вакфов, религии и права, по вопросам образования и культуры, здравоохранения, по делам зороастрийской молодежи и т. д.²⁸ В них входили зороастрийские бизнесмены, жертвовавшие большие деньги на благотворительные цели, представители верхушки зороастрийского духовенства, ученые, общественные и политические деятели, члены известных семей, мобеда.

На заседаниях президиума общества обсуждались различные вопросы, такие, как вопрос о вакфах, переданных зороастрийцами в дар тегеранскому храму огня и зороастрийскому обществу, включая земли, госпиталь, школы и другие постройки.

Средства, находившиеся в распоряжении общества, расходовались на оплату мобедов, организацию бесплатных летних лагерей для зороастрийской учащейся молодежи, приобретение лекарств для больных, увеличение фонда книг. Регулярно печатался бюллетень с отчетами о поступлении в казну общества пожертвованных и благотворительных средств. Так, 1 млн. риалов предоставил зороастрийский бизнесмен Сохраб Фармарзи, такую же сумму — Ференгис Йеганеги. На средства, пожертвованные Ференгис Йеганеги, была создана библиотека им. Бахрама Йеганеги (ее мужа), ставшая центром по изучению древней цивилизации Ирана. В ней имелось около 10 тыс. книг на персидском языке и более 2,5 тыс. книг на других языках²⁹. Большую сумму предоставил обществу и известный зороастрийский предприниматель Намдар.

Наиболее актуальными вопросами, порождавшими нескончаемые дискуссии, были проблемы, связанные с

религией и образованием зороастрийцев, в особенности зороастрийского духовенства. Мобеды в зависимости от своего образования делились на три категории: самая низкая — третья — деревенский мобед (дехмобед), обязан был знать первую главу Авесты о сотворении мира богом Ахура-Маздой, а также заповеди и запреты, содержащиеся в Авесте. Вторая категория — мобедяр, помимо Веллвдата должен был знать все обряды очищения, молитвы из Ясны и священные формулы, приносимые при жертвоприношениях. Первую, высшую категорию мобед — дастура получал тот, кто знал наизусть все четыре книги Авесты, все обряды и ритуальные церемонии, связанные с религиозными праздниками и обычаями.

Вся эта классификация носит в значительной степени чисто теоретический характер, так как в действительности мобедов очень немного. Это чаще всего пожилые люди, знающие все древние зороастрийские обряды, молитвы и обычаи. Поскольку старые зороастрийские священнослужители, знающие все ритуалы религиозных церемоний, постепенно умирают, мобеды решили прибегнуть к помощи зороастрийцев, готовых на добровольных началах к сотрудничеству со священнослужителями в организации религиозных литургий. В зороастрийском журнале сообщалось, что среди молодежи нашлись желающие обучаться у служителей культа с тем, чтобы в дальнейшем заменить их в местностях, где проживают их единоверцы. Старые мобеды вызвались обучать молодых зороастрийцев своей профессии. Была разработана специальная программа для сельских мобедов и мобедяров для изучения общеобразовательных предметов, основ теологии и этики. Закончившие специальный курс должны были держать экзамены в присутствии авторитетных мобедов, а после успешной сдачи получали соответствующие свидетельства.

Музыкально одаренные и образованные зороастрийцы, усвоившие наиболее важные ритуалы религиозных церемоний и основные молитвы, в свою очередь передавали свои знания единоверцам. Руководство зороастрийскими обществами старалось держать под контролем религиозное воспитание зороастрийских детей и подростков, которые учились в обычных общеобразовательных школах вместе с мусульманами. Зороастрий-

ская элита священнослужителей настаивала на том, чтобы дети зороастрийцев не посещали уроки ислама, ссылаясь на то, что согласно законам гражданского кодекса иранского государства учащиеся, принадлежащие к религиозному меньшинству, могут быть освобождены от посещения этих уроков. Между тем наблюдались случаи, когда родители зороастрийского происхождения проявляли безразличие к вопросам веры своих детей. Так, например, в одной из бесед зороастрийского священнослужителя с директором зороастрийской школы последний сообщил, что многие ученики-зороастрийцы посещают уроки по мусульманскому богословию. Поэтому директорат зороастрийского общества Тегерана обязал зороастрийцев посылать своих детей на факультативные уроки по зороастризму, которые проводились мобедами в зороастрийских храмах.

Тегеранское зороастрийское общество стремилось стать для своих единоверцев религиозным, культурным и организационным центром. В него приглашались ученые-зороастрийцы из других стран для пропаганды зороастрийского вероучения. Здесь обсуждались правовые вопросы, связанные с браком, разводом, разделом имущества в свете зороастрийских канонических законов.

В тегеранское общество поступала вся информация о деятельности его филиалов в Йезде, Кермане, Исфahanе, Ахвазе, Ширазе, Абадане, Захедане. Мобеда и руководство общества столицы неоднократно совершали инспекционные поездки, помогая деньгами зороастрийским общинам, и принимали участие в религиозных церемониях. Зороастрийцы, живущие в селениях Керманской и Йездской провинций и в некоторых других отдаленных местностях, обычно гостеприимно встречали столичных зороастрийцев, пытаясь совместными усилиями возродить и активизировать древние обычаи и традиции, которые стали постепенно исчезать³⁰.

Из 34—36 тыс. зороастрийцев, проживавших в Иране в 70-е годы, в Кермане было около 4 тыс. человек, в Йезде — 15 тыс., остальные жили в Тегеране, Исфahanе, Захедане, Ширазе, Ахвазе, Абадане и других городах и селениях³¹.

В Керманской провинции зороастрийцы жили в основном в г. Кермане и близлежащих селениях. В отдаленных селениях Керманской провинции зороастрийцев

почти не осталось. Последняя семья зороастрийцев покинула деревню Исмаилабад в 1962 г.

Священный огонь в керманском селении Ганатйасан охранялся двумя священнослужителями: мобедом Ходамуради Фирузом, которому в начале 60-х годов было около 100 лет, и мобедом Рашидом Холададом Рустами, наиболее молодым из всех зороастрийских священнослужителей, которому в то время исполнилось 40 лет.

В городе Кермане по инициативе Сорушьяна проводились ритуальные церемонии, связанные с древнеиранскими праздниками: мехреганом, 10-м бахманом, Новым годом, на которых всегда присутствовали известные мобеда и руководство Тегеранского общества зороастрийцев³².

В Йездской провинции, где находились действующие и разрушенные храмы огня, сохранились многие старинные обряды и обычаи. Это самый зороастрийский район Ирана.

В середине 70-х годов в Шарифабаде был открыт постоянный центр зороастрийцев Йездской провинции. Руководство обществом зороастрийцев Йездской провинции старалось превратить его в центр сплочения и дружбы всех зороастрийцев Ирана³³. Для него было выстроено специальное здание на средства, предоставленные зороастрийцами Йездской провинции, Тегерана, Исфахана и других городов. Ежегодно, вплоть до 1978 г., в йездском центре проводились религиозные церемонии и празднование дня 10-го бахмана с пением молитв, восхвалением бога. На церемониях присутствовали почетные гости: знаменитые мобеда, ученые, депутаты меджлиса, деятели культуры, богатые купцы и предприниматели. Состоятельные зороастрийцы жертвовали средства, иногда значительные, на строительство гостиниц, больниц, реставрацию храма, празднования Нового года, дня рождения пророка Заратустры и т. п. Иными словами, все зороастрийские общества существовали только за счет благотворительности³⁴.

Существуют две точки зрения на изменения, происходившие в отпадлении культа и проведении религиозных церемоний зороастрийцев. Знаток истории Ирана М. Моле утверждает, что «то, что мы называем сегодня ритуалом парсов — только очень бледное отражение того [ритуала], который практиковался во времена Са-

санидов»³⁵. В отличие от Моле английская исследовательница М. Бойс находит основные традиции и церемонии и зороастрийцев хорошо сохранившимися и «настолько сильными, что [это] побуждает зороастрийцев в определенное время года исполнять обряды, очень похожие на старинные ритуалы, идущие из далекой древности».

Нам думается, что обе точки зрения дополняют друг друга. В самом деле, некоторые зороастрийцы, особенно традиционные семьи, ведущие происхождение от известных мобедов и дастуров, хотели бы возродить все старинные обряды и церемонии. С усилением атеистических тенденций в мире наиболее образованная часть зороастрийцев, в том числе и священнослужителей, начала испытывать беспокойство по поводу того, что многие зороастрийцы поражены «бездуховностью». Не случайно поэтому, что среди иранских зороастрийцев вновь возрождается интерес к книге зороастрийского традиционалиста, бомбейского ученого-парса Дж. Койаджи «Будущее зороастризма»³⁶. В этой книге автор попытался дать ответ на вопросы: сможет ли религиозно-философская система зороастризма, обладающая, по мнению автора, «духовной живучестью», сдержат «духовное гниение, способна ли религия пророка Зороастра избежать кризиса, дав приемлемую для современности концепцию воззрения о боге, духовных и моральных ценностях?».

Пытаясь прогнозировать будущее зороастризма, подчеркивая «непреходящие ценности зороастрийской веры», которая дает «тонизирующие средства» для лечения «болезней современной цивилизации», Койаджи напоминает о том, что для сохранения зороастрийской религии необходимо быть искренним приверженцем веры и применять на практике учение Зороастра: «Тем, кто благоговеет перед огнем, как выражением высшей духовности бога Ахура-Мазды, необходимо иметь в своих сердцах огонь этой духовности»³⁷.

С точки зрения этически-нравственных аспектов зороастризм, по мнению Койаджи, требует абсолютной чистоты, честности, трудолюбия, поскольку этика и мораль по зороастризму «всеобъемлющие и всеохватывающие»³⁸. Койаджи особенно обращает внимание на то обстоятельство, что зороастрийская религия «не есть

религия ленивых, беспечных, праздных [людей]. Эта религия требует от зороастрийцев сознания своей ответственности и дисциплины»³⁹.

Приводя пожелания некоторых зороастрийцев-традиционалистов о том, что они хотели бы возвращения к «золотому веку» первоначального зороастризма, к строгому следованию философско-этической системе этой религии, Койаджи призывает их учитывать изменения, происшедшие в мире, «повернуться лицом к современности»⁴⁰. При этом Койаджи советует индийским парсам всячески помогать зороастрийцам Ирана — «древней страны наших предков, той страны, которая дала нам пророка Зороастра и его великую религию»⁴¹.

Все основные подожжения, содержащиеся в книге Койаджи, нашли поддержку зороастрийской элиты Ирана, особенно мобедов и дастуров, которые некогда были очень могущественными, а в середине XX в. превратились в скромных наследников своих великих предков.

Что касается зороастрийской общины, то она в последние десятилетия XX в., несмотря на все усилия, предпринимаемые зороастрийским духовенством и некоторыми политическими деятелями, переживала духовный кризис. Она уже не представляла единого монолитного организма, спаянного религией, обычаями и обрядами. В больших городах зороастрийцы перестали жить замкнутой, изолированной общиной и как бы «размыты» среди иранского населения. Большинство из них — люди образованные: врачи, адвокаты, педагоги, инженеры, журналисты. Часть зороастрийцев до иранской революции 1978/79 г. владела большими предприятиями, а также занималась крупным бизнесом и компрадорской торговлей. Кто победнее, работал в городах на строительстве дорог, плотин, мостов, каналов, на транспорте, на металлургическом комбинате под Исфаханом и на других объектах.

Зороастрийская молодежь, живущая в городах, в отличие от своих предков более терпима к представителям других религий: мусульманам, христианам, иудеям. Переселившиеся в столицу зороастрийцы, ранее жившие в одном районе, теперь расселились по всему Тегерану и его предместьям.

Тегеранские зороастрийцы редко посещали храмы, предпочитая совершать молитвы в домашних алтарях.

Молодежь перестала носить священный пояс кушти, начала курить, хотя это запрещено религией, и предпочитала работать в городских учреждениях, учиться в университетах, заниматься банковским делом, торговать, приспособившись к социально-экономическим требованиям страны последней четверти XX в. Как считает руководитель зороастрийского общества Кермана Сорушьян, у зороастрийцев остается мало времени для религии и бога. Многие священнослужители хотели бы сохранить «основные принципы и обычаи общины, а не внешние формы... Сейчас, кроме мобедов, все зороастрийцы одеваются по-европейски»⁴². Зороастрийцы изменили не только покрой платья: меняется внутреннее убранство современных зороастрийских храмов, которые приобретают, до известной степени, современный вид: для тех, кто желает сидеть, поставлены стулья, хотя таких немного. Молящиеся в основном сидят на ковре со скрещенными ногами. Входящие в храм снимают обувь, оставляя ее в специальном месте.

Тегеранский храм зороастрийцев одновременно является и книгохранилищем, в котором имеется несколько тысяч томов книг и ценнейших рукописей на восточных и западных языках, а также на языке предков современных зороастрийцев — пехлеви⁴³.

Династия Пехлеви и правящая элита приложили все силы к тому, чтобы превратить зороастрийцев в надежную опору. Во время празднования 2500-летия иранской монархии бывший шах, доказывая «незыблемость» монархии, ссылаясь на древние легенды и предания, связанные с правлением «великих шахиншахов» времен Ахеменидов и Сасанидов, что, по его мнению, подтверждало «неразрывность и преемственность тесных связей между народами и шахами Ирана» и что это якобы было связано с древнейшей народной традицией «почитания» личности шаха. Свои обращения и послания к народу Мохаммед-Реза Пехлеви постоянно подкреплял примерами из Авесты. Призывая иранцев к «взаимопониманию», он ссылаясь на древнее учение, связанное с пророком Зороастром, и зороастрийские каноны: «Мы всегда считали несправедливость, ложь, зависть, эгоизм, исходящие от Ахримана, проявлением темной, нечистой силы и всегда обращались лицом к справедливости и человеколюбию»⁴⁴. Прославляя древ-

ний Иран, шах отмечал «значение, какое придавалось в ту эпоху обучению и воспитанию», и что не случайно Зороастра называли «учителем»⁴⁵.

К примерам из древности шах прибегал и для объяснения принципов шахской, так называемой «белой революции», цитируя отдельные отрывки из Декарта. В программных речах шаха и его выступлениях указывалось, что он не видит противоречия между исламом в его «правильной» интерпретации и доисламской цивилизацией.

Далеко не все мероприятия социально-экономического характера и особенно вестернизация Ирана встречали одобрение зороастрийцев. Последняя оказывала отрицательное влияние на иранскую интеллигенцию и молодежь в целом, в том числе и на зороастрийцев.

Жизнь, однако, показала, что все шахские декларации и утверждения о «незыблемости» монархии и «неразрывных связях с народом» оказались беспочвенными.

В начале 1979 г. в результате мощного антишахского, антиимпериалистического движения народа шах Ирана Мохаммед-Реза Пехлеви был свергнут и была провозглашена Исламская Республика Иран.

В декабре 1979 г. была принята новая Конституция Исламской Республики Иран. Согласно ст. 13 этой конституции⁴⁶ иранские зороастрийцы наряду с иудеями признаются религиозным меньшинством Ирана. Тем самым перед зороастрийцами возникают те же проблемы экономического, социального и политического характера, что и перед другими религиозными меньшинствами. В настоящее время зороастрийцы не принимают никакого участия в общественной и политической жизни страны.

ПРИМЕЧАНИЯ

Предисловие

- ¹ «Keyhan International», 6.V.1976.
- ² М. Воусе. Zoroastrians. Their Religious Beliefs and Practices. L., 1979, с. 226.
- ³ Советский энциклопедический словарь. М., 1980, с. 982.
- ⁴ М. Воусе. Zoroastrians, с. 226.
- ⁵ Там же, с. 226. См. также: «Иран. Проблемы экономического и социального развития». М., 1980, с. 5.

Глава I

- ¹ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 7. М., 1971, с. 312.
- ² Там же, с. 313; Б. Г. Гафуров. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М., 1972, с. 46—47.
- ³ М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин. Культура и экономика Древнего Ирана. М., 1980, с. 8.
- ⁴ Э. А. Грантовский. Авеста.— Философская энциклопедия. Т. 1. М., 1960, с. 18.
- ⁵ И. М. Дьяконов. История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н. э. М.—Л., 1965, с. 385.
- ⁶ Р. Фрай. Наследие Ирана. М., 1972, с. 50; В. И. Абаев. Скифский быт и реформа Зороастра.— «Archiv orientalni». Praha, 1956, XXIV, f. 1, с. 26.
- ⁷ J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien. P., 1962, с. 342.
- ⁸ История Ирана. М., 1977, с. 38; М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин. Культура и экономика Древнего Ирана, с. 8—9.
- ⁹ См.: Р. Фрай. Наследие Ирана, с. 52.
- ¹⁰ A. V. W. Jackson. Zoroaster, the Prophet of Ancient Iran. N. Y., 1899, с. 157; E. Herzfeld. Zoroaster and His World. Ч. 1. Princeton, 1947.
- ¹¹ W. В. Henning. Zoroaster: Polician or Wich-Doctor? Oх., 1951, с. 41.
- ¹² J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 137.
- ¹³ F. Altheim. Zarathustra und Alexander der Grosse.— La parole del Passato. Napoli, 1951, с. 329.
- ¹⁴ Р. Фрай. Наследие Ирана, с. 52.
- ¹⁵ И. М. Дьяконов. Восточный Иран до Кира (к возможности новой постановки вопроса).— История иранского государства и

культуры. К 2500-летию Иранского государства. М., 1971, с. 138—140.

¹⁶ Б. Г. Гафуров. Таджики, с. 50; Э. А. Грантовский. Маги.— Историческая энциклопедия. Т. 8. М., 1965, с. 885; J. Hertel. Die Zeit Zoroasters — «Indo-Iranische Quellen und Forschungen». T. 1. Lpz., 1921, с. 5; F. W. König. Der falsche Bardija, Dareios der Grosse und die Lügenkönige. Wien, 1938, с. 237; E. Herzfeld. Zoroaster and His World. Princeton, 1947, с. 1; W. B. Henning. Zoroaster: Polician or Wich-Doctor? с. 41.

¹⁷ История Ирана, с. 39.

¹⁸ Р. Фрай. Наследие Ирана, с. 51.

¹⁹ H. S. Nybörg. Die Religionen des alten Iran. Lpz., 1938, с. 28.

²⁰ М. Вусе. Zoroastrians, с. 2.

²¹ См.: М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин. Культура и экономика Древнего Ирана, с. 306.

²² См.: Э. А. Грантовский. Авеста.— Философская энциклопедия, с. 18; История Ирана, с. 39.

²³ Б. Г. Гафуров. Таджики, с. 50.

²⁴ В. И. Абаев. Скифский быт..., с. 24.

²⁵ И. М. Дьяконов. Восточный Иран до Кира..., с. 138—140.

²⁶ И. М. Дьяконов. История Мидии..., с. 390.

²⁷ Там же, с. 55.

²⁸ И. М. Дьяконов. Восточный Иран до Кира..., с. 127.

²⁹ В. И. Абаев. Скифский быт..., с. 37.

³⁰ Там же, с. 37.

³¹ Там же, с. 39, 41.

³² История таджикского народа. Т. 1. М., 1963, с. 170; М. Вусе. Some Reflection of Zurvanism.— BSOAS. 1957, Т. 18. Ч. 3, с. 304.

³³ История таджикского народа, с. 171.

³⁴ И. М. Дьяконов. Восточный Иран до Кира..., с. 127; История Ирана, с. 38; Б. Г. Гафуров. Таджики..., с. 59.

³⁵ J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 35.

³⁶ История таджикского народа. Т. 1, с. 171; Б. Г. Гафуров. Таджики..., с. 49—50.

³⁷ Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. От Скифии до Индии. М., 1974, с. 107.

³⁸ М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин. Культура и экономика Древнего Ирана, с. 307.

³⁹ История таджикского народа, с. 168—169; История Ирана, с. 39; Э. А. Грантовский. Маздеизм.— Философская энциклопедия. Т. 3, М., 1964, с. 276.

⁴⁰ Э. А. Грантовский. Зороастризм.— Философская энциклопедия. Т. 2. с. 185.

⁴¹ История таджикского народа, с. 172.

⁴² Там же, с. 173; История Ирана, с. 39.

⁴³ Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы. М., 1960. с. 36; История Ирана, с. 39; История таджикского народа. Т. 1, с. 178.

⁴⁴ История Ирана, с. 39.

⁴⁵ О. Клима. История авестийской, древнеперсидской и среднеперсидской литературы.— Я. Рипка. История персидской и тад-

- жикской литературы. М., 1976, с. 17; Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы, с. 35; В. И. Абаев. Скифский быт, с. 27.
- ⁴⁶ Э. А. Грантовский. Зороастризм, с. 186.
- ⁴⁷ J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 35.
- ⁴⁸ Ясна 48, 1; Ясна 5, 8. Пер. В. А. Лившица.— История таджикского народа, с. 183.
- ⁴⁹ В. И. Абаев. Скифский быт..., с. 26.
- ⁵⁰ История таджикского народа. Т. 1, с. 172.
- ⁵¹ История Ирана, с. 40.
- ⁵² М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин. Культура и экономика Древнего Ирана, с. 40; Э. А. Грантовский. О распространении иранских племен на территории Ирана.— История Иранского государства и культуры, с. 286.
- ⁵³ И. М. Дьяконов. История Мидии..., с. 398—400.
- ⁵⁴ М. А. Дандамаев. Иран при первых Ахеменидах. М., 1963, с. 241—245.
- ⁵⁵ Э. А. Грантовский. Маги... Т. 8, с. 885.
- ⁵⁶ Там же, с. 885.
- ⁵⁷ И. М. Дьяконов. История Мидии..., с. 379.
- ⁵⁸ История Ирана, с. 44.
- ⁵⁹ М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин. Культура и экономика Древнего Ирана, с. 311.
- ⁶⁰ Там же, с. 312—315; Э. А. Грантовский. Маги..., с. 885.
- ⁶¹ История Ирана, с. 71.
- ⁶² Геродот. История в девяти книгах. Т. 1. М., 1885, с. 74.
- ⁶³ К. А. Иностранцев. О древне-иранских погребальных обычаях и постройках. СПб., 1909, с. 71; Геродот. История. Т. 1, с. 74.
- ⁶⁴ Геродот. История..., с. 74.
- ⁶⁵ История Ирана, с. 71.
- ⁶⁶ И. М. Дьяконов, М. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Документы из Древней Нисы (дешифровка и анализ).— «Труды Южно-туркменистанской археологической комплексной экспедиции». Вып. 2, 1951, с. 21; И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Парфянское царское хозяйство в Нисе I в. до н. э.— «Вестник древней истории». 1960, № 2 (72), с. 14—28; И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Новые находки документов в Старой Нисе.— Переднеазиатский сборник. Дешифровка письменности Древнего Востока. Вып. 2. М., 1966, с. 147—148, 153—154.
- ⁶⁷ История Ирана, с. 103.
- ⁶⁸ Там же, с. 107.
- ⁶⁹ Э. А. Грантовский. Авеста, с. 18; см. также: Я. Рипка. История персидской и таджикской литературы, с. 45; История Ирана, с. 110.
- ⁷⁰ В. Г. Луконин. Культура Сасанидского Ирана (основные этапы).— История иранского государства и культуры, с. 117.
- ⁷¹ Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. От Скифии до Индии, с. 107—110.
- ⁷² В. Г. Луконин. Культура Сасанидского Ирана. М., 1969, с. 74—80, 98—99.
- ⁷³ История Ирана, с. 114.

- ⁷⁶ Я. Рипка. История персидской и таджикской литературы, с. 51.
- ⁷⁵ История Ирана, с. 114—115; Р. Фрай. Наследие Ирана, с. 304.
- ⁷⁶ Э. А. Грантовский. Авеста, с. 18; История таджикского народа, с. 137.
- ⁷⁷ Б. Г. Гафуров. Таджики..., с. 48.
- ⁷⁸ История таджикского народа, с. 137, 174—175.
- ⁷⁹ Там же, с. 176.
- ⁸⁰ Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы, с. 52—53; J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 32—33; О. Клима. История авестийской, древнеперсидской и среднеперсидской литературы.— Я. Рипка. История персидской и таджикской литературы, с. 19.
- ⁸¹ Ясна XII, 1, 9, 8. Пер. В. И. Абаева.— Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2. М., 1980, с. 63—64.
- ⁸² И. С. Брагинский. Комментарии.— Я. Рипка. История персидско-таджикской литературы, с. 378—379. Пер. Ясны И. С. Брагинского.
- ⁸³ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2, с. 65.
- ⁸⁴ Там же, с. 65. Пер. В. И. Абаева.
- ⁸⁵ История таджикского народа. Т. 1, с. 148. Пер. В. А. Лившица.
- ⁸⁶ Там же, с. 146. Пер. В. А. Лившица.
- ⁸⁷ Там же, с. 177—179.
- ⁸⁸ Там же, с. 179; Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы, с. 37—38.
- ⁸⁹ История таджикского народа. Т. 1, с. 177—179.
- ⁹⁰ Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. От Скифии до Индии, с. 47.
- ⁹¹ Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы, с. 63; J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 35.
- ⁹² История таджикского народа, с. 182. Пер. В. А. Лившица.
- ⁹³ Там же, с. 182.
- ⁹⁴ Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы, с. 59.
- ⁹⁵ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2, с. 70. Пер. Э. А. Грантовского.
- ⁹⁶ И. С. Брагинский. Из истории таджикской народной поэзии. М., 1956, с. 19.
- ⁹⁷ Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2, с. 70. Пер. Э. А. Грантовского.
- ⁹⁸ История таджикского народа, с. 184.
- ⁹⁹ J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 35.
- ¹⁰⁰ История таджикского народа, с. 124. Пер. В. А. Лившица.
- ¹⁰¹ Там же, с. 182; Э. А. Грантовский. Зороастризм, с. 186.
- ¹⁰² История таджикского народа, с. 182.
- ¹⁰³ Там же, с. 183.
- ¹⁰⁴ Там же, с. 184.
- ¹⁰⁵ Геродот. История..., Т. 1, с. 71.
- ¹⁰⁶ Там же, с. 72.

- ¹⁰⁷ Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы, с. 37—38.
- ¹⁰⁸ М. А. Дандамаев, В. Г. Луконин. Культура и экономика Древнего Ирана, с. 327.
- ¹⁰⁹ Там же, с. 326—327.
- ¹¹⁰ Там же, с. 330.
- ¹¹¹ Р. Фрай. Наследие Ирана, с. 324.
- ¹¹² Там же, с. 325.
- ¹¹³ D. Wilber. Iran. Past and Present. New Jersey, 1967, с. 34—35.
- ¹¹⁴ Р. Фрай. Наследие Ирана, с. 302—303.
- ¹¹⁵ M. Boyce. On the Sacred Fires of the Zoroastrians—BSOAS. 1967. Т. 31. Ч. 2, с. 52.
- ¹¹⁶ A. Gabriel. Die Religiöse Welt des Iran. Wien — Köln, 1974, с. 162.
- ¹¹⁷ J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 81.
- ¹¹⁸ M. Boyce. On the Sacred Fires of the Zoroastrians, с. 52.
- ¹¹⁹ История таджикского народа, с. 177; Д. Уилбер. Персеполь. М., 1977, с. 24.

Глава II

- ¹ Б. Н. Заходер. История Восточного средневековья. М., 1944, с. 24—25.
- ² История Ирана, с. 124.
- ³ M. Boyce. Zoroastrians. Their Beliefs and Practices, с. 146.
- ⁴ A. S. Tritton. The Caliphs and Their Non-Muslim Subjects. L., 1970. с. 227.
- ⁵ Б. Н. Заходер. История Восточного средневековья, с. 27.
- ⁶ К. А. Иностранцев. Персидская литературная традиция в первые века ислама.— «Записки Императорской Академии Наук». Т. 8, № 13, СПб., 1909, с. 4—5.
- ⁷ Там же, с. 7.
- ⁸ Б. Н. Заходер. История Восточного средневековья, с. 41.
- ⁹ Р. Фрай. Наследие Ирана, с. 338.
- ¹⁰ К. А. Иностранцев. Персидская литературная традиция в первые века ислама, с. 19; M. Boyce. Zoroastrians, с. 147—148.
- ¹¹ Б. Г. Гафуров. Таджики..., с. 309—312; M. Boyce. Zoroastrians, с. 147—148.
- ¹² M. Boyce. Zoroastrians, с. 148.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Там же, с. 150.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ К. А. Иностранцев. Персидская литературная традиция в первые века ислама, с. 8.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Я. Рипка. История персидской и таджикской литературы, с. 95—96.
- ²⁰ История Ирана, с. 145.
- ²¹ Я. Рипка. История персидской и таджикской литературы, с. 94—95.

- ²² Там же, с. 96—97.
- ²³ Р. Фрай. Наследие Ирана, с. 338.
- ²⁴ К. А. Иностранцев. Персидская литературная традиция в первые века ислама, с. 8.
- ²⁵ Там же, с. 9.
- ²⁶ Калила и Димна. Пер. с араб. И. Ю. Крачковского и И. П. Кузьмина. М., 1957, с. 6—8.
- ²⁷ Р. Фрай. Наследие Ирана, с. 329.
- ²⁸ К. А. Иностранцев. Персидская литературная традиция в первые века ислама, с. 7; Р. Фрай. Наследие Ирана, с. 330; М. Воусе. Zoroastrians, с. 148.
- ²⁹ М. Воусе. Zoroastrians, с. 148—149.
- ³⁰ Б. Н. Заходер. История Восточного средневековья, с. 82.
- ³¹ И. П. Петрушевский. Ислам в Иране в VII—XV вв. Л., 1966, с. 36.
- ³² М. Воусе. Zoroastrians, с. 151—152.
- ³³ Там же, с. 151.
- ³⁴ К. А. Иностранцев. Сасанидские этюды. СПб., 1909, с. 6.
- ³⁵ Encyclopaedia Britannica. Т. 23. Л., 1960, с. 336.
- ³⁶ Дж. Неру. Открытие Индии. М., 1955, с. 152.
- ³⁷ М. Воусе. Zoroastrians, с. 157; В. И. Павлов. Формирование индийской буржуазии. М., 1958, с. 66.
- ³⁸ М. Воусе. Zoroastrians, с. 157.
- ³⁹ Там же, с. 157, 166.
- ⁴⁰ Там же, с. 157.
- ⁴¹ Там же, с. 166—167.
- ⁴² Дж. Неру. Открытие Индии, с. 152.
- ⁴³ Там же, с. 153.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Encyclopaedia Britannica, с. 336.
- ⁴⁶ Дж. Неру. Открытие Индии, с. 153.
- ⁴⁷ М. Воусе. Zoroastrians, с. 167.
- ⁴⁸ М. Воусе. Zoroastrians, с. 166—167.
- ⁴⁹ Там же, с. 167.
- ⁵⁰ Там же, с. 166—167.
- ⁵¹ Н. В. Пигулевская, А. Ю. Якубовский, И. П. Петрушевский, Л. В. Строева, Л. М. Беленицкий. История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века. Л., 1958, с. 157.
- ⁵² R. Frye. The Golden Age of Persia. The Arabs in the East. N. Y., 1975, с. 73, 140.
- ⁵³ М. Воусе. Zoroastrians, с. 161—162.
- ⁵⁴ Там же, с. 163.
- ⁵⁵ Там же, с. 163—164.
- ⁵⁶ P. W. English. City and Village in Iran: Settlement and Economy in Kerman Basin. L., 1966, с. 5.
- ⁵⁷ М. Воусе. Zoroastrians, с. 165.
- ⁵⁸ Там же, с. 164.
- ⁵⁹ [J. Chardin]. Voyage de M. Chevalier Chardin en Perse et autre lieux. Т. 2. Amsterdam, 1738, с. 179.
- ⁶⁰ Там же, с. 183.
- ⁶¹ Я. Рипка. История персидской и таджикской литературы, с. 61—62.
- ⁶² Там же, с. 62.

- ⁶³ История Ирана. с. 119; Г. М. Бонгард-Левин, Э. А. Грантовский. От Скифии до Индии. М., 1974, с. 106—107.
- ⁶⁴ М. Воусе. Zoroastrians, с. 170.
- ⁶⁵ Там же, с. 171.
- ⁶⁶ Там же, с. 173.
- ⁶⁷ Там же, с. 173—174.
- ⁶⁸ Там же, с. 174.
- ⁶⁹ Там же, с. 174—175.
- ⁷⁰ J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 368.
- ⁷¹ J. B. Tavernier. Voyage... en Perse. P., 1964, с. 7.
- ⁷² [J. Chardin]. Voyage... en Perse..., с. 179.
- ⁷³ [J. Chardin]. Voyage... en Perse..., с. 179.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 368.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ К. Смирнов. Персы. Этнографический очерк. Тифлис. 1917, с. 30.
- ⁷⁸ М. Воусе. Zoroastrians, с. 182.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ J. B. Tavernier. Voyage... en Perse, с. 89—90.
- ⁸¹ М. Воусе. Zoroastrians, с. 179.
- ⁸² Там же, с. 181—182.
- ⁸³ История стран зарубежной Азии в средние века. М., 1970, с. 547.
- ⁸⁴ Там же, с. 545, 547.
- ⁸⁵ М. Воусе. Zoroastrians, с. 183.
- ⁸⁶ В. И. Павлов. Формирование индийской буржуазии, с. 67.
- ⁸⁷ Там же, с. 68.
- ⁸⁸ Там же, с. 67—68.
- ⁸⁹ Там же, с. 68.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 3.
- ⁹² История стран зарубежной Азии в средние века, с. 347.
- ⁹³ A. Sinclair Mehdevi. The Seven Commandments of Zoroaster.— «New York Magazin», March 27 1966, с. 52.
- ⁹⁴ В. А. Жуковский. О положении гебров в Персии.— «Журнал Министерства Просвещения», № 462, СПб., 1902. с. 93.
- ⁹⁵ A. V. W. Jackson. Persia. Past and Present. L., 1906, с. 335.
- ⁹⁶ A. Sinclair Mehdevi. The Seven Commandments of Zoroaster, с. 21.
- ⁹⁷ [J. Chardin]. Voyage... en Perse, с. 179.
- ⁹⁸ A. V. W. Jackson. Persia. Past and Present, с. 335.
- ⁹⁹ [J. Chardin]. Voyage... en Perse, с. 180.
- ¹⁰⁰ В. А. Жуковский. О положении гебров в Персии, с. 84.
- ¹⁰¹ А. Орлов. Некоторые сведения о гебрских школах в Персии.— «Записки Восточного Отделения Русского Археологического Общества». Т. 5. СПб., 1890, с. 99.
- ¹⁰² P. W. English. City and Village in Iran, с. 45.

Глава III

- ¹ А. Л. Погодин. Религия Зороастра. СПб., 1903, с. 19—21.
- ² С. Хедаят. Избранные произведения. М., 1969, с. 119—120.
- ³ Р. Фрай. Наследие Ирана, с. 323.
- ⁴ А. Gabriel. Die Religiöse Welt des Iran, с. 56; А. Л. Погодин. Религия Зороастра, с. 20.
- ⁵ Геродот. История..., с. 56.
- ⁶ М. Воусе. A History of Zoroastrianism.—«Handbook des Orientalistik». Т. 1, тетр. 2А, Leiden — Köln, 1975, с. 297.
- ⁷ Там же, с. 304—305.
- ⁸ А. Gabriel. Die Religiöse Welt des Iran, с. 60—62; J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 103—104.
- ⁹ М. Воусе. A History of Zoroastrians, с. 305.
- ¹⁰ К. А. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обычаях. СПб., 1909, с. 99.
- ¹¹ Там же.
- ¹² А. Gabriel. Die Religiöse Welt des Iran, с. 60.
- ¹³ J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 70.
- ¹⁴ М. Воусе. Zoroastrians, с. 15.
- ¹⁵ Там же, с. 26.
- ¹⁶ А. V. W. Jackson. Persia. Past and Present, с. 104.
- ¹⁷ Там же, с. 388.
- ¹⁸ J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 104.
- ¹⁹ А. V. W. Jackson. Persia. Past and Present, с. 389.
- ²⁰ М. Воусе. A History of Zoroastrianism, с. 304—305.
- ²¹ J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 105.
- ²² История таджикского народа, с. 186.
- ²³ К. А. Иностранцев. О древнеиранских погребальных обычаях, с. 95—96.
- ²⁴ А. Gabriel. Die Religiöse Welt des Iran, с. 62.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ М. Воусе. The Pious Foundation of the Zoroastrians.—BSO-AS. Т. 31. Ч. 2, L., 1968, с. 270.
- ²⁷ J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 77.
- ²⁸ История таджикского народа, с. 185.
- ²⁹ J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 105.
- ³⁰ М. Воусе. The Pious Foundation of the Zoroastrians, с. 270.
- ³¹ История таджикского народа, с. 185.
- ³² М. Воусе. The Pious Foundation of the Zoroastrians, с. 272; М. Катарайн. Аз хешт та хешт. Тегран, 1969, с. 425.
- ³³ J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 109—110.
- ³⁴ Там же, с. 304.
- ³⁵ Там же, с. 109.
- ³⁶ М. Воусе. A History of Zoroastrianism, с. 305.
- ³⁷ Там же, с. 304.
- ³⁸ Там же, с. 304—305.

- 39 Там же, с. 306.
- 40 Там же.
- 41 Там же, с. 307.
- 42 Там же, с. 308.
- 43 М. Катирайи. Аз хешт та хешт, с. 425.
- 44 М. Воусе. A History of Zoroastrianism, с. 308.
- 46 А. V. W. Jackson. Persia. Past and Present, с. 386.
- 46 Там же, с. 378.
- 47 A. Sinclair Mehdevi. The Seven Commendments of Zoroaster, с. 37.
- 48 A. V. W. Jackson. Persia. Past and Present, с. 380—381.
- 49 М. Воусе. Zoroastrians, с. 174 .
- 50 A. V. W. Jackson. Persia. Past and Present, с. 380—381.
- 51 Там же, с. 381.
- 52 Там же.
- 53 Там же.
- 54 И. М. Дьяконов, В. А. Лившиц. Новые находки в Старой Нисе.— Переднеазиатский сборник. Т. 2. М., 1966, с. 153.
- 55 В. А. Лившиц. Зороастрийский календарь.— См. Бикерман и н. Хронология Древнего мира. М., 1975, с. 320.
- 56 Там же, с. 321.
- 57 Там же.
- 58 Там же, с. 322.
- 59 Там же.
- 60 Там же.
- 61 Там же.
- 62 Там же.
- 63 А. Азер Гишасп. Гахнамейе зардошти.— «Махнамейе зардоштиан». Тегран, 1975/76, с. 21.
- 64 К. А. Иностранцев. Материалы из арабских источников для культурной истории Сасанидской Персии. Приметы и поверья. СПб., 1907. с. 195.
- 65 Там же.
- 66 А. Азер Гишасп. Гахнамейе зардошти, с. 21; М. Воусе. On the Calendar of Zoroastrians Feats.— BSOAS. Т. 33, № 3, 1970, с. 513.
- 67 В. А. Лившиц. Зороастрийский календарь, с. 325—328.
- 68 М. Воусе. Zoroastrians, с. 168.
- 69 Там же.
- 70 А. Азер Гишасп. Гахнамейе зардошти, с. 21.
- 71 Б. А. Розенфельд, А. П. Юшкович. Омар Хайям, с. 69.
- 72 Там же.
- 73 Там же.
- 74 А. Азер Гишасп. Айин баргозарийе джашнхайте Иране бастан. Тегран, 1976, с. 37.
- 75 М. Воусе. Zoroastrians..., с. 33—34.
- 76 J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 118.
- 77 А. Азер Гишасп. Гахнамейе зардошти, с. 21; А. Азер Гишасп. Айин баргозарийе джашнхайте Иране бастан, с. 41—42.
- 78 J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 72—73.

- 79 А. Азер Гишасп. Аинн баргозарийе джашнхайе Иране бастан, с. 42.
- 80 Там же.
- 81 Там же, с. 56.
- 82 A. Sinclair Mehdevi. The Seven Commendments of Zoroaster, с. 32.
- 83 Там же.
- 84 М. Воусе. Zoroastrians, с. 34.
- 85 Там же.
- 86 А. Азер Гишасп. Аинн баргозарийе джашнхайе Иране бастан, с. 56—57.
- 87 A. Sinclair Mehdevi. The Seven Commendments of Zoroaster, с. 32.
- 88 А. Азер Гишасп. Аинн баргозарийе джашнхайе Иране бастан, с. 58.
- 89 Там же.
- 90 Там же.
- 91 Там же, с. 58—59.
- 92 Там же, с. 59.
- 93 A. Sinclair Mehdevi. The Seven Commendments of Zoroaster, с. 32.
- 94 А. Азер Гишасп. Гахнамеје зардошти, с. 22.
- 95 Там же.
- 96 Там же.
- 97 Там же.
- 98 М. Воусе. Наома, Priests of the Sacrifice.— W. B. Henning Memorial Volume. L., 1970, с. 62.
- 99 М. Воусе. Наома, Priests of the Sacrifice, с. 64.
- 100 A. V. W. Jackson. Persia. Past and Present, с. 403.
- 101 М. Воусе. Наома, Priests of the Sacrifice, с. 62.
- 102 См. там же, с. 63.
- 103 М. Воусе. Zoroastrians, с. 5.
- 104 М. Воусе. Наома, Priests of the Sacrifice, с. 64.
- 105 J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 72—73.
- 106 A. V. W. Jackson. Persia. Past and Present, с. 403.
- 107 А. Азер Гишасп. Аинн баргозарийе джашнхайе Иране бастан, с. 21—22.
- 108 Там же, с. 45.
- 109 Там же, с. 42.
- 110 Там же, с. 45.
- 111 Там же.
- 112 Там же, с. 46.
- 113 Там же, с. 45.
- 114 J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 71—75.
- 115 A. V. W. Jackson. Persia. Past and Present, с. 368—369.
- 116 Там же, с. 369.
- 117 A. Gabriel. Die Religiöse Welt des Iran, с. 59.
- 118 Там же.
- 119 A. V. W. Jackson. Persia. Past and Present, с. 384.
- 120 Там же.
- 121 D. Menaut. Les Parsis. P., 1898, с. 154—155.

- ¹²³ Там же, с. 385.
¹²⁴ Там же, с. 385—386.
¹²⁵ Там же, с. 386.
¹²⁶ А. Gabriel. Die Religiöse Welt des Iran, с. 58.
¹²⁷ Д. С. Раевский. Очерки идеологии скифо-сакских племен. М., 1977, с. 97.
¹²⁸ Там же, с. 98.
¹²⁹ Мехребан Шахрохвайни. Марасеме заношуйе зардоштиане Иран.—«Талаш». № 55. Тегран, 1976, с. 52.
¹³⁰ Там же, с. 52—53.
¹³¹ Э. А. Грантовский. Зороастризм, с. 186.
¹³² Соруш Сорушьян. Фарханге бехдинан. Тегран, 1967, с. 215.
¹³³ Там же.
¹³⁴ A. V. W. Jackson. Persia. Past and Present, с. 386.
¹³⁵ Соруш Сорушьян. Фарханге бехдинан, с. 215.
¹³⁶ J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 126—127.
¹³⁷ Там же, с. 127.
¹³⁸ M. Boyce. The Zoroastrian Villages of Jupar Range, с. 150.
¹³⁹ M. Boyce. The Pious Foundation of the Zoroastrians, с. 270.
¹⁴⁰ Там же, с. 272.
¹⁴¹ Там же.
¹⁴² Там же.
¹⁴³ Там же, с. 284.
¹⁴⁴ Там же, с. 273.
¹⁴⁵ «Растахиз», 23.XI.1977.
¹⁴⁶ Р. Фрай. Наследие Ирана, с. 302.
¹⁴⁷ M. Boyce. The Pious Foundations of Zoroastrians, с. 272.

Глава IV

- ¹ М. П. Петров. Иран (физико-географический очерк). М., 1955, с. 160.
² Там же, с. 160.
³ P. W. English. City and Village in Iran, с. 9.
⁴ Там же, с. 54.
⁵ Там же, с. 52—53, 61—62.
⁶ M. Boyce. Some Aspects of Farming in a Zoroastrian Village of Yazd.—Persica Yearbook, 1969, с. 124.
⁷ По Ирану. М., 1973, с. 77.
⁸ A. V. W. Jackson. Persia. Past and Present, с. 348.
⁹ В. В. Бартольд. Сочинения. Т. 7. М., 1971, с. 167.
¹⁰ A. V. W. Jackson. Persia. Past and Present, с. 349.
¹¹ M. Boyce. The Zoroastrian Houses of Yazd, с. 137.
¹² A. Sinclair Mehdevi. The Seven Commendments of Zoroaster, с. 42, 44.
¹³ M. Boyce. The Zoroastrian Houses of Yazd.—Iran and Islam. In Memory of the Late V. L. Minorsky. Edinburgh, 1971, с. 126.
¹⁴ Там же, с. 137.

- ¹⁵ Там же, с. 126—128.
- ¹⁶ M. Boyse. Some Aspects of Farming in a Zoroastrian Village of Yazd, с. 221.
- ¹⁷ Там же, с. 122, 126.
- ¹⁸ Там же, с. 121—122.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ A. Sinclair Mehdevi. The Seven Commendments of Zoroaster, с. 42.
- ²¹ M. Boyse. The Zoroastrian Houses of Yazd, с. 137.
- ²² M. Boyse. The Zoroastrian Villages of the Jupar Range, с. 149.
- ²³ M. Boyse. The Fire-Temple of Kerman.—«Acta Orientalia». T. 30, Copenhagen, 1966, с. 51.
- ²⁴ Там же, с. 51.
- ²⁵ M. Boyse. The Zoroastrian Villages of Jupar Range, с. 150.
- ²⁶ M. Boyse. Some Aspects of Farming in a Zoroastrian Village of Yazd, с. 126.
- ²⁷ M. Boyse. The Fire-Temples of Kerman, с. 51.
- ²⁸ В. А. Жуковский. О положении гевров в Персии, с. 83.
- ²⁹ Encyclopaedia Britannica, с. 336.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ А. И. Левковский. Особенности развития капитализма в Индии. М., 1963, с. 68.
- ³² J. Duchesne-Guillemin. La religion de l'Iran ancien, с. 367—372.
- ³³ В. А. Жуковский. О положении гевров в Персии, с. 80.
- ³⁴ Там же, 367—375.
- ³⁵ A. A. Hikmat. Parsees of Iran. Their Past and Present.—«The Iran League». Bombay, 1956, с. 13.
- ³⁶ В. А. Жуковский. О положении гевров в Персии, с. 80.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ К. Смирнов. Персы. Этнографический очерк. Тифлис, 1917, с. 33.
- ³⁹ M. Boyse. The Zoroaster Villages of Jupar Range, с. 148.
- ⁴⁰ M. Boyse. The Fire-Temple of Kerman, с. 57, 67—68.
- ⁴¹ Н. А. Кузнецова. Политическое и социально-экономическое положение Ирана в конце XIX в.— Очерки новой истории Ирана. М., 1978, с. 61.
- ⁴² Д. Ошидарп. Таасисе аввалин панджайатха.— «Махшамейе зардоштиян». Тегран, 1975, с. 40.
- ⁴³ Там же, с. 59.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же, с. 83.
- ⁴⁶ M. Boyse. Some Aspects of Farming in a Zoroastrian Village of Yazd, с. 126.
- ⁴⁷ M. Boyse. The Zoroastrian Houses of Yazd, с. 143.
- ⁴⁸ Там же, с. 138.
- ⁴⁹ M. Boyse. Some Aspects of Farming in a Zoroastrian Village of Yazd, с. 126.
- ⁵⁰ Р. А. Сеидов. Иранская буржуазия в конце XIX — начале XX в. М., 1974, с. 85.
- ⁵¹ К. Смирнов. Персы..., с. 36.
- ⁵² Там же, с. 37.

- XX ⁵³ Р. А. Сеидов. Иранская буржуазия в конце XIX — начале в., с. 85.
⁵⁴ Там же, с. 86.
⁵⁵ Там же, с. 88.
⁵⁶ К. Смирнов. Персы, с. 32.
⁵⁷ М. Воусе. The Fire-Temple of Kerman, с. 69.
⁵⁸ Там же.
⁵⁹ Там же, с. 70.
⁶⁰ R. Cottam. Nationalism in Iran. Pittlburgh, 1964, с. 86.

Глава V

- ¹ A. T. Wilson. The Outlook in Persia.— «The Near East and India». L., 30 June, 1927, с. 781.
² Там же: Elwell-Sutton. Modern Iran. L., 1933, с. 145.
³ Vreeland. Iran. L., 1957, с. 272.
⁴ The Iran Leage's Iranian History Series, № 4, Bombay, 1956, с. 14.
⁵ M. Воусе. The Zoroastrian Villages of Jupar Range, с. 153—154.
⁶ P. W. English. City and Villages in Iran, с. 76.
⁷ Там же, с. 46—49. 76.
⁸ The Iran Leage's..., с. 14.
⁹ А. И. Левковский. Особенности развития капитализма в Индии, с. 68—69.
¹⁰ Sohrah K. H. Katran. Who Are the Parsees? Karachi, 1965, с. 154.
¹¹ The Iran Leage's..., с. 86—88.
¹² Там же, № 3, 1947, с. 86—88.
¹³ A. Hikmat. Parsees of Iran, с. 15.
¹⁴ Там же.
¹⁵ The Iran Leage's..., с. 86—88.
¹⁶ Там же, с. 88.
¹⁷ Там же.
¹⁸ Там же, № 4, 1954. с. 15.
¹⁹ «Блиц», 15.VIII.1971.
²⁰ Сазмане занане зардошти. Ч. 1. Техран, 1960, с. 3—31.
²¹ Там же, с. 8—10.
²² Там же.
²³ Там же.
²⁴ «Анджомане фарханге Иране бастан», Техран, 1963.
²⁵ «Анджомане фарханге Иране бастан». № 1—3, Техран, 1963.
²⁶ А. Азер Гишасп. Айин баргозарийе джашинхайе Иране бастан, с. 46.
²⁷ Там же, с. 47—49.
²⁸ А. Азер Гишасп. Гахнамейе зардошти, с. 20.
²⁹ Там же.
³⁰ Там же.
³¹ «Талаш», № 55, 1976, с. 34.
³² М. Воусе. The Fire-Temple of Kerman, с. 53.
³³ «Махнамейе зардоштиян», 1975/76, с. 68.
³⁴ Там же, с. 85.

- ³⁵ М. Моли́е. Le problème zoroastrian et la tradition mazdeene. P., 1964, с. 4.
- ³⁶ М. Воусе. On the Sacred Fires of the Zoroastrians.— BSOAS. Т. 31. Ч. 2, 1967, с. 52.
- ³⁷ J. C. Cojadjee. The Future of Zoroastrianism. Bombay, [б. г.].
- ³⁸ Там же, с. 18.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Там же, с. 19.
- ⁴¹ Там же, с. 20.
- ⁴² В. Алексеев. Визит к огнепоклонникам.— «Вокруг света», № 8, 1974, с. 61.
- ⁴³ Там же, с. 159.
- ⁴⁴ Мохаммед Реза Пехлеви. Белая революция. Париж, 1967, с. 28—29.
- ⁴⁵ Там же, с. 29.
- ⁴⁶ Кануне асасийе джомхурийе эсламийе Иран. Техран, 1979/80, с. 7.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Глава I. Краткий очерк истории зороастризма	6
Глава II. Судьба зороастрийцев в средние века и новое время. Зороастрийцы Ирана и парсы Индии	34
Глава III. Обряды и обычаи зороастрийцев	52
Глава IV. Зороастрийская община Кермана и Йезда в середине XIX — начале XX в.	84
Глава V. Зороастрийцы и современность	101
Примечания	119

Елена Алексеевна Дорошенко

Зороастрийцы в Иране
(Историко-этнографический очерк)

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *А. М. Козлова*
Младший редактор *Н. Н. Комарова*
Художник *Т. И. Кастерина*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *Э. С. Теплякова*
Корректор *Л. И. Письман*

ИБ № 14173

Сдано в набор 23.06.82. Подписано к печати 03.11.82. А-10903. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 3. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 7,14. Усл. кр.-отт. 7,46. Уч.-изд. л. 7,39. Тираж 10 000 экз. Изд. № 4816. Зак. № 396.
Цена 45 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Выдет:

Н. А. Кузнецова

Иран в первой половине XIX в. 20 л.

В книге освещается переломный период истории Ирана, когда позднефеодальное восточное государство столкнулось с капиталистическими странами Запада и было вынуждено приспособляться к новым условиям, стремясь отстоять свою независимость и территориальную целостность. Рассматриваются установление власти династии Каджаров в Иране, соперничество западноевропейских держав в борьбе за влияние в стране, отношения Ирана с Россией, Афганистаном, Османской империей и среднеазиатскими ханствами. Прослеживаются тенденции социально-экономического и политического развития Ирана, эволюция капиталистических отношений в торговле и отдельных сферах производства, позиция шиитского духовенства и т. д. Книга снабжена библиографией.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192, Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Выдет:

В. А. Ромадин

**Очерки по истории и истории культуры Афганистана.
(Середина XIX — первая треть XX в.). 18 л.**

В книге освещается общественно-политическая эволюция афганского общества с середины XIX в. по 20-е годы XX в., анализируются предпосылки возникновения в стране во второй половине XIX в. прогрессивных идеологических течений, история их дальнейшего развития, а также процессы модернизации системы просвещения, возникновения современных форм культуры. Особое внимание уделено зарождению и развитию идеологии революционного движения, историческим преемником которого явилось освободительное движение в Афганистане на современном этапе, завершившееся победой Апрельской революции 1978 г.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами книготоргов и «Академкнига», а также по адресу: 117192. Москва, Мичуринский проспект, 12, магазин № 3 («Книга — почтой») «Академкнига».